

К. Мосин

СТАРАТЕЛИ

г. Нижняя Тура
2007

СТРАТЕЖИЯ

ЭК

63.3(2п36)
М 82

К. Мосин

СТАРАТЕЛИ

Нижняя Тура
2007

Константин Иванович Мосин

Родился в 1927 году в деревне Гольяны Оханского района Пермской области. В 1931 году с раскулаченными и высланными родителями привезен в Белгородский поселок Висимского района Свердловской области. С ноября 1944 года по май 1951 года служил в советской армии. В 1945 году участвовал в войне с Японией, был награжден медалью «За боевые заслуги». После увольнения в запас, и окончания вечерней средней школы, поступил в Свердловский горный институт. С 1958 года, до выхода на пенсию, работал в Исовском прииске объединения «Уралзолото» в качестве техрука и начальника драги, начальника цеха ремонта горного оборудования и главного механика прииска.

Награжден орденом «Трудового Красного знамени», медалью «За доблестный труд», знаком «Отличник соцсоревнования цветной металлургии», правительственными юбилейными медалями.

Двадцать лет избирался депутатом Нижнетуринского городского совета.

Присвоено звание «Почетный гражданин города Нижняя Тура».

Имеет печатные труды — книги: «Обслуживание и ремонт дражного оборудования», «Исовские фронтовики», «Забытые герои», «История добычи платины на Урале», «Спецпереселенцы», «На Исовских приисках», «Спецпереселенцы Белогорского поселка», главу в книге «Нижняя Тура», материал о добыче платины в третьем томе «Уральской горной энциклопедии», статьи в технических журналах СССР.

Часть 1

Искатели «фарта» - старатели

Вне всякого сомнения, самой колоритной и неординарной и в то же время противоречивой фигурой в золотоплатиновой промышленности России является старатель. Он и неутомимый разведчик недр, энтузиаст, романтик, одержимый золотоискатель, он же алчный хищник, барышник, гонящийся за «фартом», шкурник, которому нет дела до интересов государства, скряга, скопидом и мот и гуляка одновременно. И отношение к нему власти и «общественного мнения» на различных зигзагах отечественной истории было и есть весьма неоднозначное — от равнодушия, хулы, осуждения, гонения, запрещения до уважения, заискивания, восхваления и героизации. Но как бы то ни было, со старателем связаны самые яркие страницы истории российской золотодобычи. Да и вклад его немалый — до половины, а то и более желтого и белого золота. И вот при таких-то достоинствах и заслугах

старатель не удостоился попасть отдельной статьей не то что в Большую советскую энциклопедию, но даже в «Энциклопедический словарь» Е.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона, изданного в 1892 году.

Когда появились старатели на золотых промыслах Урала? Выскажем предположение, что раньше, чем возникла сама эта отрасль. Даже Ерофей Марков, по нашему мнению, не был первым старателем России. Он им оказался только волею случая. Мало ли было до него рудознатцев, «ревность имевших» к золотоискательству не ради «спортивного» интереса, конечно. Взять хотя бы мецгеряка Утямаша. А кто открыл большинство коренных месторождений золота на Урале? Не рудознатцы ли? После этого число старателей стало расти в геометрической прогрессии. В большинстве своем они были из государственных крестьян и других вольных, «гуляющих» людей, подрабатывавших золотоискательством. В тайне, естественно, от ока государевых служек. Добытое золотишко всегда можно было продать какому-нибудь скупщику типа ссыльного пробирера Дмитриева, который в свое время подвернулся Маркову или кабатчику,

купчишке, да мало ли кому, жаждавших его было предостаточно. Правда, за нарушение монополии государства можно было и в кутузку угодить, батогов отхватить. Но не пойманный — не вор. Поначалу, однако, власти по негласному правилу сквозь пальцы смотрели на «шалости» старателей. Много ли золотишка втихаря тайком добудешь в одиночку или сотоварищи из руды? Крохи, а польза от старателей могла быть великая — новые месторождения золота у казны.

Старательство как массовое явление получило распространение на Урале лишь после открытия россыпных месторождений золота и платины, особенно в 20—30-х годах XIX века, когда казенные и частные прииски стали появляться как грибы после теплого летнего дождя. Владельцы тех и других выделяли старателям небольшие участки, которые они разрабатывали «на свой счет». Накануне реформы 1861 года на отдельных приисках старатели составляли половину рабочей силы. Очередной всплеск увеличения числа старателей произошел вслед за отменой крепостного права и после указа 1870 года, ликвидировавшего сословные ограничения на занятия золотодобычей.

Тяжел и опасен труд старателей, немало гибло их от рук грабителей и разбойников, но желание разбогатеть, а то и просто ради любопытства, врожденной любознательности, шли они в лес, на отдаленные лога и речки Урала.

В разведку чаще всего шли вдвоем-троем с ружьями, топорами, лопатами, ковшом для промывки и котомкой сухарей за спиной. На привалах, боясь разбойников, не разводили огня, ели сухари, размоченные в воде, запивая холодной водой.

Тайга заступница, укроет и накормит, красотой своей порадует и успокоит тишиной.

Открытие в Нижнетагильской даче богатых месторождений платины в начале XIX века, побудило хозяев края, крупных золотодобытчиков, к насильственному перемещению крепостных крестьян из центральных губерний России, в частности Тульской, Вятской, Пермской, на Урал. Одних, за любую провинность гнали под конвоем, как каторжан, других, вместо службы в армии, так называемых рекрутов, так же везли на Урал, из них организовывали роты, к ним применялся армейский устав, в частности могли прогонять сквозь строй и избивать почти до смерти. Те и другие под строгой охраной жили в казармах.

Каторжанам часто ставили на лице клеймо «С. К.» - ссыльный каторжанин. Провинившихся били розгами. Каторжане и рекруты зарплату не получали.

После отбытия срока наказания, или по болезни, люди оставались тут же. Строили землянки, шалаши, низкие тесные избушки, женились и выходили замуж и жили порой впроголодь, не имея сносной одежды.

Народ выглядел заморенным, особенно женщины, которые сделаны были точно из тряпиц. У мужиков лица испитые, озлобленные. Непокрытая голь глядела из каждой прорехи.

Люди в глухомань собирались ранней весной, когда едва начинали оседать сугробы. Приходили на обжитые, или только разведанные прошлым летом места, мастерили временное жилье, починяли помятые снегом и ветром шалаши.

Артели старателей налаживали свою жизнь в лесу, когда начинались глухаринные тока.

Старателей приходило все больше и больше, многие не представляли как мыть платину. С утра до вечера тюкали топоры - готовили промывальные приборы, ремонтировали инвентарь и инструменты.

Люди шли из скитов, местных и дальних деревень - бедные крепостные крестьяне. Вечерами зажигались десятки костров, тут и там раздавались голоса, песни и рассказы стариков о богатых намывках и разбойниках.

В каждой артели свои заботы. По прибытии на место, под руководством опытного старателя, начинают копать шахту («дудку»). Над ней ставится небольшой деревянный ворот, которым «выхаживают» деревянную бадью с песком или пустой породой двое, а иногда и один «воротник» или их еще называют «вертелами». Тут же откатчики наваливают добытый песок в ручные тачки и везут их к речке или ручью, где стоит деревянный вашгерд («мутилка») — лоток для промывки породы и улавливания тяжелого драгоценного металла.

Мужики работают в забое шахты, у воротка и на откатке, а девки и бабы перебивают песок.

Внутри шахты есть еще такая специальность — «каталь». Очевидец в своих воспоминаниях рассказывает:

— Каталями в шахтах работали обычные подростки. Длина забоя метров двадцать-тридцать. Катать приходится из расщелин, крепленных подхватами, низко наклоняясь. Порода тяжелая, голый галечник. Бадьи с породой весят пять-шесть пудов, под ногами вода. Работа сдельная. В шахте несколько забоев, каждый забойщик стремится, как было больше выдать песков на гора, чтобы побольше заработать. За нерасторопность каталя ругают, и забойщики, и воротовщики. Проработает два-три часа, руки, ноги дрожать начинают, пот льется ручьями, ссадины горят на спине, голова кружится, о подхваты шишки на ней набиты.

— Вот где каторга-то. Силенки и опыта у пятнадцатилетнего мало, а жить надо, нужда заставляет работать, кормить даром никто не будет.

Иногда каталей называли «ползунками» - это подросток, мальчик, а то и девочка, которые в штольне шахты тянули на лямке корыто с породой. На руки им обычно одевали налокотники.

В дудку обычно хозяин наемных рабочих не пускал, а лез сам или посылал родственников (сына, брата). Дудка за день углублялась примерно на аршин. Сначала поднимали «пустяк» (пустую породу), его отвозили тачкой в отвал. Затем добывалась сама «жилка». При хорошем содержании бывает с видимой платиной или золотом. В отдельных кусках благородный металл сидел «Медуницами».

— Точно плюнуло золотом-то! — говорили старатели.

Иногда за день работы такая артель намывала больше фунта, получала больше ста рублей и обеспечивала себя на целую неделю гулянкой.

По горному уставу каждая шахта должна укрепляться в целях предупреждения

несчастливого случая деревянным срубом, но зимой, когда земля мерзлая, делают круглые шахты, без крепи, их тогда называют «дудками».

Рабочие, конечно, рискуют, но таков уж русский человек, что везде подставляет голову, только бы не сделать лишнего шага.

На казенных промыслах и в компаниях вашгерды запираются на замок и запечатываются восковыми печатями, чтобы старатели не воровали платину.

При промывке породы штейгер или объездной чиновник зорко следили за доводчиками, которые на деревянных шлюзах сначала споласкивали пески деревянными лопатками, а потом отделяли пустой песок от «шлихов» небольшими щетками.

Разработка месторождений в первое время носила полукустарный, мелкохозяйственный, хищнический характер, то есть брались только богатые россыпи.

Работы в первый период велись местными жителями: на Исовских россыпях - жителями Нижней Туры, Елкино, Крестовоздвиженска, Валериановска; в Нижнетагильских россыпях — жителями Черноисточинска, Висима, Висимоуткинска. Труд исключительно ручной. Основной инструмент: лопата, каелка, топор, тачка, ковш.

В первой половине XIX века, когда началась добыча платины, оплату труда рабочим на приисках, где трудились чаще всего беглые, крепостные, каторжные или даже рекруты, производили как вздумается хозяину-золотопромышленнику.

О жизни старателей в шестидесятых годах XIX века хорошо описал Ф. Решетников в книге «Где лучше?»:

«...На приисковом поселке стоит большая изба для рабочих. Тут же недалеко баня с полком, в которой, на полку жили преимущественно женщины.

Среди старателей были русские, татары и башкиры в серых войлочных зипунах и меховых треугольных шапках; черемысы, зыряне и калмыки. Тут были и раскольники. На прииске около десятка женщин.

На большинстве рабочих надеты лапти, на меньшинстве — валенки из войлока. Изба рабочих имеет большие полаты; под ними и около стен широкие скамейки. В избе темно, дымно, угарно и сыро. На полу грязь. Полаты занимают более сильные и бойкие. На печи спят казаки. На скамейках остальные, которых не пускают на полаты и на печь. В числе этих были беглые, которых никто не спрашивал, кто они такие. Подростки спали на полу, а если было свободно, то и в большой печи. Люди ссорились между собой, но никто не выдавал перед начальством другого. Так, если татарин знал, что русский клал между складок лаптей песчинки золота, он никому не говорил об этом, а старался как-нибудь обменять этот лапоть. Каждый опасался за свою жизнь, потому что здесь суд был короток: ябедник на другой же день оказывался убитым где-нибудь во рву.

В день получки начиналась попойка. Появлялась водка и брага. Начинались пляски у костра и песни.

Старательская жизнь хороша только понаслышке. Получив деньги, рабочие не знают, что с ними делать, а отдать на сбережение некому. Вот они и пьянствуют, закупая вино и продукты у лавочника, который их надувает, а самое ближнее село или деревня в десятках верст от прииска».

Идя на прииск, человек надеется, что непременно накопит большой капитал и умрет не в бедности, а дело-то выходит, что здесь еще, пожалуй, хуже: того и бойся, что или убьют тебя, или ты поработаешь — поработаешь, да и уйдешь с тем же, с чем пришел. Но люди живут на приисках долгие годы, и все-таки их не тянет в другие места. Нетерпение выгоняло старателя весной из дому. Часто работали в лесу, на речках по два-три человека, спали в балагане на нарах или просто на хвое. Искали металл в крутых логах, в ложбинках, приглянулось место - копай! Дойдешь до речника, до гальки -копай глубже, там должно быть золото!

Были и свои прелести в старательской жизни. На делянке он строил бревенчатый балаган; маленькое оконце скупое освещало неуклюже отесанные стены, нары, стол на вбитых в землю кольях. И если намывка идет неплохо, то вечером лежать на нарах, усталых толстым слоем душистой травы, слушать гудение огня в трубе железной печки и песни комаров, казалось куда приятней, чем жить в чистой избе или конторе, где с утра до вечера какая-то спешка, в лихоманке бьются люди, кричат, куда-то бегут, точно у них горит все.

На приисках с раннего утра копошатся люди, перебивая пески, возле балаганов и шалашей гомонятся малые дети, покинутые родителями на целый день.

Мучаясь от летнего зноя, люди роют песок. Девушки катают тачки с песком на промывку, а с промывки, уже пустую породу, на отвалы. Всюду крики, перебранки, а то и смех.

Если приезжал хозяин, то зрители начинали покрикивать на артельщиков.

Платина идет не постная. У многих артелей выпадает фарт на хорошие самородные гнезда. Жизнь на прииске шумит, как бурная, горная река.

На прииски бывало молодые девчата из монастырей убегали, злые в работе и озорстве, живут смело, понимали, что в монастырях им житья бы не было, а здесь лес, река и главное свобода. Тачка с песком тяжелая, но молодость берет свое, вываливала породу и бегом к забою, вечером отдых у костра, в шалаше или в бараке, в воскресенье и в праздники гулянка и веселье, кругом свои, равные тебе люди.

На освоенных и обжитых приисках жизнь из года в год текла равномерно, а вот новое месторождение бывало получить не легко, нужно разведать его, оформить заявку, застолбить участок, и не дай бог, если об этом месторождении знают многие, тогда вновь открытая, богатая россыпь старателями бралась порой «приступом» — «стоном стон стоял». Партий набиралось до сотни. Заявочные столбы можно было ставить в точно назначенный день после двенадцати часов ночи, все сидели около своих назначенных мест и ждали этого часа, а когда он наступал, то «свои не узнавали своих», лесная тишь оглашалась неистовыми криками, руганью и ревом, а порой и драками.

Обычно старателю, если найдет платину в целом месте, отводилась делянка двадцать-сорок метров по простиранию россыпи и десять-двадцать метров в ширину. Рядом отводились делянки другим. Когда на новое место бросалось много людей, делянки отводились по жеребьевке.

Добыча платины старательским способом была выгодной для предпринимателей.

Не неся почти никаких материальных затрат они получали большие доходы. Старателям за сданный золотник платили в четыре-пять раз дешевле, чем сами получали на мировом рынке. В связи с этим на приисках процветало хищение, спекуляция платиной и значит часть ее уходила на черный рынок.

Рабочие приисков, после отмены крепостного права, еще долго оставались темными и неграмотными, но к концу века многие из них уже хорошо стали разбираться в пунктах договора и требовать его выполнения. В отдельных случаях невыполнения договора хозяевами служащий рискует получить удар кайлой или лопатой. Эти случаи далеко не редки на приисках.

Во второй половине XIX века золотопромышленники вынуждены были заняться улучшением быта и повышением заработной платы на приисках, так как стало ясно, что без решения этих вопросов нельзя повысить производительность труда и, следовательно, получать необходимые доходы.

После реформы 1861 года прииски оставались в ведении хозяина до 1874 года. Эти годы отмечены массой злоупотреблений и хищения металла. Этот период назывался на промыслах «казенным временем». С 1875 года они стали переходить в руки анонимных компаний и крупных золотопромышленников.

Рабочие, после отмены крепостного права с казенных работ были переведены на вольнонаемный труд, но еще долго оставались темными, покорными и неграмотными. Когда же первое опьянение волей миновало, оказалось, что промысловое население очутилось в полной экономической зависимости от всякого рода компаний.

Среди старателей начало процветать пьянство, бывало пропивали все, не думая о том, чтобы завести новую одежду или сапоги.

В поселках зачастую царилась самая вопиющая бедность, рушились дома, исчезал скот.

Случаи дикого счастья время от времени перепадали старателям, когда кто-нибудь находил хороший пропласток драгоценного металла или «гнездо» золота, это отмечалось непременно покупкой новой лошади или хорошей одежды, новыми крышами на избах, а то и всей избы и, как правило, пьянством.

Вольные старатели, не связанные договором с компанией, объединялись в небольшие артели — людей тянуло на свой вольный хлеб. В артели они чувствовали себя свободными — сами большие, сами маленькие.

После 1861 года, гонимые неурожаем, нуждой и безработицей, а многие в поисках счастья и приключений, на Уральские прииски потянулись со всех уголков России тысячи людей, попадая в кабалу к золотопромышленникам, жестоко их эксплуатирующими.

Выплачивая рабочим мизерную зарплату, не обеспечивающую порой прожиточного минимума для семьи, предприниматели тем самым вынуждали идти на работу женщин и детей, причем оплата их труда, по отношению к зарплате мужчин, составляла сорок-пятьдесят процентов. Продолжительность рабочего дня одинакова для всех — двенадцать часов.

В книге «Лога» Алексей Бондин изображает типичную для Урала жизнь старателей - отца и сына Скоробогатовых.

- Дом у Скоробогатова как из земли вырос! — говорили соседи.

Был он щеголевато одет. На голове бобровая новая шапка с бархатным верхом, огнем горит из-под щегольского полушубка ворот ярко-красной кумачовой рубахи, плисовые широкие шаровары и ботфорты с лаковыми наклейками. В больших пошевнях, на тройке с колокольцами, он, как бешенный, влетал в окраинные улицы, когда ехал с прииска, и люди испуганно сторонились остервенелых, взмыленных лошадей. Голову Яков в ту пору держал прямо, на людей смотрел свысока.

Сегодня не то. Доведенный до отчаяния он метался по реченкам, по логам, хищничеством занялся.

Бывало в шахте попадался самородок платины. Старатель радовался как ребенок, вертел его перед глазами, относил подальше от глаз, взвешивал на руке, ласкал его называя нежными словами.

Старатель любил работать там, где можно было каждый день видеть плоды своих трудов.

После хорошей намывки в избе появлялись новые половики и обои, на дворе под навесом новенький с плетеным коробком экипаж, жена и дети становились чище и круглее. Пьяный разбухарившись, старатель в компании доставал из пачки денег серую двадцатипятирублевку говорил:

— Видали, как деньги горят? Покажу. Смотрите, как царю Лександру бороду подпаливаем.

Но если намывки не было. Фарт уходил, то многие из них с горя пускались в пьянку и тогда избушка пропившегося старателя стояла среди изгороди с переломанными жердями, без надворных построек, не похожая на избы зажиточных старателей, обросших сараями с крытыми дворами, банями, хлевушками.

От безделья и беспробудной пьянки он сжигал все постройки и допиливал на дрова жердья оставшейся гнилой стены, которая когда-то отгораживала двор от огорода.

В балаганы к старателям часто заходили бродяжки — беглые мужики из острога. Убегут и живут где-нибудь в покосной избушке или около приисков околачиваются. Летом гуляют, а к зиме сами в острог лезут.

Мальчики двенадцати-тринадцати лет работали на лошадях гонщиками, а женщины на вашгерде промывают породу.

Одежда самая простая: у мужчин холщовая рубаха, самотканые штаны, лапти или редко у кого сапоги; у женщин кофточка из ситца, длинная юбка из мешковины, на голове цветастый платок, на ногах те же лапти. Обувь на промыслах самое дорогое для рабочего, вынужденного работать в грязи и зачастую по колено в воде.

Самый торжественный, волнующий момент в жизни старателя — это сплоск и доводка металла. Каждого интересует, — что там намыли за день? Каков улов?

Вечером приходит штейгер или баночник, вскрывают опечатанный грохот, сплоск делает сам руководитель старательской артели, он старается ссыпать «интерес» платину в банку столько сколько хочется ему, а часть оставить не сдавая. Штейгера пытаются всячески одарить, вплоть до того, что подставляют «свободных» женщин, те

заманивают его к себе, а старатели в это время крадут платину. Таким образом часть платины идет по более высокой цене к частному скупщику.

Хозяева приисков хорошо знали, что многие штейгеры - воры, но они преданы ему, доносят обо всем, что творится на прииске, о чем говорят рабочие и хозяин знал о настроениях людей в артели.

Некоторые старатели ухитрялись воровать металл прямо с вашгерда, для этого стлали вторую рогожку и перед сполоском, до прихода баночника, рогожку снимали: бывало подделывали пломбиры, при сполоске платину спускали под «хвост» и так далее.

Для надзора за сохранностью драгоценных металлов была введена должность горного ревизора. Эти служащие часто знали скупщиков платины и за сокрытие их брали взятки.

Один из ревизоров признался своему приятелю:

— Правильно, беру, только беру натурой: вот сигарок хороших пришлешь— возьму, винца хорошего — тоже, балычка донского, икорки астраханской - все возьму, да еще тебе же спасибо скажу. А вот денег не случилось брать.

Прииск часто гудит бешеными кутежами. Их иногда устраивает сам хозяин.

— Угостить надо рабочих, а то вяло робят!

В хорошие солнечные дни работа на прииске кипит, то здесь, то там шутки, рассказы, девчата готовы петь целый день. Но в дождливые, пасмурные дни, когда сверху моросит дождик, а под ногами грязь и слякоть, люди медленно ворочаются у станков и в забое, понуро ходят по узким дорожкам кони, запряженные в двухколесные таратайки, глухо звякают бадьи, шуршит галька на лопатах, сердито урчит вода в шлюзах. В сером тумане ненастья прииск кажется оторванным куском земли, брошенным в мутную сырую яму. Люди работают лениво, часто садятся в укрытие от дождя, крутят сигарки, подолгу курят, и, доработав остаток дня, уходят в казармы. Там в дыму, в запахе сушившихся овчин и портянок, усталые засыпают, чтобы с утра снова копать, полоскать, врезаться глубже и глубже в землю.

Дома старатели для себя строили сперва барачного типа, маленькие, окна у самой земли, крыша покрыта дранкой, внутри дома, посередине, стоит русская печь, дощатая заборка. В одной половине вдоль стены, настланы сплошные нары, коек нет, у окна длинный грубый стол и лавка. В этой половине живет до десятка мужчин или женщин, в другой половине живут хозяева. У хозяев водится: скотина - лошадь, корова, куры. Во дворе валяются старые бадьи, лопаты, скребки, кайлы, таратайка. У дома небольшой огород.

Старатели в большинстве своем неграмотные, отсталые, часто пропивают все, что зарабатывают, не заботясь об одежде и питании.

Один журналист в середине XIX века писал так: - «Рабочие, получившие задаток для работы на приисках, щеголяют в новых азямах, подпоясанных широким кушаком, в высоких бобровых шапках. Но тех же самых франтов можно вскоре встретить в жалких лохмотьях, стучащих зубами в трескучие морозы. По всей России многие рабочие при-

исков остались теми же гуляками, людьми невежественными и слабыми в волевой своей доле.

Рабочий, выходя с работы в ближайших поселениях, встречается с широко открытыми дверями кабаков, с тайными спиртоносами и со всякого рода людом. И многие, даже из числа семейных, совершенно пропиваются и проигрываются в карты. Нередко совершаются кражи, грабежи, убийства».

Старательский труд тяжелый по 10—12 часов, бытовые условия скверные, живут десятками человек в одной казарме, спят без постелей на голых нарах, постелив свой зипун, укрывшись чем попало, освещение две-три керосиновые лампы на всю казарму, сушка одежды тут же в казарме над печами, вечером в помещении духота.

Следует отметить, что старательская работа имеет ту хорошую сторону, что дает возможность работать женщинам и подросткам, свободным от домашних дел.

В семидесятых - восьмидесятых годах 19 века обеспечение контрактных рабочих и частично старателей продовольствием производилось из расчета на одного рабочего в месяц:

Мука ржаная	33 килограмма.
Крупы или гороха	4 килограмма
Мяса	12 килограммов.
Сала	1,2 килограмма.
Постного масла в посты	0,6 килограмма.
Соли	1,2 килограмма.
Чаю	0,1 килограмма.

Или по желанию, под заработную плату рабочие сами получают от хозяина припасы, одежду, обувь. Так же могут покупать всё необходимое в ближайшем магазине.

Разведочные работы в 19 веке золотопромышленниками не велись. Так в Нижнетагильском месторождении у Демидовых все открытия в течение 19 века обязаны трудам и усилиям старателей. Например, открытие увальской Авроринской долины в 1869 году, давшей до тысячи пудов, принадлежит им же.

— На платиновых приисках графа Шувалова участие старателей в 1861-1865 годах было незначительно. В последующие годы оно стало расти тоже медленно, так как старателям предоставлялись только выработанные места и такие, из которых добыча платины хозяйственным способом считалась убыточной. В последующие годы старатели представляют уже крупный фактор производительности приисков. Ими добыто в это время половина добычи, из 262 пудов - 126 пудов.

Цена за старательскую платину здесь всегда была выше Демидовской. Если там платили тридцать копеек за золотник (4,26 грамма), то у Шувалова пятьдесят копеек.

Затем цена дошла до 1 рубля 30 копеек. Вместе с тем старателям были предоставлены целики по Большому Покапу, где оказались пески с хорошим содержанием платины.

В Нижнетагильских приисках в это время платили один рубль за золотник, т.е. на тридцать копеек дешевле, но целиков с хорошим содержанием там старателям не давали и старатели перебивали отбросы прежних промывок, перебирали старые ортовые работы, или зарабатывались в бортах, ранее оставленных хозяевами.¹

В Гороблагодатском округе, где эксплуатация приисков в 1867-1877 годах за небольшим исключением производилась на приисках товарищества Бурдакова, работы производились и старательские и хозяйственные. Цены на платину здесь были низкие, вероятно, потому, что запрос на нее вполне удовлетворялся добычей того времени, т.е. спрос был мал. Поэтому добыча велась только из самых богатых россыпей, которые тогда были известны и находились в области известняков в низовьях Иса. При таких обстоятельствах золотопромышленники со средствами предпочитали золотой промысел платиновому.

Даже Переяславцевы, владея лучшими открытиями Голяховского по рекам Глубокой, Каменке и логами между Журавликом и Каменкой, только в восьмидесятых годах организовали постоянные работы, но добывали незначительное количество платины: 4-5 пудов (65,5 - 82 килограмма).

Выше области известняков, по среднему течению Иса, в Гороблагодатском округе, прииски стали появляться только около половины восьмидесятых годов, т.е. такие, на которых установились постоянные и правильные работы, а в верхних частях Иса, вблизи с границей Бисерской дачей постоянные работы начались в девяностых годах.

Старатели не были такими сплоченными как, например, рабочие на заводах, поэтому долго молча терпели невзгоды жизни, тем более работали сезонно.

В конце XIX и начале XX века таких диких намывок и «фарта», какой был в середине века, уже не было, «скоробогатых» становилось все меньше, а желающих разбогатеть не убывало, кроме того, многие разорившиеся, голодные от неурожая крестьяне шли на прииски. Рабочей силы хватало, добыча платины начала падать, а желание золотодобытчиков сохранить прибыли не проходило.

В результате встал вопрос о повышении производительности труда, которую можно было достичь путем внедрения механизации ручного труда, улучшения жилищно-бытовых условий работающих, коренного изменения организации труда и принятия других мер. Рабочим и старателям на приисках выдавались расчетные книжки, где указывались условия труда и его оплата, велся учет выданных продуктов и припасов. Все работы по добыче песков и их промывке старателями велись вручную. Кайло, лом, насос, тачка на деревянном колесе, да «болотка» (массивный молоток весом 6—10 кг) — вот и весь инструмент старателя, только доставка породы на вашгерд изредка велась в таратайках лошадьми. Вашгерд как промывочный прибор является изобретением старателей.

Промывка горной массы происходила на различных агрегатах, в чашах, бутарах. Для старателей все эти механизмы были непригодны, так как они нуждались в приборе легком, удобном для переноски и обеспечивающем промывку песков в достаточном для

¹ Вестник золотопромышленности 1900г.

артели количестве. Таким и оказался вашгерд, ставший универсальным аппаратом для промывки и опробования породы в небольших масштабах для мелких артелей, разведочных партий и даже старателей-одиночек.

Крупные артели применяли и более производительные приборы, такие как «американка», «кулибина», но основным все же оставался вашгерд. Так, по данным сборника «Горнозаводская промышленность России», в 1882 году в Пермской и Оренбургской губерниях были промыты 1,2 млн. м³ песков, на обработке которых было занято 1746 вашгердов, 371 грохот, 59 чаш, 34 «американки» и 12 бочек.

Русские изобретатели положили немало усилий для облегчения тяжелого труда старателей. В 1857 году В. Пакулев изобретает способ промывки золотосодержащих песков, который впоследствии применяется в США под названием «русский способ».

Затем в 1859 году А.Н. Лопатин изобрел песковоз для перевозки песков, торфов и гальки посредством бесконечно движущейся ленты (транспортер), а в 1874 году К.А. Кулибин изобрел шлюзовое устройство для промывки золотосодержащих песков, которое получило название в приисках «кулибины». Внедрение чаш Камарницкого, транспортеров, «кулибин» позволило позднее использовать экскаватор.

Однако несмотря на большое значение этих открытий, разработке поддавались лишь сухие россыпи. Отработка обводненных россыпей требовала мощного водоотлива, а следовательно, и увеличения дополнительно денежных расходов, так как эти россыпи проходили в основном по долинам — руслам рек, где было наибольшее скопление золота и платины. Это вынуждало совершенствовать механизацию труда. Тенденции в механизации труда старателей в частности на Исовских приисках, приведена в табл.

Таблица

Применение техники на Исовских приисках

Наименование	Кол-во по годам			
	1892	1893	1894	1895
Паровые машины	2	4	11	11
Бочки-бутары	—	—	—	1
Чаши Камарницкого	—	—	2	3
«Американки»	1	5	12	5
Ручные вашгерды	10	11	16	43

К наиболее прогрессивным в то время механизмам относились:

— золотопромывальная бочка, или просто бутара, представляет собой круглый конический грохот из дырчатых листов. Рыхлые пески через завалочный люк поступают в бочку, где размываются струями воды под напором.

Бочка вращается, при этом пески окончательно разрыхляются. Мелкая фракция с золотом и платиной через отверстия в листах поступает на шлюзы, а крупная через нижний конец бочки уходит в отвал пустой породы;

— боронка - паровая фабрика. Здесь тоже бочка с дырчатыми листьями длиной около 4 м. Мелкая порода с металлом проваливается и поступает на шлюзы, называемые плосконою, покрытой трафаретами. Между трафаретами осаждаются эфеля и драгоценные металлы;

— чаша Камарницкого. Диаметр ее бывает разный, в среднем пять аршин (3,6 м). Обогащенный эфель в ней сквозь грохот проваливается на шлюз. Пески передвигаются пестами, орошение через трубы. Привод паровой или конная тяга;

— «американка». Это крытое сооружение с завалочным люком и длинным шлюзом, шириной 1 м и более. Металл из канавы поступает прямо на «американку». У шлюза несколько человек скребками размельчают породу и прогоняют шлихи и гальку. В канаве при доводке работает до десяти человек рабочих, они убирают крупные камни;

— «мутилка» — примитивный шлюз, применявшийся в начальный период добычи золота и платины для промывки песков. Нередко применялась граблевая промывка песков. На хорошем механизированном прииске обычно стоит большой корпус с чашей, увенчанной круглой верхушкой. Корпус вздрагивает бревенчатым телом от внутренних толчков машины, грохочет бутара и выплевывает отработанную гальку.

Рядом из другого корпуса, выкидывая белые клубы пара, устало пыхтит паровая машина. Вдоль котловины расширяется разрез, в нем пестрят люди, лязгают лопаты, ходят кони, запряженные в таратайки, лихо, размахивая вожжами, резко присвистывая, мчатся подростки-коногоны.

Люди любят работающим богатым прииском. Здесь громадные отвалы и свалки верховика и перемывок, правильные квадраты глубоких выемок, где добывается платиносодержащий песок; бутара, приводимая в движение паровой машиной, новенькая контора на взгорье, а там, в глубине, дымки старательских огней, кучи свежего хвороста и движущиеся рабочие с тачками — все это близкое, родное, кровное. Это настоящая работа, настоящий металл, недостижимая мечта. Дух захватывает, глядя на такую работу, не то что в захудалых артелях, где копнуто там, копнуто в другом месте, в третьем, а настоящего ничего нет.

Механизацией золотопромышленники еще как-то занимаются, но вопросы, связанные с жизнью людей, решаются слабо и в результате среди рабочих все больше и больше начинает расти недовольство.

В 1905 году на Исовских приисках начались волнения. В январе приехало три подпольщика, но не было ясно, какую партию они представляют. Один из подпольщиков обосновался в пос. Глубоком, второй — в Артельном, третий — на Косье.

В феврале состоялась общеприисковая забастовка. В пос. Екатеринбургский (ныне пос. Ис) к приисковому управлению съехалось от трехсот до шестисот подвод с людьми. Состоялся митинг, была выработана петиция, куда включили следующие пункты:

1. Улучшить жилищные условия.

2. В казармах сделать сушилки и иметь специальных уборщиков для мытья полов и побелок стен.

3. Повысить цену на сдаваемую платину.

4. В казармах улучшить освещение.

5. С приисков убрать арестантов, так как их используют в качестве штрейкбрехеров.

6. Установить восьмичасовой рабочий день.

Чего же добились рабочие:

1. В казармах произвели ремонт и побелки.

2. Открыли клуб под названием «Дом общества трезвости».

3. Арестантов сперва убрали, но вскоре они снова появились.

4. В рабочих поселках усилили полицию, привезли казаков, а к Шувалову, на Косью, черкесов.

5. За рабочими усилили надзор.

Волнения временно утихли, но придет время, и рабочие возьмутся за оружие.

В период между революциями 1905 и 1917 годов проходило много митингов и собраний на приисках Урала, на них выступали представители разных партий, возникали бурные споры, простым рабочим-старателям трудно было разобраться, кому больше верить.

Толчком к дальнейшим выступлениям послужили события на р. Лена. В марте 1912 года рабочие Ленских приисков выставили требования в адрес своего руководства. Правомочность этих требований подтвердило Иркутское горнозаводское присутствие. В своем решении этот орган власти отметил грубое нарушение в вопросах питания, бытовых условий и заработной платы рабочих на приисках. Но элементарные требования не были удовлетворены, рабочие забастовали и в первых числах апреля колонной в несколько тысяч человек двинулись к конторе. Их встретили солдаты залпами огня, был убит 191 человек, ранено 210.

Английские акционеры Ленского товарищества нашли требования рабочих вполне законными и были поражены тем, что Ленское товарищество, первое по добыче золота в России, нисколько не заботилось о материальных и гигиенических условиях рабочих.

Говоря о жизни старателей на приисках, нельзя не вспомнить рассказы людей, работавших здесь в конце XIX — начале XX века.

В. Молодцов, работавший штейгером, так описывает свою работу на прииске «Глубокая»²⁰⁴: «Жизнь на прииске начинается рано, а моя задача — обойти свои участки, опечатать станки (вашгерды), записать в таблицу наемных рабочих, так как с ними расчет производит контора за счет старателей, нанявших их.

На вашгердах (по-тамошнему машерты) обычно работают женщины: одна качает воду, две другие действуют скребками. Мужчины заняты добычей и доставкой на промывку породы.

Всего на участке двенадцать старательских станков. Обычно в четвертом часу дня начинается сполоск. Я проверяю пломбы. Старатели начинают «священнодейство-

вать», этим важным делом заняты мужчины, женщины уходят домой управляться по хозяйству.

Снимается крышка вашгерда.

— Смотрите, платина-то, как изморозь по черному шлиху! Подфартило Митрию — на «столбик» наткнулся!

— Какой там столбик, — говорит подошедший старатель. Слезы одни. Вон старики сказывают: у них прежде платинешка-то в кадце в сенях стояла.

Сполоск продолжается, ставятся заградительные бруски, и старатель под слабой струей воды дважды выколачивает веревочную рогожку, потом работает «пехлом», отбрасывая крупные галечки кварца, яшмы и железняка. Затем идет в ход щетка и, наконец, ладонь. Вся работа идет под струей воды, окончательная доводка — перстом. На деревянном покатом полотне остается небольшая щепотка светлого серебристого песочка — платины.

Подача воды прекращена, металл снимается на железный совочек-снималку и сушится на костре, затем ссыпается в пакетик с надписью, который старатель опускает в опечатанную металлическую банку предмет, который штейгер носит с собой и хранит, как зеницу ока.

Вообще деятельность артелей регламентировалась Правилами старательских работ по которым выбирали из коллектива наиболее уважаемого человека артельщика. Он оформлял подряд на работы, вел учет добытого металла и сдачу его в золото-приемную кассу.

Иван Михайлович Шадрин вспоминает: «С 1907 года я работал на Шуваловских приисках. Режим очень строгий. Нельзя было собираться повеселиться и выпить. Раз собрались мы с ребятами, выпили, пошумели, нас обвинили в сговоре против начальства. Согласно циркуляра управляющего Перре, с работы уволили. Черкесы — охранники Шувалова — проводили до Граневого — границы Шуваловских владений - и приказали больше не появляться. Это был не единственный случай, так Шуваловские приспешники поступали всегда и со всеми неугодными.

У Шувалова плохо было с банями, на 600 человек одна маленькая баня, мыться ходили в соседний поселок. У сезонников порой для переменки и белья-то не было, поэтому и мылись редко».

Флягин описывает свою жизнь так: «С 1901 года живу на Артельном. В то время домов почти не было, жили в землянках. Кругом лес и болота, но в лесу приволье: звери, птица, грибы, ягоды и кедровые орехи. Зайдешь в лес, а там тишина, только прошуршит сухой листвой зверек, вспорхнет с шумом косач или рябчик, да осенью при ветре с шорохом падает кедровая шишка.

После того как прииск купила Анонимная компания, появились бутары и боронки, песок стали подвозить на вагонетках по железной дорожке.

Река Ис в этом месте была глубокая и еще чистая. В ней водилась в большом количестве рыба: хариус, окунь, налим, щука и другая рыба. По берегам хорошие луговые травы, раздолье для скота.

С 1902 года поселок стал расти. Деревянные семейные дома строить сперва не разрешалось, так как лес был хозяйский. Строительство частных домов было разрешено только после 1905 года».

Григорий Дровосеков рассказывал: «В 1904 году четырнадцати лет приехал с отцом на поселок Шуркино. Там стояла казарма и в ней под охраной жили заключенные, работавшие на добыче платины. Старатели жили в землянках. Прииск принадлежал Шаравьеву, который он продал Анонимной компании. Работали по два рубля за кубометр перемытых песков и по двенадцать часов в день.

Кроме русских на поселке жило много татар.

Затем мы переехали на прииск Шатровский. Жили в бараке, стены из шести-семи бревен, потолка нет, сразу крыша из жердей, сверху дерн, два окошечка, затянутых бараньей брюшиной. Позднее я переехал на Конюховский, поселок был еще очень маленький, здесь старателям платили по шестьдесят копеек за золотник.

Молодежь в поселке гуляла так: собираются на улице, пляшут под гармошку, девочки поют песни или частушки, парни пьют много, часто дерутся.

Вскоре с отцом стали стараться самостоятельно, нам подфартило, попали на хорошую жилу. Купили лошадь, инвентарь и зажили неплохо».

Виктор Григорьевич Касьянов (родился в 1922 году в пос. Косья в семье старателя) вспоминает о жизни старателей в 30-е—40-е годы 20 века: «Работать пошел с четырнадцати лет каталом в шахту старательской артели «Красный Октябрь». Основной инвентарь каталья - тачка «одерка», приспособленная для перевозки бадьи с породой. В течение восьми часов приходилось работать почти без перекуров. Норма на забойщика с каталом — четыре кубометра в смену. Каталь эти кубометры должен перевезти от забоя, за 20—30 метров, к устью шахты, а если забойщик накайлил больше, что бывало нередко, то и перевезти надо больше. Зарплата выплачивалась в зависимости от результатов работы всей артели. Ставка у забойщика была 2,5 трудодня, у каталья — 2 трудодня при норме 4 кубометра.

К концу рабочего дня от усталости валишься с ног.

Зимой учеба в школе, а летом работа в шахте. Артель работала у пос. Лабазский близ пос. Верх-Ис. Рабочих 120 человек, в основном раскулаченные спецпереселенцы. Работали на совесть, дисциплина крепкая, люди в основном трудолюбивые, исполнительные, спиртными напитками не увлекаются.

Намывки разные, в основном неплохие, поэтому жили хорошо, были сыты и одеты, а других потребностей у жителей старательских поселков и нет.

Зарабатывали по 4—5 рублей болами за смену. Государственная цена одного бона 10 руб. Продажа бонов с рук шла по 20—25 руб. На боны в Торгсине можно было купить: на 12 золотых рублей (бонов) мешок муки (80 кг), американское хромовое пальто до пят стоило 70 руб., американская кожаная курточка 47 руб. В свободной продаже таких товаров не было, поэтому люди стремились приобрести боны.

На шахте был внедрен первый в этих краях гидроэлеватор для подъема породы из шахты на поверхность, до его внедрения породу подавали ручным воротком в бадьях.

Гидроэлеватором пульпа подавалась на поверхность и поступала на шлюзы, где женщины производили сполоск и доводку платины.

Это новшество значительно облегчило труд рабочих и повысило их производительность. Гидроэлеваторы быстро нашли применение в других артелях.

На Косье в районе Второго лога перед войной работала показательная артель имени Третьей пятилетки. Председатель артели Ярхам Гатаулин, человек серьезный, бескорыстный. Артель насчитывала 180 человек, отличалась хорошей организацией и высокой производительностью труда. Здесь впервые был внедрен многозабойный метод труда.

Одним из забойщиков в шахте работала Халиса Гамалетдинова, которую за большую физическую силу и мужской характер звали Халис Иванович.

Однажды говорит бригадиру: - Я рожать пошла.

И прямо из забоя отправилась в больницу. Родила мальчика, который через два дня умер, а Халиса тут же вышла на работу.

Вместо четырех кубометров некоторые забойщики в этой шахте давали 6-8 м³. Люди работали зверски, без перекуров.

Одной из крупных артелей в 30-е—40-е годы на Косье была артель в пос. Качканарском. В отличие от других артелей здесь до 50 % добывалось золото.

В 30-х годах местные органы власти любыми путями пытались изъять у жителей припрятанную еще со времен Первой мировой и Гражданской войн платину, ее у населения было немало. Начальство и работники НКВД, если узнавали или предполагали, у кого она имеется, «выбивали» ее любыми способами. Человека многократно арестовывали, с пристрастием допрашивали, пока тот, не выдержав, сдавался и приносил металл в скупку. Один старик сдал сразу 10 кг, после чего с горя покончил с собой.

Народ на Косье дружный, трудолюбивый, жили даже в войну неплохо, помогали спецпереселенцам и эвакуированным, а после войны, когда привезли репатриированных немцев, по-доброму встретили и помогали им устроиться с жизнью.

В начале 20-х годов отец Виктора Григорьевича был лишен прав участия в выборах и занимать ответственные должности, стал называться «лишенцем», таких в рабочих поселках было много, особенно из числа зажиточных старателей.

Но случались на поселке и люди недобросовестные, мошенники и проходимцы. Был такой Кутявин, неоднократно судимый за воровство и хулиганство.

Однажды на Косью с концертом приехали из Москвы два известных артиста. Решили купить платину, чтобы на нее приобрести дефицитные товары. Кутявин, прослышав об этом, истолок в ступе чугунную сковородку, добавил туда что-то для блеску и по секрету сообщил им, что может достать по дешевке платину. Купив такую «платину», артисты пошли ее сдавать. В приемном пункте сразу определили «отуру» (так называлась фальшивая платина). Приемщик сильно удивился простоте и глупости приезжих. За этот обман и за другие проделки Кутявин получил десять лет, но через три года вышел на свободу и снова взялся за старое, но к радости жителей вскоре замерз прямо на дороге.

Старатели на Урале.

Семейная старательская артель. 1898 г.

Просушка шлихов.

Старательский барак.

Виктор Григорьевич — инвалид ВОВ, трудолюбивый и честный человек. Всю жизнь принимал активное участие в общественной жизни. В молодости был старостой духового оркестра, долгое время на общественных началах в клубе работал художественным руководителем, неоднократно бывал председателем избирательных комиссий».

Старатель Ширинкин вспоминает следующее: «В 1897 году двенадцати лет я приехал на прииск Вознесенский. Прииском в то время владел Шайдуров. Начал работать на лошади гонщиком. На поселке было десять домов. Жили в бараках, хлеб пекли в печах, сбитых из глины, которые стояли на улице под открытым небом. Продукты получали на хозяйском складе. Зарабатывали мало, за кубометр породы платили двадцать копеек, в составе бригады: лошадь, забойщик и гонщик».

Василий Дмитриевич Жуков описывает свою старательскую жизнь: «В 1896 году, когда мне было двенадцать лет, я приехал с отцом на Исовские прииски из Вятской губернии. На родине был неурожай и голод гнал людей на поиски работы и лучшей жизни. Жить негде, построили землянку, в которой и прожили два года. В таких же землянках жили и другие «искатели счастья».

Помню, пришел я как-то к товарищу по работе, сидим, разговариваем, вдруг треск, шум.

- Что такое? — смотрим, на печке лошадиные ноги стоят. Оказывается, на воле ходила лошадь, потянулась за травой и наступила на крышу землянки, покрытую дерном, поросшим травой, и провалилась.

В 1900 году мы жили на Маломальском, отца уволили за грубость с начальством без права поступления на работу в прииск. Переехали в Асбест, но там было еще хуже и мы вернулись на Глубокую».

В. Бабурин рассказывает: «Мы целым табором, в лаптях, грязные, оборванные, весело шагаем за телегой, нагруженной скудными пожитками. С горы открылся чудесный вид на горный хребет Среднего Урала, открылся вид и на прииск, расположенный недалеко от реки Ис. В центре прииска на площади — три казармы, человек на двести каждая. В берегах оврагов нарыты землянки.

На другой стороне речки добротные приисковые хозяйственные постройки. Отдельно от других домов и построек возвышался большой дом, в котором жил управляющий.

При подходе к прииску поразила необычайная картина. Со стороны разреза слышался гул голосов, сливающихся со звуками шипения пара, гудков, скрежета работающей бутары. В разрезе сотни рабочих с кайлами, лопатами, кувалдами в руках копали, долбили породу, нагружали ее в вагончики. Подростки, верхом на лошадях, подцепляли вагончики и по рельсам везли на бутару. По реке Ис раздавались звонкие песни девчат. Лязг скребков, грохот промываемой породы, стук колес таратаек».

Один из жителей этого района с любовью и горечью вспоминал:

— До открытия платины на реке Ис не было ни одного жилого поселка, за исключением деревни Палкиной, расположенной при впадении Иса в Туру. Кругом шумела тайга, в которой разгуливали таежные великаны — красавцы лоси. Табуны оленей паслись по

зарослям и болотам. Много водилось медведей, рысей, росомах. В кедровниках прыгали с дерева на дерево белки, сновали полосатые бурундуки. Осенью, когда поспевала черника, брусника и клюква, большими стаями с места на место перелетали глухари, рябчики, вальдшнепы.

В реке Ис и ее притоках, в лесных озерах плавали косяки щук, окуней, хариусов, налимов. С заселением Иса началось массовое, варварское уничтожение зверя, птицы, вырубка лесов по его берегам.

Теперь, в конце XIX века, в летний период, в разгар работ, долина Иса, очищенная от леса и ярко освещенная, напоминает муравейник по своей неустанной деятельности, не прекращающейся ни днем, ни ночью, в котором кишат тысячи народа пешего и конного и где сталкиваются между собой тысячи разнообразных звуков: людских голосов, лязга орудий и инструментов, стука и трескотни тележек и таратаек, грохота промывальных машин. По Ису то и дело встречаются приисковые постройки, где есть и огороды и садочки. Встречаются и высокие железные, всегда дымящиеся, трубы паровых машин с их пыхтением, хлопками и свистком.

Прииски расширяются, все дальше и дальше захватывая котловину реки. Берега постепенно снимают с себя густой покров пихтачей, оголяются. Перепутанные черемушники исчезают, а вместо них шире и шире разевает бурые челюсти разрез, глотая больше и больше людей.

С утра нетронутая рань оглашается воем гудка, тяжелым пыхтением паровых машин и грохотом чаш и бутар, они все громче и громче перемалывают в своем изрешеченном теле пески, выбрасывая крупную галю на высокие свалки. Образуются новые, голые, без растительности увалы.

Поздним вечером на берегах Иса потухают один за другим старательские костры, смолкают вокруг них разговоры и песни.

Для многих Ис становится единственной рекой, от которой все их радости и печали. Есть ли еще река, которая принесла людям столько радости и страданий. Столько богатства и нищеты, как ты, маленький, извилистый Ис? Минуло уже сто лет, как тысячи людей роют пески твоего дна и твоих берегов, мутят чистоту и прозрачность твоих вод, и бежишь ты, торопливый, беспокойный, с темным лицом преступника. И все, что взглянет в твои мутные воды, даже солнце, луна, звезды и ясное небо, отражается в них мертвенно и мутно. Берега Иса изранены шахтами и разрезами, завалены курганами мертвых, вымытых песков и никогда ничего не родившей гальки. Нет ничего здесь живого, птицам негде свить гнездо, и они, смертельно напуганные криком людей, стуком колес и скрипом промывальных машин, улетают прочь.

Желто-красной грядой идут эти мертвые отвалы, человек с лопатой и ломом пробивается в их глубину, человек с руками и взглядом, жадным до золота и платины.

Сколько могильных крестов и сколько могил без крестов по твоим берегам! Лежат в них пришельцы, которых жадность или нужда пригнала к этим пескам и водам.

Сколько благословений и похвал слышал ты, Ис, от удачников и сколько проклятий от неудачников! Может, от этого ты бежишь так торопливо и беспокойно. Но тебе

никуда не убежать; никогда не пересохнут, не истекнут ключи, которые падают с горы Качканар и питают тебя.

Еще долго ты будешь мутным. Еще услышишь ты проклятия и благословения. Еще не раз сосновые и еловые леса, вся Уральская океан-тайга ответит гулом на смертельный выстрел одного жадного до золота хищника в другого такого же хищника.

Была еще темень и утренняя заря не пробилась через густую синь, а прииск уже зашумел, заработал. Забойщики спустились в шахты, поползли наверх бадьи с песком и глиной, помчались шумливые таратайки, заскрипели насосы».

На Ису сначала встает старатель, а потом уже солнце. Старателям передавались в основном мелкие россыпи, на которых было невыгодно вести крупные «хозяйские» работы, т. е. силами казны или частного золотопромышленника. Или им предоставляли месторождения с невысоким содержанием «дорогого» металла в песках, а также частично отработанных. В лучшем случае они получали деланки в границах не более 50 м по длине россыпи, за пределы которых старатели не имели права вести добычу золота или платины. Владельцы приисков разрешали старателям работать на определенных условиях, из которых главным была обязательная сдача золота хозяевам по цене обычно в 2 раза, а то и более ниже государственной. По этой причине большинство старателей не все золото сдавало в контору прииска, а часто его утаивало и сдавало скупщикам. Последние, не неся расходов на содержание производства, платили старателям щедрее. Скупщиками в околотромысловых поселках являлись владельцы магазинов, лавок, питейных заведений. Для предотвращения или хотя бы сокращения утечки драгоценных металлов в золотодобывающих районах и в населенных пунктах окрестных горных заводов указом Александра I запрещалось проживание «торговцев из евреев, цыган, казанских татар», небезосновательно подозревавшихся в скупке золота. Из этих зон выдворялись также бродяги, лица, осужденные за уголовные преступления. Спешим сразу оговориться, что ни о какой дискриминации сезонных рабочих из евреев в царском акте и речи не шло. Судя по материалам архивов Урала, ни в шахтах, ни в разрезах они просто не работали, хотя это им не возбранялось. Да и в уставе золотопромышленности 1838 года никаких ограничений на участие евреев в добыче благородных металлов не имелось и они в ней принимали активное участие. Не хватит страничного листа, чтоб упомянуть евреев, входивших в правление различных золотопромышленных компаний и фирм, подвизавшихся на Урале до 1917 года.

Что касается законопослушных старателей, то это была стихийная неорганизованная масса, «вольница», группировавшаяся в мелких артелях, укомплектованных родственниками. Все работы по добыче песков и их промывке велись вручную на вашгердах. Обыкновенно при использовании вашгерда артель состояла из забойщика, воротовщика, каталя, двух протирщиков и одного человека на насосе. В зависимости от качества песков она могла промыть их за смену 5—8 м³.

Летом старатели вели открытые работы, а зимой били шурфы, дудки. Только крупные артели могли позволить себе устраивать в зимнюю пору теплую промывку. Глубокие обводненные россыпи в отработку, как правило, не брались. Отработка рос-

сыпей зимой мелкими артелями велась, как уже говорилось, шурфами и круглыми дудками в несколько метров глубиной и без всякого крепления при свете свечи.

Продолжительность рабочего дня старателей летом составляла 15 — 16 часов, зимой 10—11 часов. Летом они жили в шалашах, покрытых, то ветками, то сеном, то корой, или в балаганах под дерном. Если они решались зазимовать на прииске, то рубили избушки, а в безлесных местах делали их из дерна и ставили в них железную печь — времянку. В «моде» были и землянки, вырытые в отвалах. Лишь на приисках и рудниках, владельцы которых отдавали предпочтение старателям как наиболее дешевой рабочей силе, они строили для них бараки-казармы, которые обычно сооружались для наемных рабочих.

Заработки старателей были не ахти какие. К тому же хозяева приисков обманом вынуждали их покупать в их магазинах припасы далеко не первой свежести по ценам гораздо выше казенных. Прав А.В. Дмитриев: - подавляющему большинству старательство давало лишь кусок хлеба, избавляло от недоимок. Но немало было и таких, кто скопил первоначальный капитал на «обзаведение» вагранкой, кузницей, мельницей, смолокурней, кожевней, на аренду приисков, иной раз выведивший прямиком в гильдейское купечество. Часть удачливых оставались старателями только по названию. Вкалывали за них «зимогоры» (что-то вроде нынешних бичей и бомжей), которых по завершении сезона хозяева спаивали, выбрасывали на улицу в чем мать родила. До весны они мыкались по баням, овинам, а потом все опять повторялось сначала.

Огненно-красная рубаха, широчайшие плисовые шаровары, лакированные сапоги, два-три жилета, одетых один на другой, золотая цепочка от часов через живот - вот образ удачливого старателя, которому попал «фарт». Иной в такой красе щеголял лишь несколько дней, а затем так же легко спускал состояние в кабаках и притонах, как и нажил его. Впрочем, красочное живописание быта и нравов старателей дали уральские писатели либерально-демократического направления и мы не будем вдаваться в эту тематику. Первым большим злом у старателей было воровство золота и платины. Смотрители и служащие контор порой не знали, как остановить его. К каждому охрану не поставишь, и потому на каждого старателя приходилось смотреть как на заведомого или потенциального вора. И охранники попадались разные, воровали сами или брали взятки со старателей.

Вторым злом была водка. Её тайком завозили на промыслы. Пьянки и драки происходили постоянно.

Рассказ «Старатель»

Ржавая болотная вода отдавала затхлой плесенью, в ней густо-густо насыпаны были черные, быстро передвигающиеся точки.

Никодим напился, утер мокрое лицо полкой. С тощей рыжей бороды капли падали на грудь, на висящий на поясе кожаный мешочек. Привалившись под деревом, упер

голову в низко нависшие ветви. Забылся. Потом резко, будто ударил его кто-то во сне вскочил и, оглядываясь, быстро запихал объемистый мешочек между корнями дерева.

Теперь уже лег спокойно.

Сумерки густили воздух. От близкого болота тянуло зябкой сыростью. Но ничто уже не могло разбудить Никодима. А сон все-таки не был спокойным. Обрывки прошедшего, смутные видения будущего фантастически перемешались в голове.

Вот он один на один со своим на скорую руку сколоченным вашгердом. Журчит, льется тонкой струйкой вода, унося песок. А потом долгие, однообразные движения ковша в воде — доводка. Зато теперь вот мешочек туго набит золотом. В нем, правда, есть еще шлихи, но зато и лежат два «таракана» — весомые самородки...

... А вот он пробирается лесами и болотами, далеко обходя заводские поселки и шалаши углежогов. Знает - на каждом шагу могут схватить, вырвать кровью и потом добытое, а самого — бросить в старый завалившийся шурф или в обнимку с камнем - в омут...

Вовсе темно стало на болоте. Только здесь, на взгорье, еще вырисовывались силуэты черных деревьев.

Чуткое ухо и во сне уловило шорох шагов. Никодим поднялся, меж веток выставил бородавку. Прямо перед глазами, в густой заросли осоки мельтешила тень.

Пришелец сунулся было дальше, но ругнулся, вскочив в болото, и вернулся на сухое. Потоптался и затрещал валежником, собирая на костерок. Никодим ждал.

Вспыхнула береста, осветив худое, морщинистое лицо. И сразу страхом сдавило сердце Никодима. Узнал он страшного человека. Хоть и был тот таким же старателем, воровал в казенных дачах золотишко, да больше промышлял красным золотом — кровью омытым. Трое его дружков давно уже полегли у чужих вашгердов, побитые острыми старательскими топорами, а этот, Шатун, все ходит по лесу, ищет легкой добычи.

Между тем Шатун уже заложил в нагоревшую кучку золы пару картошек. В ожидании, когда они испекутся, достал из-за пазухи такой же, как у Никодима, мешочек, встряхнул на руке и развязал сыромятный ремешок. Раскатились по подстеленной рогожке самородки, да не такие, как у Никодима, а крупные, один к одному. Ясно, не водой намыл их Шатун. И опять смертельная тоска охватила сердце Никодима. Знал, что не сможет уже уйти от страшного старателя. Шевельнись только - и грянет выстрел, унесет жизнь. А как же ребята? Помрут с голоду. Давно уж, поди, ждут батю домой. Ан вот она, смерть, у костра сидит. А вытерпишь до утра, - не шевельнешься, - утром увидит Шатун, — один конец.

Никуда не уйдешь, не скроешься от злых его глаз. А он вон, спокойно, по одному, складывает камешки обратно в мешок. Сложил. Порылся в золе, вытащил недопеченную картошку, принялся есть, похрустывая приставшими к кожуре угольками. При виде этого у Никодима засосало под ложечкой:

— Вот жрет, сволочь!

Давненько не едал Никодим хлеба и картошки. За три месяца скитаний по золотоносным увалам обтрепался, облез и осунулся: родная мать не узнает.

А Шатун между тем уже покончил с картошкой-и неторопливо укладывался на ночлег. Надвинул шапку на глаза, притушил костер и затих.

В голове Никодима уже зрело решение. Страшен Шатун, да еще страшнее детей осиротить, умереть без покояния. Все еще не унималась нервная дрожь. Но рука уже потянулась за опояску, к топору.

Тихо-тихо -- мышь не испугается, выполз Никодим из-под веток, сразу, в два прыжка, очутился у костра и вскинул топор. Уже вскочил Шатун, почуяв опасность, да быстрый топор Никодима с хрустом вошел в голову. Только заячий вскрик захлебнулся в глухом бульканьи.

Ветер шумел тревожно ветками деревьев. Где-то далеко за болотом вскрикнула испуганно сова. А Никодим, не отрывая глаз от корчащегося в судорогах тела, пятился к болоту. Потом вдруг вскрикнул, будто это в его голову вонзился топор, и уже не оглядываясь, бросился в заросли осоки, запинаясь за высокие кочки.

Позади гневно шумел лес. А Никодим бежал, падал и снова бежал, забыв о том, что там, под корнями дерева, осталось его золото, что это хлеб, это — жизнь. Заячий, клопочущий крик преследовал его.

Чахлые редкие деревья расступились. Между кочек бросился Никодим к полянке - красивой, дивными цветами расцвеченной. Даже в темноте светились они желтыми огоньками. Бросился - и по пояс увяз в трясине. Барахтался, пытаясь вырваться из вязкого плена, только еще глубже погружался в давящую зыбь. Повернул голову, уставился взглядом туда, откуда прибежал. Из-за широкого куста поднималась страшная фигура Шатуна с раздвоенной, только на бороде держащейся головой...

А-а-а!...

Лес подхватывал эхо и разбивал его на тысячи отголосков. Они металась между деревьями, не находя выхода, и вязли в топкой трясине, сотрясая ее диким, нечеловеческим страхом.

Л. Мамонов.

Старательские прииски и посёлки 19 - начало 20 века.

В Исовском месторождении

В 19 веке старательские прииски были:

На реке Тура с притоками	27
В логах Вересового и Светлого бора.....	16
На реке Ис.....	56
На притоках Иса	60
На реке Выя с притоками	28
Всего	187

Они возникали в разное время. Одни появлялись, другие исчезали. Прииск представлял обычно небольшой участок земли с количеством работающих от нескольких человек по нескольким десятков.

Наиболее крупными населенными пунктами, связанные с добычей драгоценных металлов на Исовских россыпях были следующие:

— Косьинские (Шуваловские) прииски. Платина открыта здесь в 1835 году.

— Поселок Косья расположен у подножья горы Качканар. До революции 1917 года назывался Шуваловский. Основан в 1825 году. Первыми поселенцами были вогулы и татары. Граф Шувалов-генерал, посол, крупнейший капиталист и помещик России. Жил в Петербурге, на Косье не бывал ни разу.

На рубеже двадцатого века здесь были построены школа, больница, церковь, клуб для служащих, небольшая электростанция.

Руководство приисками осуществлялось из управления Крестовоздвиженского округа. Управляющий француз Перрэ Л.Я. Рабочая сила на прииски завезена из Пермской и Вятской губерний, а также из близлежащих населенных пунктов: Бисера, Пышмы, Лысьвы и других.

Когда на Косью приезжал управляющий, то улицы тщательно подметали. Его жена имела обыкновение по утрам выходить на широкое крыльцо дома и разбрасывать мелкие деньги, люди бросались в драку, а дама с интересом наблюдала за этим. Вечером на площади поселка выставлялась бочка вина и мужикам подносили чарку. Управляющий иногда давал балы, на которые собиралась вся косьинская знать. Жена его собирала с гостей деньги и использовала их на обучение бедных детей.

Все Косьинские прииски входили в так называемый Крестовоздвиженский платиновый округ графа Шувалова. Вся территория с населенными пунктами была обособленной. Здесь был свой волостной старшина, становой пристав, уездный исправник и другие должностные лица.

Поселок жил бурной, кипучей жизнью.

— Поселок Качканарский расположен северо-западнее поселка Косьи. Домов семьдесят штук. Здесь расположен прииск Качканарский, богатый платиной, работала бутара с которой в отдельные дни снимали до пуда платины, что отмечалось пушечным выстрелом, а на прииск доставлялся боченок спирта или бочка водки, которые раздавались рабочим бесплатно и тогда таежная тишина оглашалась народными песнями, плясками, а то и драками.

Одно время здесь же добывали железную руду на «Малом руднике», ее везли в Крестовоздвиженск. Рудник был закрыт перед войной 1914 года.

Согласно церковной записи этот поселок был построен раньше Косьи. С 1959 года он стал называться Утянкой. В пятидесятых годах через Утянку прошла 150-ти литровая драга номер сорок. В 1975 году поселок прекратил свое существование.

— Поселок Верх-Косья небольшой. В 1911 году на берегу Иса была построена мечеть, так как преобладало татарское население. В конце поселка казармы для рабочих, а ближе к лесу тюрьма, там содержались политические заключенные, позднее пленные австрийцы. Заключенные работали в кандалах.

Старателей летом собиралось много, жилья не хватало, поэтому жили во дворах, в землянках, балаганах, еду готовили на кострах. Работали шахтами, в основном, в

Коробковом и Андреевском логах. Первые шахты делались прямо на поселке. Особенно богатым был Коробковский лог.

Накануне Первой мировой войны сюда с Качканарского привезли все оборудование. Поселок стал многолюдным и, как говорят старожилы, очень весел. Смотрителем прииска был Брагин М. А., инженер по образованию, хороший специалист, в гражданскую войну жена его бросила и уехала с белым офицером.

В годы Второй мировой войны здесь работали старательские артели, которые были закрыты в 1950 году. В восьмидесятые годы работала гидравлика. Поселок сохранился до сих пор, но жители в основном пенсионеры и дачники.

— Поселок Покап в шести километрах от Косьи. Здесь в Нечаевском логу, в одной из шахт, нашли самородок весом восемь килограмм восемьсот граммов.

Жители занимались старанием, за продуктами и товарами ходили на прииск и поселок бурно начали развиваться после 1917 года. Увеличилось число жителей, был построен магазин, позднее проведено электричество, радио. Вокруг поселка горы и сплошной лес богатый зверем, птицей и всякой растительностью. В 1928 году построен приемный пункт по приему платины. До революции старателями руководил штейгер, у него в качестве помощников двенадцать человек баночников, наблюдавших за сполоском, они же вели ежедневный сбор платины в банки и табель выхода на работу старателей. По этому «листочку» выдавали и продукты, которые без подписи баночника не отоваривались.

Каждый баночник имел свой участок. Позднее баночников отменили и старатели металл стали сдавать в кассу сами. За металл получали боны, ходившие наравне с государственными денежными знаками.

Старатели объединялись в небольшие артели, место искали сами, но с разрешения штейгера, который выдавал билет.

Позднее в поселке был построен специальный магазин — золотоскупка.

С 1932 года эти магазины во всей золото-платиновой промышленности сменили свое название и стали называться торгсинами (торговля с иностранцами на золото). Цены на товары были сравнительно дешевле. Цель торгсинов — выкачать, хранившиеся у жителей, золото, платину и серебро. Так как цены были дешевле, а выбор товаров большой, металл несли, сдавать его не боялись и приносили даже по ночам. Принимали не спрашивая, где взял, даже если оно было ворованное, так как очень нужен был государству.

Покап до войны 1941—1945 года жил активной жизнью. Народу насчитывалось семьсот шестьдесят человек. К концу века поселок замер, производства не осталось никакого, жителей осталось около двадцати человек.

— Поселок Боровское в трех километрах от Покапа. Здесь в начале двадцатого века был большой конный двор. Через Боровское проходил тракт по которому на конях везли медную руду из Павды на переплавку в Теплую гору. В Боровском лошадей меняли. В двадцатых годах XX века здесь появились старатели.

Все, вокруг лежащие, места раньше назывались Шуваловскими дачами, были построены дома для лесников, охраняющих леса.

К 1931 году от старого поселка сохранился только один дом. В этом году в Боровское, из центральной части России, привезли раскулаченных выселенцев. Жизнь этих людей в первые годы была очень тяжела. С голоду, разразившемуся в 1932—1933 годах по всей России, на поселке ежедневно умирали по несколько человек.

Выселенцы, их насчитывалось около пятисот человек, в основном занимались заготовкой дров для косьинских драг, позднее многие пристрастились к старанию.

В 1932 году на поселке открылись школа, медицинский пункт, затем построили клуб.

К концу века на Боровском осталась пара домов, да развалины от выселенческих бараков.

— Поселок Кучум в трех километрах от Косьи, назван в честь первого старателя-разведчика местных недр Кучумова. Про этого человека сохранилось много легенд. Человек беспокойный, напористый и смекалистый, знал где нужно искать золото и платину. Найдет, укажет место и пошел дальше с котомкой за спиной, ружьем и пробным ковшом. Открыв много месторождений драгоценных металлов, сам оставался беден.

Добыча металла здесь велась шахтами. Сельским хозяйством жители не занимались, даже картошку редко садили. К концу века на Кучуме работает небольшая старательская артель.

— Поселок Верх Ис — последнее владение графа Шувалова вниз по реке Ис. Граница проходит через поселок Граневой, в двух километрах от Верх Иса. За границей начиналась Воробьевская дача, там стоял столб, где написано: «Имение графа Шувалова». Во владениях Шувалова свои законы. Могли наказывать, избить, а пьяниц и дебоширов просто садили на телегу или сани, вывозили за границу и высаживали, — иди куда хочешь и живи как знаешь! Многие убегали сами, но жизнь везде тяжела и часто возвращались обратно, на обжитое место.

В первое время на Верх-Ису были построены только казармы. В логу стояло много старательских станков для промывки песков. Содержание богатое, намывали до четырехсот грамм на один станок.

Старики рассказывали:

— Сдадим платину, наберем продуктов, вина и ходим друг к другу в гости. Лог так и назывался «Богатым». С годами поселок разросся, появились свои дома, школа и прочие строения. В начале двадцатого века здесь было несколько старательских артелей. При Советской власти они стали укрупняться. Во время Великой Отечественной войны работала большая артель «Красный Урал». Сейчас это сравнительно большой поселок дачников, местных жителей осталось мало, производства никакого нет.

Ниже Верх-Иса идут прииска Нижнетуриной дачи. Наиболее известными из них на рубеже двадцатого века были:

— Елизаветинский. По сведениям горного департамента за 1900 год здесь имелось четыре ручных станка с количеством рабочих 185 человек. Намыто за этот год золота три килограмма, платины восемнадцать килограмм. Жителей на поселке 320 человек.

— Поселок Александровский. В нем четыре торговых лавки. Прииск богатый. За

1900 год намыто двести семь килограмм. Жителей 225 человек. Поселок на горе, река Ис внизу, кругом приволье.

— Поселок Борисовский в одном километре от Александровского. Жителей 153 человека.

— Поселок Артельный в четырех километрах от Борисовского. Здесь сосредоточена администрация для управления окрест лежащих приисков. В селении контора, церковь, земское училище, фельдшерский пункт, две торговых лавки. Кабаков акционерная компания на свои прииски не допускает, вследствие чего браговарение и самогоноварение в селении развито сильно.

На поселке имеется две кузницы и плотничная мастерская. Дворов и казарм в 1908 году восемьдесят. Жителей 618 человек. К середине двадцатого века поселок, в связи со строительством и началом работы драг, сильно разросся, появился клуб, народ жил зажиточно и весело...

К концу века запасы драгоценных металлов иссякли, Артельный превратился в обычный дачный поселок.

— Шуркино по правую сторону Иса, в полутора километрах от Артельного. В селении шесть домов с квартирами для служащих, семь многосемейных домов для рабочих, одна торговая лавка. На прииске две паровые машины, промывальное устройство для песков, рельсовый путь для вагонеток на двести метров, кузница и другие приспособления.

За 1890 год намыто пятьдесят восемь с половиной килограмм. Жителей в 1908 году сто восемьдесят семь человек. Поселок не отличается от других поселков платинодобытчиков.

— Поселок Вознесенский в пяти километрах от Артельного. По тем временам поселок сравнительно большой, оживленный. Здесь имеется приисковая контора, шесть домов для служащих, казармы для рабочих, торговая лавка, производственные помещения. За 1900 год платины намыто восемьдесят семь килограмм триста грамм. Жителей сто пятнадцать человек.

— Поселок Троицкий занимает значительное положение среди других близлежащих старательских поселков. Здесь имеется земское училище, мечеть и при ней мулла, три торговых лавки, контора, квартира управителя. Семь домов для служащих, пятнадцать казарм и бараков для рабочих. С 1900 года работает две драги: вскрывочная и промывочная. Появление драг явилось целым событием для жителей Троицкого и близлежащих поселков. Люди приходили на берег и часами смотрели на работу этих чудовищ.

На поселке работала слесарня с паровыми двигателями. Здесь имелся и арестный дом. Население 343 человека.

С начала двадцатого века на Троицком начал зарождаться технически грамотный рабочий класс, владеющий не только топором и лопатой, но и умеющий управлять более сложными механизмами, для чего требовались не только руки, но и теоретические знания и образование.

К концу XX века, этот некогда большой поселок, живший полнокровной бурной жизнью, превратился в тихий, заброшенный населенный пункт, в котором единственной «достопримечательностью» стало большое кладбище.

— Екатеринбургский (ныне поселок Ис). Возник в девяностых годах девятнадцатого века. Первое время служил перевалочной базой для приисков расположенных на поселках Журавлик, Глубокая, Маломальский. Первоначально прииск назывался по имени его хозяина Конюховским.

Поселок находится на перекрестке дорог, что выгодно отличало его от других населенных пунктов. По этой, и по ряду других причин, быстро начал расти и развиваться в техническом и культурном отношении и вскоре становится центром всех близлежащих приисков и поселков, хотя населения еще в 1900 году насчитывалось всего сто девяносто шесть человек.

Основные здания сосредоточены на одном пятачке, называемом нынче улицей Артема, и жители ходят заготавливать дрова, по грибы и ягоды в лес, который сплошь покрывал территорию нынешнего нового поселка, мехцеха, больницы, зданий техникума.

Здесь главная контора — одноэтажное здание, дом директора фон Фиркс Вильгельма Карловича, дом главного механика Гавлик Эмилия Иосифовича, радиоузел, телефонная связь. Главноуправляющий Граматчиков Николай Николаевич жил в доме, привезенном с Вознесенского, десять домов для служащих, казармы для рабочих. Для приискового управления позднее пришлось построить двухэтажное здание. На поселке два дома для стражников, семь бань, конный двор, кузница, дом для подрядчика по заготовке дров и древесного угля.

В первые годы двадцатого века открыта школа с трехклассным обучением, построена больница и при ней врач, имеется три торговых лавки, театр и клуб для служащих.

В 1908 году на том месте, где сейчас автобусная остановка, построена церковь, но в 1919 году сгорела. В ограде церкви были похоронены: управляющий Троицкого прииска Дерягин И. М., бухгалтер Чукмасов Н. П., управляющий Журавлинской группой приисков Красильников В. Е., доктор Рейников П. И. После революции здесь же похоронены: революционер Касаткин А. Ф. — первый председатель приискового комитета, комсомолец Овечкин, акушерка Долгушина Е., врач первомайской больницы.

— Поселок и прииск Глубокая в конце девятнадцатого и начале двадцатого века был одним из самых крупных платиновых центров на Исовских россыпях. Расположен на впадении речки Глубокая в реку Ис.

Здесь сосредоточен центр по управлению Нижнеисовскими, их десять единиц.

По рассказам очевидцев жизнь на поселке кипела днем и ночью. Жителей пятьсот пятьдесят человек, люди умели не только работать, но и отдыхать по своему. По вечерам не только молодежь, но и пожилые, выходили на улицу, песни и танцы под гармошку или балалайку.

На поселке земское училище, Чайная — читальня, три торговых лавки.

Поселок логом разделен на две части: по правому берегу бревенчатые дома для служащих, их пятьдесят человек; здесь же контора и красивое здание управляюще-

го Г. Лянного. Дом стоит на высоком месте, на фоне соснового бора выглядит очень эффектно, настоящий русский терем в два этажа, с высоким крыльцом, балконами и террасами, с крутой кровлей, разными украшениями, сказочный дом.

На левом берегу лога казармы, домишки и землянки старателей. Здесь же лавка, пекарня, склады, конный двор и больница.

Кругом поселка смешанные леса и покосы. Летом здесь приволье.

Добыча металла ведется хозяйским способом, работают боронки, а позднее и драги, много и старателей. Используется и арестанский труд, среди них много пожилых, бородатых людей.

Старатели работают примитивно, вручную. Хозяева же платиносодержащие пески везут для промывки на паровую фабрику (боронку), которая шумит и грохочет круглосуточно. Двухколесные конные тарантайки непрерывным потоком доставляют песок на фабрику. Издали вся эта работа напоминает муравейник.

Механизмы паровой боронки вырабатывают и электрическую энергию. Электрические лампочки светятся не только на производстве, но и в конторе, и в квартирах некоторых служащих.

Сполоск внутри боронки происходит путем отделения ртутью золота от платины. Ртуть выжигается, а золото остается.

Накопив с полпуда платины, ее отправляют в специальной упаковке в Нижнюю Туру, а затем по почте в Петербург. Металл до Нижней Туры сопровождает служащий и один стражник, попыток ограбления не было. К концу XX века поселок Глубокая, как и все отработанные прииска, захирел, дома, как и люди, состарились, некоторые развалились совсем, на улицах круглые сутки тишина, лишь летом он оживает наездом дачников, грибников и рыболовов.

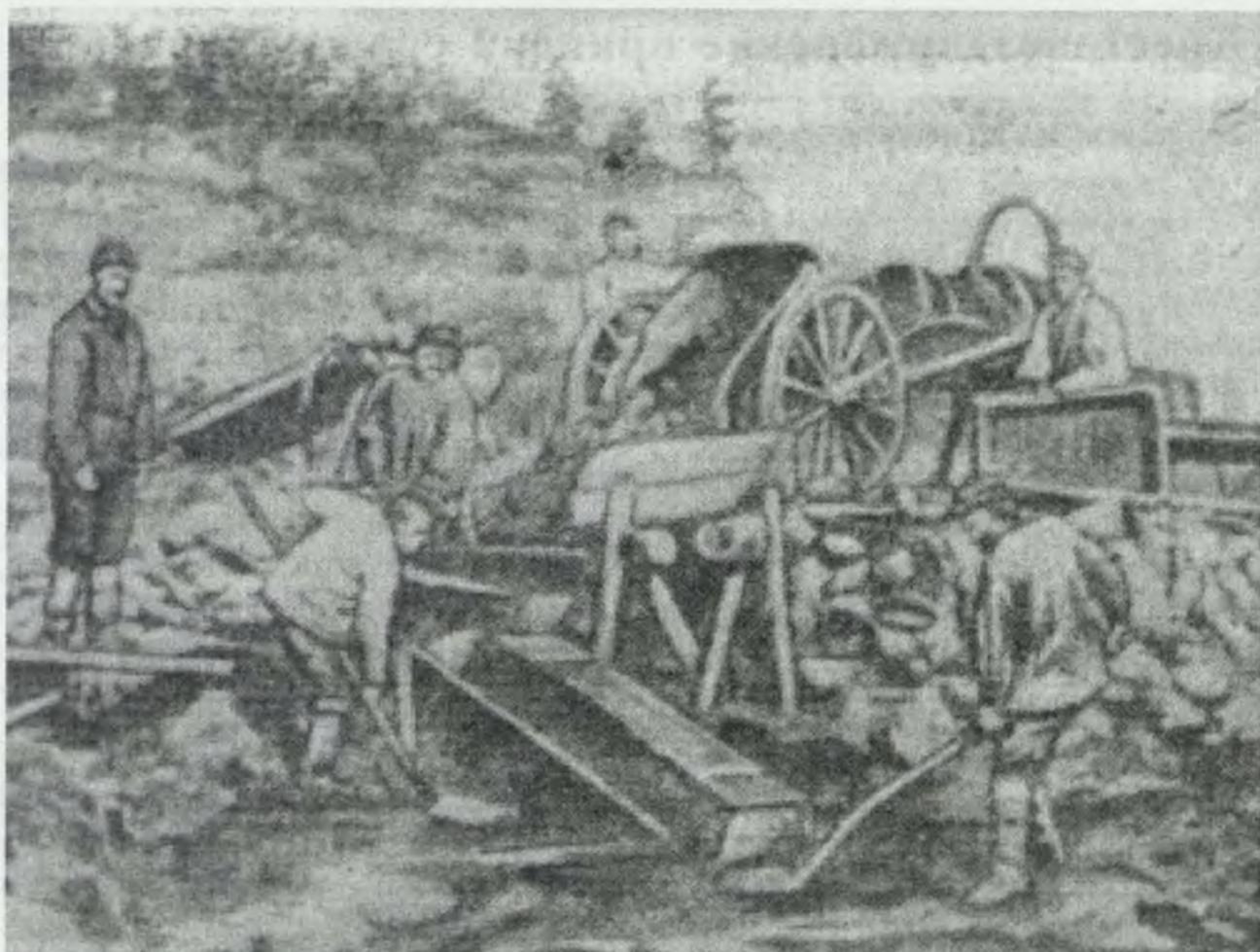
Все крупные старательские поселки на Исовских промыслах, в основном, походили друг на друга, а сотни мелких приисков вообще не имели постоянных жителей, работа на них велась только летом, а к зиме подкопив деньжат рабочие расходились и разъезжались по домам.

Старатели в шахте. 1939 г.

Старательский прииск. Конец 19 века

Старательская артель. 19 век

Прииск «Благонадежный» на реке Ис. 1870 г.

Крестовоздвиженские прииски графа Шувалова

Повесть «Пришлый»¹

Шёл июль 1829 года. Много повидал да пережил за долгие годы лесной бродяга-рудознавец. Много где побывал и поработал, многому научился. Сводила его горькая судьба и с гулевыми бродяжками, артелью подстерегающими на дорогах купцов, и с такими же, как он, беглыми, кому не вмоготу стало от кнута заводского надсмотрщика и лиходейства хозяина. Встречался он и со старателями - одиночками, что ищут по Уралу, Сибири новые руды, россыпи золота, месторождения самоцветных камней. Семь лет бродил после того, как зверя - мастера затолкал в горячий чугуи и убежал с завода. Опустившись на камень человек подставил ветерку заросшее лохматой бородой лицо, устало закрыл глаза и блаженно откинул голову. Отдышался, подставив солнцу и ветру широкую волосатую грудь с медным крестиком, оглядел дали - горы холмистые, пади с долинами и примостившимися в них деревушками с заводами. А вид вокруг Качканар - горы приобширнейший.

Неторопливо развязал на котомке ремешок, достал из неё туесок со студёной водой родниковой, краюху ржаного хлеба, черствого, берестянку-солонку и луковку. Посыпав густо на отломленный кусок хлеба крупную серую соль, принялся жевать его не спеша и с охотой. Закончив трапезу, натянул на себя задубевшие от пота и грязи лохмотья холщовой рубахи, прихватил армяк с котомкою и начал спускаться с горы, опираясь на суковатую палку-помощницу.

Чем ниже спускался, тем гуще становился лес. На прогалинах, старых пнях разноцветье трав. Где-то пташка громко свистнула. Дятел застучал по сухарине. А тут, надоже так, полыхнул с шумом из - под ног косач - путник в сторону шарахнулся: показалось, что сам хозяин тайги - медведь выскочил.

Спустившись к реке Койве, постоял в кустах, прислушиваясь и приглядываясь. Река тут шустрая, звонкая и прозрачная. По обоим берегам травы сочные и высокие; где черёмушник растёт, где верба с ивою да кустарники. На отмелях песок россыпью, цветной галечник, камни-валуны. Места тут хоть и знакомые, но с засадами и патрулями. Ухо надобно держать остро! С божьей помощью, может, стражников он и обойдёт - не впервой! А вот с женой, с детьми надо встретиться. Эх, судьба - судьба, что ты делаешь? Как волк, крадется дома у себя! Если б мог, пришёл бы на завод ещё засветло, не ожидая тьмы. Да и ночью-то вокруг опасно.

Присел на берегу в мыслях горестных. Вот ночь придёт, и тогда пашнею, огородами прокрадётся к деревушке Калининской, на краю которой дед Попов живёт, отставной солдат, человек надёжный, не продаст.

— Эй, ты! Подь сюда!

Вздвогнул человек, голову втянул, напряжился, вскочил, в чащу бросился.

¹ А.Печенкин. Павкин алмаз. Свердловск. 1986г.

— Эй, ты! Не балуй! Стой!

— Митря, что стоишь? Пальни в него!

Петляя между деревьев, бежит он напролом, в лесную густоту, и тут сзади выстрел громыхнул.

Убитого привезли к конторе Адольфовского прииска. В нём признали Мишку Кота -рабочего, бежавшего с чугуно-литейного завода. Развязали котомку, в ней нашли два узелка. Смотритель прииска - Пётр Максимович Горбунов развязал первый из них, в нём лежало фунта два золота. Развязал второй и над столом заиграло, запереливалось радужное сияние разноцветных дорогих кристаллов: Фиолетовые аметисты, турмалины и другие разноцветные, дорогие камни.

Смотритель прииска¹

Горбунова Петра Максимовича, как одного из лучших специалистов по золоту и знатока самоцветных камней, рекомендовал графу Полье начальник Уральских горных заводов генерал Глинка. В ту пору графу потребовался специалист, чтобы разведку россыпей произвести и установить, есть ли смысл открывать частный промысел. Он положил Горбунову приличное жалованье, и тот согласился.

В двадцати верстах от Бисерского завода на речке Полуденке, стражники словили беглого, который мыл там золото. Первые пробы дали ошеломляющие, до сей поры ещё не слыханные результаты — столько рассыпного золота оказалось в тех песках, что только ахали и качали головами.

Прииск открыли под колокольный звон, при больших гостях, по всем правилам. Хозяин, по традиции, бочку вина людям выставил - пей, гуляй, народ, радуйся!

Прииск нарекли Крестовоздвиженским, по имени близлежащей деревушки. На другой же день по велению графа начали сгонять крестьян на промывку золота со всех близлежащих селений.

С тех пор и хозяйствует на Крестовоздвиженском золотом промысле он, Горбунов, ежемесячно посылая графу в Петербург докладные, отчёты, а в Екатеринбургскую государственную казну сдаёт золото.

Вышел Горбунов из крепостных, но образование получил настоящее, жалованье ему позволяет жить на широкую ногу, но он предпочитает жить без особого шика. И сейчас рубашка на нём крестьянского покроя, хотя и полотна тонкого, заграничного, гарусиновый поясок с кисточками, чёрные шаровары заправлены в жесткие сапоги.

В окна виден раскинувшийся по обоим берегам реки прииск, с грудями песка, ямами -выработками, запряженные в двухколёсные таратайки лошадьми, копавшимися всюду людьми.

За четыре года, по самым скромным подсчётам, прииск дал графу около десяти

¹ А.Печенкин. Павкин алмаз. Свердловск. 1986г.

миллионов рублей чистой прибыли. Мало того, нынче весной Горбунов обнаружил новую россыпь в четырёх верстах от прииска, на правом берегу этой же речки Полуденки. А россыпь-то оказалась какой! Такое не снилось даже и самому смотрителю: золото гнездовое. На глубине всего четырёх-пяти аршин, от двадцати пяти до пятидесяти трёх золотников намывается с каждой сотни пудов.

Обнаружив новое месторождение золота, Горбунов незамедлительно уведомил о нём хозяина и тут же предложил привлечь к разработке новых песков крепостных крестьян из деревни Калининской и других деревень.

Новый Адольфовский прииск развернулся в небольшом логу, где недавно ещё бегали зайцы. Из ям - выработок, словно из-под земли, лохматые крестьянские лошадки с трудом выволакивают гружёные сырым песком двухколёсные таратайки. Стратели рассыпались по прииску артельками. Грязные, усталые, потные, обозлённые, долбят они ломами и кайлами то, что не поддаётся лопате, моют и перемывают пески, кляня золото и хозяина. Но нет-нет да и затынет кто-то из парней или девчат песенку, захохочут вдруг. Не по нраву такое старикам; ишь, развеселились, скоро позабыли, как сгоняли сюда людей целыми семьями.

Шёл 1829 год. Добрались тогда подневольные к этому логу и перво-наперво принялись ладить себе жильё; перекинув жердь между двух сосен, прислоняли к ней с двух сторон жердовник потоньше, накрыли его берестой, корой еловою, а потом дерном - и балаган готов. В нём и будут жить семьями, пока не выпадет снег. А там разъедутся по домам. В балаганы уложены харч, конская сбруя, вёдра да горшки, а вдоль стен сено и тряпьё, полог старенький - вот и вся постель. Иконы по углам, а где и лампадки. Так и выросло на крутом склоне лога временное поселение.

В одной из таких артелей старшим работал четырнадцатилетний Павел Попов. Он выглядел старше своего возраста, грудью пошире своих сверстников. Любая работа в руках парня ладится: за что возьмётся - то и ладится. В артели у него шесть душ: два коновозчика - малолетние подростки на таратайках и три женщины.

Пятого июля 1829 года Павел Попов впервые в России нашёл, при промывке золотосодержащей породы, на вашгерде алмаз весом 0,54 карата (0,108 грамма). Через два дня в соседнем прииске был найден второй алмаз, а потом третий.

Близ Крестовоздвиженска, ныне посёлок Промысла, в 1829 году было найдено четыре алмаза, в 1830 - двадцать шесть, а в 1831 только восемь. Всего же за тридцать лет существования этих двух приисков было найдено 131 алмаз общим весом в 59,5 карат (11,9 грамм).

А какова же судьба причастных к первому алмазу людей?

История сохранила о них очень скудные сведения. Так П.М.Горбунов вскоре был переведён в старшие смотрители, а затем многие годы проработал на этих же золотых приисках в роли приказчика. Незавидная судьба постигла и самого хозяина приисков графа Полье. Он умер вскоре, но успел таки подарить второй и третий по счёту алмазы своему знакомому барону, немецкому учёному Гумбольдту, который в то время путешествовал по Уралу и предсказывал возможность нахождения алмазов в этом краю.

Павлик же Попов получил отпускную, то есть «вольную» от крепостного сословия. Дальнейшая судьба его, как и судьба найденного им алмаза, никому не известна.

Но Родина не забыла имени Павлика Попова. В 1979 году, в 150-летие со дня находки первого отечественного алмаза, именем Павлика Попова был назван крупный кристалл весом 78,85 карата. Он был найден в Якутии.

Летопись

**Крестовоздвиженской церкви села «Золотые промысла»,
Пермского уезда, второго благочинского округа, Пермской
епархии. 27 апреля 1912 года Пермской консистории.**

Член консистории: священник Николай Нарумсов.

Секретарь: Зеленов.

М. об. Столоначальника: А.Успенский.

Выписка в сокращённом виде

Крестовоздвиженское село, или «Золотые промысла», находится от губернского города Перми на СВВ, в расстоянии 230 вёрст, на вершине Урала, на берегу речки Полуденки, по обеим её сторонам. Длина речки 10-15 вёрст, а ширина 2-3 сажени (4-6 м.).

Состав прихода до 1838 года, вероятно, весьма незначительный.

В 1825 году в речке Полуденке Просвирниным были найдены, на месте выше означенного села, золотоносные россыпи. Образовавшееся здесь селение названо было по роду занятия жителей «Золотые промысла». С 1825 года началось заселение вышеописанного места крепостными крестьянами местной владельницы Варвары Петровны Бутеро-Радали. Крестьяне поселялись из других участков владения княгини: волостной Нижнемулинской, Оханского уезда, Серпинской, Красноуфимского уезда.

На летние работы приходили сравнительно «десяти селениям» (как говорят старожилы), а зимой возвращались к своим селениям. В означенное время были открыты прииска окольные, а так же рудники.

В 1835 году открыты платиновые Косьинские прииски и золотые россыпи на месте левее деревни Северной (в 12 верстах от «Золотых промыслов»).

В 1881 году построен при станции «Тёплая гора» чугуноплавильный завод. Управление приисками и заводами было в селе Нижне-Муллинском, Пермского уезда, а затем перенесено в Лысьвинский завод этого же уезда.

Приходский храм расположен на краю села с юго-западной стороны, вблизи шоссе, идущей в сторону платиновых приисков в Косье. Храм деревянный, построен в виде креста.

Православный приход образован в 1838 году. Церковь содержалась за счёт пожертвований местных жителей (богачей).

В 1893 году в приходе было открыто церковно-приходское Попечительство. Предсе-

дателем его был назначен Грамматчиков. В августе 1894 года учитель земского училища Филипп Яковлев был назначен и рукоприложен в дьяконы к местной церкви на правах сверхштатного, и так как вознаграждения за этот труд он не получал, Попечительство постановило выдавать ему ежемесячно пособие в размере пяти рублей.

Попечительство приняло на себя заботу устроить приезжую квартиру для притча на Косье и решило выдать на это (вместе с читальней) 400 рублей. Дом был построен. Беднейшим ученикам народного училища покупало одежду и обувь. Чтобы дать возможность мальчикам обучаться какому-либо ремеслу, а вместе с тем приучать их к трудолюбию, приобретены были для училища переплётные инструменты. В училище время от времени велись нравственно-религиозные и исторические чтения.

Устройство богадельни и приюта в приходе Попечительство признавало не нужным.

В заботе о престарелых и о сиротах, отдельным беднякам выдавали пособия в размере от одного до пяти рублей. При этом в одну из лавок выдавалась книжка о заборе припасов.

Через село «Золотые промысла» ежегодно проходило несколько тысяч постороннего народу, частью для приискания работы, частью для поклонения святым мощам святого, праведного Симеона Верхотурского в городе Верхотурье. Попечительство построило в селе ночлежный дом, приобрело для него самовар и чайную посуду. Плату за всё это не брали.

Прихожане церкви сыскивают себе пропитание только заработками на приисках, никакого земельного участка не имеют, да и земля благодаря холодному климату не удобна для земледелия.

Попечительство оказывало также помощь в погребении усопших.

Д.Н. Мамин - Сибиряк. Платина (Висимские старатели)

Попутчик говорит: - Я помню, как платина ничем была; никому её не нужно.

— А я помню, как золотник десять копеек стоил, то есть пуд платины ровно 384 рубля.

— Ну, это уже в шестидесятых годах. Не было ей ходу... так, из любопытства больше работали.

Было время, когда по две копейки за золотник, и того не давали. А нынче вон она как выиграла: двенадцать тысяч за пуд. Это побольше трёх рублей за золотник.

Поездка на платиновые промысла у Мамина-Сибиряка совпала с платиновой горячкой, вспыхнувшей летом 1890 года.

«При въезде в Чёрную, как сокращённо зовут Черноисточинский завод, я обратил

внимание на целый ряд новых домов с полисадниками, крашеными воротами и вычурной резьбой по карнизу.

— Платина поднимает? — Заметил я невольно, припоминая плохое черновское строение лет двадцать тому назад.

— Платина... как нажил деньги, первым делом новый дом строит, выкрасит его, потом лошадь, наборную сбрую, енотовую шубу - это уж заведённый порядок».

Заводской кучер Никифор по дороге из Черноисточинска сообщил, что на днях видел беглых, и что они будто бы ждут, когда управляющий платиновых промыслов Степан Павлович Костенецкий поедет с платиной.

Черновляне все: Кривенков один, а другой Рябинин, который тещу порешил. Старатели видели их на прииске... одним словом черновские обушники. Самый вредный народ.

— А пусть подождут... — равнодушно соглашается Степан Павлович.

— А ведь их четверо.

— А пусть.

Припомнилось несколько случаев, как убивали приисковых доверенных ни за грош, ни за копейку.

В хорошую погоду от Тагила до Черноисточинского завода всего два часа езды.

Новая квартира управляющего на Авроринском — целый дворец по сравнению с прежним убожеством.

Смотритель Авроринского прииска Петр Иванович Теленков. От его конторы к Мартьяну выходил узкий длинный ложок, известный под названием Сухой лог. На нём шла горячая старательская работа. Две бабы работали у вашгерда, растирая песок железными скребками, двое мужиков добывали пески, а мальчик - подросток подвозил их к вашгерду. Старательская работа за двадцать пять лет не изменилась.

Авроринский прииск разлёгся унылой, серой изрытой массой — ни деревьев, ни травы, ни кустика. Мартьян совсем как-то затерялся среди беспорядочно-нагромождённых перемычек, отвалов и свалок.

На Авроринском работы заглохли. К Соловьёвой горе старатели пришиблись, другие на Чауш ушли, на Рублевик, на Варламиху.

На Авроринском-то как было прежде, как старики сказывали, возьмёт ковш, плеснёт им в разрез - платина так и обозначится. В подоле рубахи принесёт песку и золотишков двадцать намочит. Теперь нет платины.

— А мы бутару под Мамынихой ставим, — объяснял, Степан Павлыч. — Все старые отвалы перемоем, вот и платина..

— Это само собой, а потом коренное месторождение найдёте, — настаивал я. — Откуда-нибудь взялась же рассыпная платина...

— И коренное месторождение найдём, — соглашался Степан Павлыч. — Должно где-нибудь быть...

Мы так и не могли убедить Петра Иваныча, оказавшегося великим скептиком. Свидетелями нашего спора было несколько черноволосых детских головок, глядевших

на нас с искренним детским любопытством: это была нисходящая линия запорожцев Костенецких.

После завтрака мы отправились осматривать работы вниз по течению Мартьяна. Гора Мамыниха сильно подперла и сузила мартьяновский лог и послужила механической задержкой сносившейся вниз рассыпной платине: она, как говорят здесь, сгрудила ее в нескольких местах. Под Мамынихой там и сям шли еще старательские работы, «и мы подробно осмотрели работавшую конным приводом бутару. Это машина сибирского типа; она употребляется там, где преобладают разрушистые пески, а при мясниковатых, цементированных вязкой глиной, ставится так называемая чаша Комарницкого. Промывка песков на бутаре носит самый первобытный характер, как и все вообще приисковые способы и «средствия» обработки. Представьте себе громадный, сужающийся к концу цилиндр из котельного железа; он устанавливается горизонтально и приводится во вращение конным приводом или паровой машиной. В бутару засыпаются пески и проводится вода. Внутри цилиндр усажен железными лапами, помогающими разрыхлять пески, - которые вместе с водой выносятся сквозь продырявленные стенки цилиндра на деревянный шлюз. Крупные камни сами собой высыпаются в узкое отверстие цилиндра. При нас была произведена полусуточная смывка. Бутару остановили, и двое штейгеров принялись деревянными гребками «доводить» платину. С большого шлюза перемывку перебросили на обыкновенный ручной вашгерд, где, при помощи двух женщин-растиральщиц, была совершена окончательная доводка, давшая в результате, не помню хорошенько, 20 или 30 золотников.

— Небогато, — заметил Степан Павлыч. — Ну, да это мы старые отвалы перебираем, так и за это спасибо. Вон другая бутара строится, так тогда вдвое и промывка пойдет.

Вторая бутара служила только повторением первой и блестела сейчас свежим, не запачканным приисковой глиной деревом, как только что снесенное яичко. Между бутарами поставлена была паровая машина, долженствовавшая заменить конный погон. Приисковые машины вообще являются притчей во языцех: тут заплатка, в другом месте залепленная суриковой замазкой щель, а там и просто дыра, заткнутая паклей. Происходит это оттого, что на прииск не дадут хорошей машины, да и уход за ней обыкновенно плохой.

Под Мамынихой Мартьян был изрыт, перерыт и еще раз, изрыт самым бессовестным образом, как только роют землю на промыслах — места живого не осталось. Поблизости, на правом берегу Мартьяна, платиновую россыпь разыскали на сравнительно большой глубине, аршин в сорок. Но сейчас этот пласт изубожился. С Мамынихи мы приехали на Варламиху, громадный прииск, затмивший своими богатствами Авроринский. До него от нашей конторы по течению Мартьяна было верст пять. Дорога шла всё время мимо работ, большею частью заброшенных, — где-где курится старательский огонек, и что-то такое перемывают.

Варламиха, сравнительно, новый прииск, открытый в середине семидесятых годов.

Я еще помню на месте нынешнего прииска покос старика Дорофея Бородина, а сейчас это громадное поле смерти. Изрытой земли здесь еще больше, чем на Авроринском. Свое название прииск получил от ничтожной горной речонки Варламихи, впавшей в Мартьян с левой стороны — небольшая гора Мамыниха залегла между ними, как коврига хлеба. Течение Мартьяна здесь раздалось на целую версту и образовало одну из богатейших в свете платиновых россыпей.

— Это что-то невероятное было, — рассказывал Степан Павлыч, оживляясь. — Я тогда работал здесь простым старателем... Делянка была всего в 100 квадратных сажень, и я намыл на ней 23 пуда платины, а делянку до конца все-таки не выработал. Невероятное богатство: золотников 15 на сто пудов песку.

В конце семидесятых годов я был на Варламихе, когда работа шла полным ходом, и своими глазами видел на шлюзе работавшей чаши Комарницкого несколько фунтов платины — это полусуточная смывка. Разница такой чаши от бутары заключается в том, что пески растираются в громадном чане из котельного железа целой системой пестов. Механика приискового дела вообще самая нехитрая, за исключением разработки жильных месторождений, где требуется постройка сложной водоотливной машины, крепление шахты и извлечение породы с большой глубины. Маленькая неосторожность или недосмотр и можно «упустить» всю шахту, т. е. зальет ее водой, размочит крепь, а возобновлять такую упущенную шахту дороже новой. Бывают шахты и на россыпях, если последние залегают на большой глубине; но на платиновых промыслах пески прикрыты сравнительно неглубоким слоем шурфов, а добывание песков ведется открытыми работами до глубины в 6 аршин. Исключений очень немного, как ортовые работы под Мамынихой.

На Варламихе есть своя контора и какая-то приисковая городьба, куда мы и проехали. Смотрителем оказался мой знакомый по Екатеринбургу, Николай Алексеевич Протопопов, который ютился в помещении конторы. Нас встретили несколько объездных штейгеров, повторивших из слова в слово вчерашнюю историю о беглых каторжанах.

— Вы мне, Степан Павлыч, соблаговолите револьверчик,—просил Николай Алексеевич. — Неровен час, понесешь платину сдавать к вам в контору, а дорогой и отнимут.

— А с револьвером вы что будете делать?

— Как что: выстрелю... Хоть одного человека убью. Глядя на болезненную фигуру Николая Алексеевича, трудно было заметить в нем человека, твердо решившегося дорого продать свою жизнь, защищая демидовское богатство. Вот Арамилцев или другие объездные штейгера — те постоят за себя и живые в руки не дадутся.

Варламиха сейчас плохо работала, как и Авроринский. Работы разошлись по логам, впадающим в Мартьян, и вниз по течению самого Мартьяна, где залегли большие прииски Верхне-Иосифовский и Нижне-Иосифовский. Этим последним я не буду описывать, хотя и был на них, потому что они служат только повторением Авроринского и Варламихи. Каждый выработавшийся прииск производит тяжелое впечатление безоб-

разной картиной своих заброшенных работ, как Варламира. Давно ли кипела такая горячая жизнь, сколько состояний составилось на этом изрытом, мертвом поле, а теперь всё тихо, как у свежей могильной насыпи. Из всех хищников человек самый страшный. Сколько нужно природе истощить своих материнских усилий, чтобы заравнять нанесенные человеком раны и покрыть зажившее место свежей зеленью. Через тысячу лет, может быть, придет сюда новый человек и подивится нашей кротовой работе, как мы теперь удивляемся чудским копам и ямам. Но не будем загадывать так далеко: день так ясен, небо так чисто, солнце так радостно светит... Довлеет дневи злоба его!

— В Мамынихе должно быть коренное месторождение, — говорю я, подбирая на память образцы хромистого железняка.

— Может быть, — соглашается Степан Павлыч, — а может быть и нет. Где-нибудь под Белой горой, у Соловьевой — места много.

Коренные месторождения платины в Нижнетагильском районе впервые были открыты тоже старателями.

В августе 1892 года старатель Авроринского прииска Афонасий Голицин в почве Крутого лога, впадающего в речку Рублёвик, при попытке углубления водопроводящей канавы, кувалдой и клином скалывая мешающий выступ, обнаружил в сером отколоте куске дунита чёрную прожилку шлиха, и вкрапленные в него видимые крупницы платины.

Прожилка хромистого железняка уходила в глубь массы дунита. Отколов кусочки дунита с чёрными прожилками, Голицин дома обухом топора на припечной чугунной плите истолок их в порошок. Тщательно заячьей лапкой смёл это в старательский ковш, промыл как обычную пробу, и получил чистую платину (рудную).

Когда он, не мудрствуя лукаво, по простоте душевной, рассказал об этом штейгеру Сазонову, тот подверг платину испытанию: калил на огне, чтобы почернела, жёг в кислоте, чтобы сгорела, но тщетно - платина была платиной.

В 1898 году старателем Дедковым на Авроринском же прииске было открыто одно из самых богатых и оригинальных месторождений платины вкрапленной в дунит.

В этом же прииске старателем Давыдовым было открыто ещё одно коренное месторождение. Он случайно наткнулся в почве под дерном на место богатое платиной, которая была очень крупной.

Богатым было содержание платины и в Крутом логу. Это месторождение найдено и выработано в 1892 году старателем-хищником Серебряковым. Он из ямы добывал и толлок хромистый железняк. Делал это тайком, поэтому администрация прииска об этом долго не знала. По имени этого старателя жила была названа Серебряковской. Платина была видимой. Содержание составляло 218 граммов в кубометре породы. Затем жила была у него отобрана и отрабатывалась прииском.

В 1895 - 1897 годах были обнаружены и разрабатывались ещё несколько анало-

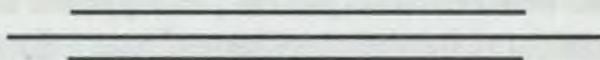
гичных месторождений старателями Кустовым - в Каменном логу, Голицыным и Комаровым - в Соловьёвом логу, Борисовым - в Александровском логу.

Приоритет в открытии Нижнетагильских приисков принадлежит служащим этого округа. Здесь были наиболее подготовленные и опытные кадры, обученные за границей в разных специальных заведениях, в том числе и горным наукам. К числу талантливых горных инженеров относятся такие специалисты, как Ф. И. Швецов, А. Ф. Ерофеев, И. Я. Никерин.

Всего к 1840 году в округе было открыто 22 платиновых прииска. Все они принадлежали Демидовым. О них на заводах много было анекдотов. Люди смеялись над их «дырявыми шелковыми карманами» - и служили им. Работали на совесть, от мала до велика. На демидовских заводах и приисках кормилось семьдесят тысяч человек. Это главное и существенное, а Демидовы - неизбежное зло, на которое люди смотрели иронически.

Старатель не являлся собственником участка, а получал разрешение в приисковой конторе. Эта система оставалась и в двадцатом веке. Первые вольные старатели появились здесь только после отмены крепостного права.

Старательские работы производились в свободное от хозяйских работ время хозяйскими рабочими, получившими в виде награды разрешение хозяина стараться на добыче металла с расчётом за золотник. Эти работы должны производиться с соблюдением правил ведения горных работ, без порчи россыпи. Весь намываемый металл сдавался хозяину.

— Значит, надо тебе обсказать предварительно про Александру Архипьевну. Такая жила у нас в Тагиле особенная женщина, непримерная к другим протчим бабам... Нету уж ее в живых-то: как-то об Николине дни с вина сгорела. Ну, так эта самая Александра Архипьевна сызмала не могла переступить через золото... Идет, например, по лесу, и вдруг, как вкопанная: это ее золото останавливало. Золото-то в земле, а она через него не может переступить. Особенный человек... Ну, знали ее эту навадку и даже насмех поднимали, а я взял да и пошел к ней: «Александра Архипьевна, укажи мне золото». — «Ладно», — говорит. Пошли мы с ней таким манером из Тагила: она с коробенькой, будто по грибы, а я со снастью — топор, лопата и прочее. Подходим мы с ней к поскотине, она мне и говорит: «Вот, Софон, здесь я еще с бабушкой по грибы хаживала и не могла переступить. Ищи тут: золото обыщешь хорошее». Хорошо... Я сейчас на земле наладил отметину, а она меня учит: «Неглубоко оно тут схоронилось». Пошли дальше в лес. Местов с семь она мне таким манером обозначила, а я всё примечаю. После того приводит она меня к обдавине, показывает на выскорь и говорит: «Вот и тут будет тебе золото, только неспособно оно — больно глубоко лежит и, окромя всего этого, вода будет делить». И что бы ты думал, братец ты мой, подобрал я себе товарищей троих, сгношили мы маломальскую снасть и пошли обследовать места, как пока-

звала Александра Архипьевна, и везде, братец ты мой, обыскалось золото: как она сказала, точно вот глазами сквозь землю посмотрела, родимая моя. Одним словом, напали мы на золото такое, что нашей силы уж не хватило, и надо было помощников брать, значит, компанию.

Подавленный своими воспоминаниями, Софон тяжело вздохнул и переступил с ноги на ногу.

— Каторга-то скоро будет, Софон?

— Погоди, Степан Павлыч, дойдет и до каторги, родимый мой, только не перешибай меня... Ну, первым делом пошел я объявляться в управление, а там, обыкновенно, и смотреть на меня не хотят. Тогда я уж сделал свою увертку, чтобы дозволительное свидетельство выправить. Отправился прямо к барину, к Осипу Иванычу, и всё обсказал: так и так, пятую часть жертвуем, только вызволь нас. Невозможно нам без барина... Хорошо. Барин сейчас в управление и сейчас нам свидетельство: «На, работай». Пообещал нам всего... Начали мы работать: золото так и валит. Своей силы нехватает, мы чужестранных рабочих прихватили. Каждую субботу мы Осипу Иванычу дивидент... Он деньги берет, меня водкой поит и всех нас хвалит. Жена у него, Марья Люстриковна, тоже весьма меня одобряла... Так. В полгода таким манером я совсем исправился: новую избу поставил, лошадь купил, себе две шубы да третью жене, ну, по домашности всякой шараборы набрал. Одним словом, все суседи завидуют: счастье Софону привалило. Проробили мы этак до весны и вижу я, что наше золото посбилось... Раза два не оправдалась наша неделя, значит, убыток себе заробили, а Осип Иваныч в том случае знать ничего не хочет: «Я, грит, не убытки брать шел в вашу канпанию». Ни единой полушки не дает, а только дивидента требует. Конечно, оно любопытно, хоть до кого доведись. Так-с... Смекнул я, что дело наше неладное и обыскал про себя купца Агапа Яковлича, который тоже подвержен был золоту; «Купи мой пай, Агап Яковлич». Ну, он, обыкновенно, поломался, а я ему своё: давай тыщу, ежели сам себе не враг. Долго мы с ним так-то перекорялись, а потом я все-таки обломал его на семистах рублях. Сейчас он мне отвалил полтора ста серебром из рук в руки, снял с себя серебряные часы с серебряной цепочкой — в тридцати рублях пошли.

В течение нескольких дней, проведенных на платиновых промыслах, мне удалось изъездить юс вдоль, и поперек. Работы разошлись кругом, так что нет такого ложка, склона или покатоности, где бы земля не была изрыта. В общем получается картина очень внушительная, похожая на то, как будто неприятель со всех сторон вел подкопы, ложементы и траншеи, пользуясь малейшим прикрытием.

— Если бы собрать все эти работы вместе, — говорил Степан Павлыч: — то-есть затраченную на них силу, то, право, можно было бы сдвинуть Белую гору...

Так называемые Белые горы составляют здесь массивный горный узел, и такое сравнение говорило само за себя.

— Некоторые россыпи перемыты уже раза по три и еще их перемоют, когда цена поднимется. Замечательно то, что при таких новых перебивках находили порядочные самородки...

Разобраться в общем распространении платиновых россыпей очень трудно, потому что платина «разошлась» всюду не только по западному склону, но и по восточному. Разрабатываемые залежи платиносодержащих песков занимают всё пространство между Висимо-Шайтанским и Черно-Источинским заводом, по прямой линии верст двадцать. Один ученый, осмотрев прииска, заметил, что нужно всю эту полосу «сделать пшик», т. е. перемыть сподряд. Никита совершенно согласен с этим мнением и, когда поставили первую бутару, проговорил:

— Задирать усе будемо до Белой...

Работы по речкам, как Мартьян, Варламиха, Висим, Чауш — почти кончены, потому что изрыто и перерыто решительно всё, что было только доступно лопате и кайлу. За речками наступила очередь сухих и мокрых ложков, болот, увалов и склонов вообще, а будущее осталось только за горами и горными плато, где со временем, вероятно, и будут найдены коренные месторождения.

Своими работами платины намывается ежегодно около 20 пудов, а остальное количество, пудов 50—60, добывается старателями. О первых работах мы уже говорили выше. Старательский промысел ведется здесь, как и на золотых промыслах: артели старателей отводится площадь земли, средней величиной сажень в сто квадратных, выдается из конторы запечатанная банка — и только. Старатели обязаны доставлять всю добытую платину в контору по 40 копеек за золотник. Понятно, что такая несообразно низкая цена порождает массу злоупотреблений, отражающихся одинаково невыгодно на обеих сторонах: заводы теряют часть добытого драгоценного металла, а старатели развращаются соблазном легкой наживы. По аналогии с частными золотыми промыслами, можно сказать смело, что Тагильское заводоуправление могло бы платить «любую половину», т. е., при цене в 8 тысяч руб. за пуд, 1 р. за золотник, а при цене в 12 тысяч — 1 р. 50 к. От такой операции заводы не только ничего не потеряли бы, а наоборот, много бы выиграли, потому что при этом условии платины доставлялось бы в контору вдвое больше и притом явилась бы возможность работать там, где сейчас старателю это невыгодно. Золотопромышленники находят выгодным платить старателям 2—3 р. за золотник, смотря по курсу и по богатству или легкости обработки россыпи, и те же тагильские заводы платят эту цену за старательское золото, а платина так и остается на своих 40 копейках. В процентном отношении получится такая пропорция (мы берем курс за август нынешнего года): за золотник золота тагильские заводы платят старателям около 3 р. при курсовой стоимости этого золотника в 4 р., т. е. около 70—75%; а за платину, при курсе в 3 р. золотник, платят всего 40 к., т. е. около 14%. Разница получается громадная, и она вызывает самые печальные последствия. Конечно, принимаются всевозможные меры, чтобы предотвратить хищение, но всё напрасно: цена берет свое.

— Добрые люди из острога убегают, — объяснял мне один висимский старик хол, - а тут как же платине не уйти... Принеси да положи кошку с котятками на грохот, и то ничего не найдешь.

Старательские работы обыкновенно ведутся артелью, а на платиновых промыслах они носят характер кустарный, в смысле работы своей семьей. Один мужик работает в забое, другой наваливает добытые пески на приисковую тележку-таратайку; баба или мальчик отвозят эти пески на таратайке к вашгерду, а если нет лошади или есть возможность поставить грохот вблизи забоя, то пески отвозятся мужиком-откатчиком на простой тачке. У грохота стоят обыкновенно две женщины растиральщицы. Когда работа спешная, то у вашгерда полагается еще мужик для доводки промытой платины. Таким образом, средняя артель составляется из 5—6 человек, так что получается как раз средней величины семья из двух мужиков, двух женщин и подростка. Если недостает своей семьи, то прихватывают недостающего члена со стороны, но этим семейная организация все-таки не нарушается. Конечно, есть артели больше, смотря по обстоятельствам, когда в забое работают двое мужиков и пески промывают на нескольких вашгердах. Теперь возьмем экономическую сторону. Содержание платиновых россыпей при богатстве достигает до нескольких золотников на 100 пудов песку, но сейчас платина вообще посбилась, и среднее содержание 60—70 долей на 100 пудов песку. Если артель в 5 человек промывает 600 пудов в рабочий день, то получит всего около 5 золотников платины, что составит, если сдавать в контору по 40 к. золотник, всего 2 рубля. Прибавьте к этому, что не каждый день работы идут именно таким порядком: нужно отвезти и пустую породу, и провести канавку для воды к вашгерду, и сделать ремонт, и добыть дерева и т. д. Иногда приходится откачивать воду из выработки или ставить особую силу для накачивания воды на вашгерд насосом, — одним словом, всегда найдется какое-нибудь усложняющее условие, которое выхватывает несколько лишних поденщиц. Прибавьте к этому затрату времени на шурфовку, на постановку работ, на ненастье — одним словом, как ни бейтесь, а честным трудом не проживете. Чтобы не умереть с голоду, приходится часть намытой платины утаивать тем или другим путем и продавать на сторону скупщикам, чтобы пополнить рабочий бюджет. Само заводоуправление, добывая платину хозяйственным способом, должно убедиться, что она обходится ему дороже 40 копеек за золотник, несмотря на то, что и работы ведутся в больших размерах, и местом никто не стесняет, и все необходимые материалы для обстановки работ получаются даром со своих же заводов. Конечно, выпадают безумно-богатые места, как на Варламите, где можно было бы работать по 5 копеек за золотник, но такие места, к сожалению, составляют слишком редкие исключения, а сейчас и совсем отсутствуют.

Повышение цены на старательскую платину желательно особенно потому, что весь промысел здесь носит семейную организацию. На золотых промыслах, отбившихся куда-нибудь далеко в степь или в лесную глушь Северного Урала, организовалась специальная рабочая бездомная масса, которую уже трудно испортить: попавший на такие промысла рабочий для семьи умер. Но здесь совсем другое дело: платиновые промысла

залегли между населенными пунктами — до деревни Захаровой рукой подать, дальше в восьми верстах Висимо-Шайтанский завод, за ним в девяти верстах Висимо-Уткинский, за Уралом завод Черноисточинский - одним словом, промысла у себя дома, и рабочие идут на них семьями. Кроме своих демидовских заводов, значительный контингент рабочих составляют смежные заводские дачи. Мне рассказывали, как одно время закрылся завод на Чусовой и как с него на платиновые промыслы шли толпами голодные, обнищавшие рабочие; положение их было просто вопиющее.

— Смотреть-то на них, так и то тяжело, — рассказывал мне один торговый заводский человек. — Оголодали, изнищали, а дома уж совсем ничего не осталось, кроме голодных семей. Ну, придет такой человек на промысла и взяться ни за что не умеет. Тоже сноровка нужна своя. У нас мальчонка больше такого мужика сробит. Конечно, приобвыкнет, а пока что — голодом изомрут. Говорю: смотреть на них тошно. Вот какой народ идет на промысла...

Цена на платину и неразрывно связанное с ней хищение составляют болезненное место Степана Павлыча: он краснеет и горячится каждый раз, как только заходит об этом речь, потому что несет на себе двойную ответственность - и перед заводоуправлением, и перед рабочими.

— Помилуйте, что же я-то поделаю? — выкрикивает он высоким тенором. — Я знаю и все знают, что платину воруют, а как это остановить? Нельзя пожаловаться, что и смотрим плохо: в оба глаза смотрим, и все таки платину из-под носу воруют. Одних штейгеров сколько в меня перебивало. Промысла разбросаны, к каждому вашгерду не приставишь по штейгеру. А сколько неприятностей... Главное, скверно то, что на всякого рабочего приходится смотреть как на заведомого вора. Обидно и за себя, и за других.

Раз на приисковой дороге мы повстречали верхового. Ехал, покачиваясь в высоком седле, господин неопределенных лет, того особенного склада, про который хочется сказать: «какой заношенный», как бывает заношенное платье. Такие субъекты попадают чаще всего в среде писарей, при полиции и вообще в разных стражах.

— Степану Павлычу нижайшее...

— А это ты, Федор Иваныч... Ну, как поживаешь?

— Ничего, слава богу, живем, пока мыши головы не отъели, да вашими молитвами, как шестами, подпираемся...

Поговорили — разъехались. Когда поношенный субъект отъехал, Степан Павлыч крикнул ему вслед:

— Федор Иваныч, нет ли чего нового про платину у Ивана Златоуста?

Федор Иваныч остановился, пробормотал что-то и, взмахнув нагайкой, улетел, точно по нему выстрелили.

Не любит...? смеялся Степан Павлыч, колыхаясь всем телом. - Хуже ему смерти, только помяни Ивана Златоуста. Бывший мой штейгер.

— Почему не любит? — полюбопытствовал я, заинтересованный странной связью между платиной и Иваном Златоустом.

— Видите ли, когда я поступил на промысла, то задался Целью уничтожить

хищничество во что бы то ни стало. Накладывал печати на вашгерды, менял штейгеров, лично осматривал работы... Хорошо. Тогда мне и посоветовали опытные люди пригласить штейгером Федора Иваныча, который служил где-то при полиции и поэтому мог вести дело с тонкостью настоящего сыщика. Я послушался и пригласил его... Федор Иваныч наобещал мне золотые горы: «У меня-то макового зерна не украдут. Помилуйте, я их всех, подлецов, в один узел завяжу!» Хорошо. Поступил. Проходит некоторое время, и я вижу, что толку нет, а потом стороной узнаю, что Федор Иваныч с одной старательской артели взял взятку в двадцать пять рублей. Конечно, доказать это невозможно, а для меня дело ясно: нужно ему отказать. Слышу другой случай: взял красный билет. Хорошо. Едем как-то вместе по промыслам, делаем проверку дялянок. А Федор Иваныч уж пронюхал, что я всё знаю и что откажу ему, и выкинул такую штуку. «Степан Павлыч, читал я недавно творения отца нашего Ивана Златоустого — прочитал и сам испугался. Всё-то там прописано». «Чего же ты испугался?» «А как же: всё сказано. Сколько мы теперь греха берем с этой платиной — и не замолить, кажется. Я и жизни-то своей не рад стал: всё там сказано. Одно только и осталось: плакать да молиться, чтобы господь напередки ухранил». Это он хотел дать понять, что уже знает, что я слышал про него и что впредь не будет брать взяток... Хорошо. Через некоторое время узнаю про новую взятку, прихожу в контору и спрашиваю: «А что, Федор Иваныч, не вычитал ли ты чего-нибудь новенького у Ивана Златоуста про платину?» Как он покраснеет... Стал я его так спрашивать каждый раз, а за мной и другие, проходу не дают мужику. Даже ребята и те спрашивают, не вычитал ли он чего у Ивана Златоуста про платину. Терпел, терпел мой Федор Иваныч, а потом пришел и говорит: «Не могу больше, Степан Павлыч»... Я ему, впрочем, отчитал всё: сколько и с кого он взял. Только ведь это невозможно доказать...

Вторым злом на платиновых промыслах является водка. Раз мы ехали с Авроринского в Захарову. День был праздничный, и работы везде были остановлены. На полудороге встречается верховой. Я заметил его еще издали: парень на неоседланной лошади, в одной руке держит мешок с каким-то припасом. Когда мы стали подъезжать, парень высоко поднял мешок и помчался к лесу.

— Степан Павлыч, лямошник,— заметил кучер Никифор.

— Где он? Держи его... Держи!.. Конечно, от лямошника и след простыл.

— Это он водку, мерзавец, везет на -Авроринский,— ругался Степан Павлыч.— Вот каждый праздник так... А напьются — сейчас драку поднимут. Положим, убийств при мне не случилось, а дерутся каждый праздник. Водку продавать открыто на промыслах не позволяем, так вот лямошники проносят ее. Специальные обходы делаем на них... Только где же за ними по лесу угоняешься... Раза два, впрочем, ловил: разобьешь бутылку, обругаешь... Это всё из Захаровой нам гостинцы посылают. Так, ведь, Никифор?

— Уж эта Захарова, Степан Павлыч...- ответил Никифор и угнетенно покрутил головой, что в переводе значило: слаб человек, Степан Павлыч.

Захарова — ближайший пункт, в котором есть кабак. Вернее сказать, этот кабак

поместился в центре промыслов, выражаясь по-заводски, прямо «в горле». Сама по себе Захарова ничтожная деревушка, в которой на моей памяти было всего дворов десяток. Сейчас, конечно, дело много изменилось. Захарова процвела вдвойне и от промыслов и от кабака. В праздники здесь стон стоном. Летом число рабочих достигает до трех тысяч, и трудно себе представить сколько выручит один захаровский кабак. Можно сказать без преувеличения, что это, стоящее вне конкуренции, учреждение даст химически-чистого дивиденда больше пяти тысяч, а получит этот дивиденд наш уральский магнат По-клеветский-Козелл, ибо ему принадлежит захаровский кабак. Какое другое предприятие может дать такой процент или какая государственная должность?.. Если бы жив был Павел Иванович Чичиков, он сам первый бы посмеялся над своими мертвыми душами и открыл бы наверное второй кабак в Захаровой. В сущности, открытие кабака среди промыслов вопиющее нарушение закона по географии таких заведений, и мы можем только удивляться, что смотрит местная администрация. Мы не сомневаемся, что это зло будет уничтожено, и сейчас уже ведутся об этом переговоры.

— Ох, и тепленькое местечко,— ухмылялся Никифор, когда мы проезжали мимо Захаровой в Висим.— Не кабак, а угодник...

Насколько водка является царящим злом на промыслах, ясным доказательством служит Висимо-Шайтанский завод, до которого от промыслов 12 верст. Конечно, кабак в Захаровой торгует бойко, но один в поле не воин, и в Висиме тоже идет игра. Достаточно указать на тот изумительный факт, что в Висиме ежегодно пропивается больше 70 тысяч рублей, что при 700 дворах составит кругленькую сумму в 100 р. на каждый двор. Конечно, не одни висимцы пропивают такую сумму, а в значительной доле им помогают «чужестранные» рабочие, набивающиеся каждый праздник в висимские кабаки, как мухи на мед. А сколько пропивается старательских денег в Тагиле, в Черной и у лямошников - не усчитает никакая статистика. Сильно пьют и много пьют, как вообще на промыслах, потому что и горе, и радость, и самый труд выражаются здесь в более интенсивных формах, чем при земледельческом труде. Благодаря промыслам вырабатывается особенная азартная складка самого труда: сегодняшний бедняк мечтает быть завтрашним богачом, а такая азартная игра на свой труд самая завлекательная, быть может, из всех... Общая нервная возбужденность требует некоторого регулятора, каким и является здесь водка!» Нужно в самом деле видеть, как работает настоящий приисковый человек, обстановку его жизни, те лишения и невзгоды, из которых складывается эта жизнь, и те редкие примеры дикого счастья, которые манят и увлекают его, чтобы понять эту приисковую душу. Промысла везде одинаковы, будут ли они на Урале, в Сибири, в Калифорнии, в Австралии или в Африке: местные условия, конечно, придают некоторый колорит, а сущность везде одна и та же.

Нам остается еще сказать о целесообразности старательских работ вообще, так как на тагильских платиновых промыслах они являются главным фактором.

— Это свинойство, а не работа! — брезгливо повторяют специалисты горные инженеры, когда речь заходит о старательских работах.— Старатели больше закапывают золота или платины, чем добывают.

Вообще старательский промысел не пользуется хорошей репутацией в смысле техническом, его все порицают, специалисты и неспециалисты, и в то же время все им пользуются. Достаточно указать на тот факт, что из всего добываемого в России золота большая половина добывается старателями, а на Урале все 90%. Чем же объяснить такую наглядную несообразность: на одной стороне сосредоточены капиталы, знание, крупная предприимчивость и всякие другие льготы, а на другой одно «свое средство» да две здоровых руки... Объяснений собственно и не требуется: старательский промысел в людных местностях всегда выгоднее хозяйских работ, потому что он довольствуется крохами и свой собственный труд ставит ни во что. Сибирские золотые промысла, заброшенные в безлюдную тайгу, верст за триста от всякого жилья, конечно будут разрабатываться хозяйской рукой, как жильные месторождения или богатые россыпи. В данном случае разве Тагильские заводы не могли бы всю платину добывать своими хозяйскими работами, а между тем здесь 75% платины добывается старателями. Да одни разведки чего бы стоили заводам, а старателями они сделаны даром... Относительно технической стороны, конечно, защищать старателей невозможно: ни о какой правильности работ тут не может быть и помину — свинойство, и больше ничего. Но является вот какой вопрос: если уж старателю невыгодно в известном месте добывать золото или платину, то хозяйскими работами вы не возьмете здесь ничего и подавно. Выдвигать основным принципом то, чтобы непременно из данного участка извлечь всё золото или всю платину — я нахожу странным и вот почему: если я вот этот золотник золота добыл себе в убыток, то он не явится прибылью в общей системе народного хозяйства. Работать себе в убыток мог только крепостной труд, потому что он был бесплатный...

Висимские слезы и висимские идеалы, — Шапка-невидимка, в какой ходят скупщика. — Суди по волку. — Печальное будущее столицы уральской платины.

Быть на платиновых тагильских промыслах и не съездить в Висим, это все равно, что быть в Риме и не видеть папы. Висим всегда стоял в голове платинового дела — и когда «робили даровую господскую платину», и когда стали добывать ее за деньги, и когда стали продавать на сторону.

— Много наших висимских слез пролито вот через эту самую платину, — со вздохом говорил мне один приятель-старожил. — Я еще мальчонком помню, как батько с маткой на рудник выезжали... Как на убой шли: на платину да в медную гору... И строго тогда было, особливо при Кожуховском. Одна страсть... Все в струну, все трясутся, все точно без ума сделаются.

— А нынче?

— Что нынче! Шальба, а не работа. Всё твое, сколько ни сработал. Никто тебя не гонит, никто не бьет. Пряменько сказать: набаловался народ в конец. Нет, брат, прежде-то с молитвой жили, а не то чтобы гармонию да сапоги со скрипом завёл, и лучше тебя нет... Прежде разговоры-то коротки были! А главное, никакого страху в народе не стало и каждый что хочет, то и делает. Прежде-то дерут-дерут, отдохнут да опять драть... Ну, и платина тогда спорее шла, а не по-нынешнему: провернулось гнез-

дышко, и опять нет ничего. Бывало, народ на платину погонят, так бабы ревут-ревут, точно по некрутам, а нонче сами бегут на промысла... Бабы али девки вон так и нороят на платину, потому, как дома-то ей, бабе, никакая цена, а на платине все тридцать копеечек. Тоже она, баба, и глупая кажется, а тут вот как понимает...

Висимцы без преувеличения могут сказать, что почти вся тагильская платина добыта ихними руками, а если и бывали рабочие с других заводов, так временно, да и то сравнительно в небольшом числе. Только в последнее время, благодаря наплыву чужестранных рабочих, висимцы начали как будто стушевываться, уступая место черно-влянам, тагильцам и вообще «чужестранным», как здесь говорится. Нынешний висимец мечтает уже о том, как бы устроиться так, чтобы остаться дома, у своего дела, а платину работали бы другие. У него свои идеалы и перед глазами живые примеры: вон Иван Иваныч как светленько поживает, тоже вот Петра Иваныча взять — из ничего в люди вышли. Это тяготение к легкой и светлой жизни является главным стимулом, хотя и понимается в довольно скромных формах: енотовая шуба, лошадь в наборной сбруе, крашенный дом и т. д. Конечно, единственным выходом из ничтожества здесь является торговля, и все излюбленные висимские люди непременно чем-нибудь торгуют.

От промыслов до Висима верст десять. Дорога через Захарову. Издали Висим не поражает особенной красотой, как и вблизи — есть много горных заводов в десять раз лучше. Если что красиво, так это то, что в Висиме сбежались три горных бойких речки: Висим, Шайтанка и Межевая Утка. Селенье залегло в горной котловине, в которой сливаются все три речки в одну последнюю. Висим, подаривший Европе платины миллионов на сто, является самым заурядным горным заводом с населением в 3—4 тысячи. Правда, он славится между соседями своим богатством, но мы уже говорили выше о характере и содержании такого богатства. Ребенок, променявший золотую монету на фольгу, — вот вам висимское богатство... Помню в начале шестидесятых годов проживавшего в Висиме дьячка Николая Матвейча. У него в первый раз я увидел и платину, которую Николай Матвейч держал в пузырьке из-под лекарства. Старик сам работал на промыслах и, как теперь помню его слова, когда он, бывало, высыплет платину на корявую ладонь, встряхнет и проговорит:

— Дурни мы все... По десяти копеек платину сдаем немцу, а ведь она дороже золота!... Оттак... Дурни, говорю.

Конечно, за тридцать лет много воды утекло, и висимцы гордятся своими новыми постройками, бойкой торговлей и оборотистостью, но всё это в сущности очень ничтожно, особенно по сравнению с добытыми богатствами. Да и настоящее благосостояние, если признаться, добыто разными темными путями, а не правильным трудом или широкой предприимчивостью. Один расторговался ни с того, ни с чего, другой от водки свет увидел, третий просто «побывал у случая», но все это побочные статьи для благополучия, не имеющие никакой прямой связи с платиновыми промыслами, кроме более или менее отдаленного хищничества. Немного: водка и воровство...

Нормальное обогащение висимского обывателя приблизительно происходит так. Живет семья и работает на промыслах, как и все другие семьи — из-за хлеба на квас. Но

в одно прекрасное утро разносится весть: «Маханьки нашли богатую платину»... Начинается целый переворот в жизни счастливых: является лошадь, новые ворота, шубы, всякое обзаведение по хозяйству, кумачные платки у баб и козловые ботинки и т. д. В каких-нибудь две недели Маханьки расцветают окончательно и делаются героями дня. Услужливая молва раздувает найденное «богачество» в несколько раз, так что сами Маханьки начинают верить в него — сорят деньгами, гоняют пьяные на новокупках по улицам и вообще пускают пыль. Затем наступает день, когда делянка вырабатывается и «богачество» быстро тает, как вешний снег, а от него остаются одни новые ворота да тяжелое похмелье. Дело в том, что в большинстве случаев выражается яркое неумение управиться с шальными деньгами, и только редкие исключения удерживаются на высоте. Сравнительно разбогатевших от платины мужиков очень немного, а источник висимского богатства всё-таки остается в торговле и кабаке.

Совершенно особый тип в этой среде составлял скупщик краденой с промыслов платины. До сих пор, кажется, не было еще ни одного случая, чтобы кто-нибудь из висимцев пострадал за это «рукомесло», да и трудно добраться до скупщика, который точно ходит в шапке-невидимке. Он существует и существует не в единственном числе, все это знают, но кто именно — никто не скажет. Конечно, будут шептаться по заугольям, даже указывать на некоторых, но всё это так, без всякого достаточного основания, просто потому, что как же не воровать демидовскую платину, когда за нее «контора» платит по 40 к. за золотник, а на воле дают все два целковых. Курс на воровскую платину известен всем, а также и его лихорадочные колебания, но откуда всё это идет — подите и доберитесь. Впрочем, всё это проделывается с краденым золотом точно так же, и действующим лицом является вся та же шапка-невидимка.

— Простой человек на такое дело не пойдет, — рассказывал мне один старожил: а ежели кто подвержен этому самому, так у него, как у змея ног, ничего не найдешь, не таковское дело, чтобы разиня рот его орудовать. Да и то молвить: рука руку моет... Оба виноваты: кто продал и кто купил, ну, оба и молчат намертво.

— Все-таки ведь нехорошо воровать...

— Уж это что и говорить... Знамо дело, не баско!.. Самое душевредное занятие, аховое, одно слово... А только суди на волка, суди и по волку: чья платина-то.

— Как чья? Конечно, демидовская...

— Демидовская? Он, что ли, Демидов-то клал ее в землю?.. Божье благословение, ежели правильно сказать тебе, ну, а кому господь счастья пошлет — тот и владай. Нашел — молчи, потерял — молчи...

Цена платины

Прежде чем говорить об оплате труда, приведем данные о стоимости добытого металла.

Платина, если выразить ее редкость стоимостью, могла быть дороже, но блеск золота покорила некрасивый цвет этого металла. В 1824—1827 годах пуд сырой платины стоил в России 2304 руб., или 14,1 коп. за 1 г. Затем иностранные покупатели вдруг не стали ее брать, и цена упала. В 1846—1850 годах она стоила 3191—3603 руб. за пуд, в 1857 — 3510 руб., в 1860 — 3000 руб., в 1870 — от 1600 до 3200 руб., в 1880 — от 1500 до 3000 руб., в 1890 — от 7300 до 12035 руб., в 1900 - 15000 руб., а в 1905 — уже 19000 руб.

Россия давала львиную долю платины, а цены диктовал в основном лондонский промышленник Джонсон Матти.

В январе 1906 года платинопромышленники потребовали увеличить цену платины до пределов цены на золото. В этом году цены не удовлетворяли и продавцов, которые несмотря на имеющиеся у них запасы от продажи воздерживаются. Цена стоит устойчивая — 9 руб. 80 коп. за золотник 83 %-ной пробы. Предложение старательской платины было довольно оживленное в связи с ростом разработки платиносодержащих площадей.

Цена платины по отношению к золоту за рубежом составляла, %: в Германии в 1901 году — 94, в США — 100, 1910 год — соответственно 126 и 133, 1920 год — 400 в Германии. В 1907 году на Исовских приисках конторы выплачивают старателям 3 руб. за золотник, а скупщики — 5 руб. За рубежом золотник платины на 22 ноября 1908 года приобретался за 23 долл.

Металлы платиновой группы продавались дороже. Так, если 1 г чистой платины стоил 3,75 французских франка, то иридий сплавленный — 5 франков; иридий в изделиях — 8—12; родий сплавленный — 25; рутений в порошке — 10; осмий в порошке — 4; палладий — 3,75 франка.

Очистка (аффинаж) пуда платины стоила не более 400 руб., в то время как непосредственные производители, работая с громадным трудом и риском, получали небольшие доходы, аффинеры за границей зарабатывали без всякого риска более 100 %.

Чтобы поднять цены на мировом рынке, в России нужны были аффинажные заводы и требовалась борьба с нелегальной скупкой платины, которая перед Первой мировой войной 1914 года выражалась в колоссальных цифрах, за границу ежегодно уходило не менее 70—80 пудов неучтенной платины.

Старатель-одиночка платину сдавал в контору по 60 коп. за золотник (4,265 г), а тайный скупщик платил по 90 коп. На Исовских россыпях арендатор Бурдаков на Журавлике и Конюховском в 1904 году за золотник платил тоже по 60 коп., а государству сдавал по 2 руб. 50 коп. Но уже в 1907 году за золотник стали платить по 3 руб., а частные скупщики в Нижней Туре — по 5 руб. В Черноисточинске и Висиме за золотник платили по 5 руб., затем цена поднялась до 7 руб., а у скупщиков — до 12 руб. Рабочие

старались нести платину скупщику, но здесь были свои неудобства: контора платила деньги тут же на прииске, а в Туру надо было нести, искать скупщика, да и опасное было это дело. В 1908—1909 годах цена за золотник поднялась до 5 руб. 80 коп., а в 1912 году — до 9 руб. 80 коп.

Перед войной добыча платины приобретает все большее значение и в связи с падением ее добычи на Урале на мировом рынке чувствуется «платиновый голод», в результате чего цены растут и в 1910 году достигают до 4 4000 руб. за пуд; в 1915 — до 54 000 руб.; в 1917 — уже до 300 000 руб.; в 1920 — возрастают до 960 000 руб., а в 1921— 384 млн руб. за пуд. Но в эти годы цены на все товары исчислялись десятками и сотнями тысяч.

В 1912 году цена старателям сохраняется на уровне 9 руб. 80 коп. за золотник. В этом году платина на рынок поступает главным образом старательская, добытая кустарями-крестьянами на своих сенокосных участках, особенно на Висимо-Уткинской, Черноисточинской и других дачах. Хотя цены на платину были довольно высокими, спекулянты охотно скупали ее без остатка.

На приисках цена за платину была своя и постоянно менялась. Так, в Нижней Туре в 1916—1917 годах казна принимала ее по 39 руб. за золотник, а скупщики платили по 60 руб. В январе 1918 года государственная цена поднялась до 80 руб., а у скупщиков была 120.

В годы советской власти цену за грамм добытого металла приискам определяло государство на целый год. Она составляла от 5 до 20 руб. В 90-х годах, в зависимости от цены на мировом рынке и инфляции, разразившейся в России, цена колебалась до нескольких десятков тысяч рублей за грамм.

Как уже говорилось, до отмены крепостного права, т. е. до 1861 года каторжанам и рекрутам зарплату на Демидовских приисках не платили. Их кормили, одевали, давали жилье в казармах и все. На Исовских приисках людей такой категории было мало, да и добыча платины в этот период велась слабо. На Исовских и Нижне-Тагильских промыслах были и наемные рабочие, которым в первое время на протяжении десятилетий оплата труда была установлена твердая: мужчинам — 50 коп. в день, женщинам и подросткам — 25 коп., а на простых и подсобных работах выплачивали всего 15 коп. (пуд муки в эти годы стоил 40—50 коп.).

Во второй половине XIX века спрос и цена на платину поднялись, но все еще и были значительно ниже цен на золото. Это привело к увеличению добычи платины и росту спроса на рабочие руки и как следствие повышению заработной платы. По отчету, в 1891 году зарплата мужчинам составляла от 15 до 30 руб. в месяц, у женщин и подростков — от 10 до 18 руб., у доводчика золотопромывальной фабрики — 12 руб. Лесообъездчику с лошадей платили 15 руб., старшему штейгеру — 50, подштейгеру — 20 руб. в месяц. Старожилы рассказывали, что забойщик в шахте в 1895 году получал 90 коп. в день, воротовщик — 60, женщины на промывке песков — 40.

На уральских приисках в 1903 году средняя зарплата составила 214 руб. при работе в сезон 260 дней, т. е. 82 коп. за поденщину при десяти-двенадцатичасовом

рабочем дне. В этот период заработная плата на приисках выплачивалась в разных местах по-разному, зависела от густоты населения, спроса и условий труда, кроме того, все чаще стала применяться сдельная оплата. Позднее, в 1906—1908 годах, в шахтах за добытую кубическую сажень (9,71 м³) породы платили 2 руб., а поденщина стала стоить 1 руб. 80 коп. у мужчин и 1 руб. у женщин. Зарплата низших служащих в конторе не превышала среднего заработка рабочего.

Чтобы определить истинную цену заработной платы, следует сравнить ее с ценами на товары. Так, в 1861 году пуд муки на Висиме стоил 50 коп., позднее на Исовских приисках он стоил 1 руб. В 80-е годы за 100 руб. можно было купить отличную пару лошадей.

В 1893 году продукты в среднем стоили:

- мука ржаная 40 коп. за пуд;
- мука пшеничная 75 коп. за пуд;
- масло коровье 6 руб. 50 коп. за пуд;
- говядина свежая 1 руб. 80 коп. за пуд;
- сахар 7 руб. 20 коп. за пуд;
- хлеб печеный 1,5 коп. фунт;
- картофель 40 коп. мешок;
- водка 35 коп. бутылка.

Цены сравнительно невысокие и при хорошей работе, бережливости и трезвом образе жизни семья старателя могла жить безбедно.

Законы и постановления о работе приисков

В течение всего периода добычи драгоценных металлов правительство России пыталось влиять на эти работы.

— Так по закону 1838 года, к разрешению на промысловую добычу, предписывалось представить «Дозволительные свидетельства» на отыскание и добывание драгоценных металлов. По этому положению добычей могли заниматься не многие. Требования закона были очень жесткие.

— В 1870 году вышел новый закон «О принципе свободного золотого промысла». По нему допуск к промыслу на Урале был разрешен всем, за небольшим исключением, но были введены такие формальности, которые сильно затрудняли этот свободный промысел, в частности была предписана обязательная сдача металла в казну и взимание подати натурой.

— В 1901 году снова вышел закон. Главное достоинство его в том, что он на большинстве казенных земель освободил золото- и платинопромышленников от горной подати и сдачи металла в казну и было предусмотрено положение о заявке, отводу и разработке приисков.

— В 1903 году выходит закон, который окончательно устраняет все формальности, затрудняющие поиск, разведку и заявку на золото-платиновые месторождения, что значительно сокращает время на начало работ.

— В 1905 году специальная комиссия по увеличению добычи золота и платины утвердила правила найма рабочих на промысла в которых указывалось:

1. Свободная воля договаривающихся никем и ничем не должна стесняться.
2. Полная равноправность между промышленниками и рабочими.
3. Для охраны рабочего создать горную инспекцию с введением в нее представительство рабочих.
4. Принять меры к охране труда женщин и малолетних.
5. Принять меры к удовлетворению потребностей рабочих, в том числе сокращение рабочего дня, страхование на случай смерти, а также на случай старости и инвалидности.

В том же году был принят закон о найме рабочих на прииска. Он заключается с одним рабочим или с артельным старостой. В нем указывается вид выполняемой работы, срок найма, количество часов работы в сутки, размер задатка и размер оплаты, срок расплаты с рабочими, условия быта и пищевое довольствие, прочие условия.

Хозяин или управляющий обязаны оказывать рабочим врачебную помощь, снабжать их жильем.

Рабочему выдается расчетная книжка. Расплата с рабочими, вместо денег, купонами, условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами воспрещена.

В правилах внутреннего распорядка записано, что в течение месяца выходных должно быть не менее четырех дней. Малолетние рабочие, не достигшие пятнадцати лет и женщины, не допускаются к ночным работам внутри рудников.

Товары в лавках должны быть доброкачественными. Оплата труда не реже одного раза в месяц. Лечение рабочих за счет промышленника.

В случае досрочного прекращения работы на прииске, при расчете, выдается дополнительно двухнедельный заработок. В случае расторжения договора, по причине не зависящей от рабочего, он может потребовать 2-х месячной заработной платы.

Заведующий промыслом подвергается штрафу до 300 рублей за незаконное наказание и неправильное обращение с рабочим и прочие нарушения правил трудового распорядка. Заведующий промыслом может налагать на рабочих взыскание за:

- неисправную работу;
- прогул;
- нарушение порядка (появление на работе в нетрезвом виде, нарушение чистоты, шум, скандал, игра в карты на деньги и прочее).

Прогулом считается неявка на работу в течение не менее половины рабочего дня. Взыскание за прогул взимается не более шестидневного заработка. Взыскание за нарушение порядка не более 5 руб. за одно нарушение. Общее взыскание не выше 1/3 месячного заработка. Взыскание обжалованию не подлежит.

Как видим, требования, как к администрации, так и к рабочим, предъявлялись довольно серьезные.

Далеко не везде выполнялся этот закон, особенно со стороны хозяев, а рабочие, не зная его, не использовали свои права.

— Следует вспомнить решение специальной продовольственной комиссии, принятое еще в 1893 году, где было записано о том, что нет никаких оснований лишать рабочих на приисках тех минимальных количеств алкоголя, которые им отпускается в виде водки по положению от одной сотой до одной пятидесятой доли ведра, то есть один-два шкалика в неделю и считалось бы крайне необходимым обязательное включение в их довольственный паек кирпичного чаю около одного фунта в месяц на человека, без особой на то платы, хотя и без сахара.

Комиссия считает также во время поста религиозным рабочим вместо скотского мяса отпускать соответствующее количество рыбы. Сало и коровье масло заменять постным маслом и в этот период выдавать больше такие продукты как каша, кисель, лапша и так далее. Число трапез комиссия считает оставить практикуемую доселе норму — пять раз в день. При этом утром, перед работой, обязательно поесть, хотя бы попить чаю. Обращалось внимание и на помещение, на чистоту посуды, чистоту пола, состояние здоровья, на качество воды и так далее.

Рекомендуется потреблять рабочему в сутки: 120—130 грамм белков; 100 грамм жиров; 500 грамм углеводов. Причем забойщикам рекомендовалось за обеды плату не брать.

Комиссией было предложено примерное меню для приисковых рабочих. Но, к сожалению, это решение осталось только на бумаге. Управляющие приисков его просто не довели до сведения рабочих.

— Закон о свободном обращении золота. Он вышел в первые годы XX столетия. До этого было очень строго, золото и платину просто так любой человек не мог сдать. По новому закону появились «вольноприносительские» металлы, то есть не записанные в книгах промышленника.

Раньше рабочий или вся артель бывало утаивали от управления металл или даже богатый забой, платину сдавали скупщику или в соседний прииск, так как бывало старателей снимали с богатых участков и переводили на более бедные. Рабочие выиграли от этого закона тем, что стали иметь право на получение вознаграждения за случайно найденный во время работы самородок, но им запрещалось рыться непосредственно в забое.

Сейчас люди могли свободно пойти в тайгу на поиски золота и платины, селиться там и свободно сдавать намытый металл. Государству это было выгодно, так как увеличивался золотой фонд.

В эти же годы выходит еще целый ряд законов и постановлений. В том числе:

— О государственном и промышленном налоге

— О свободном обращении шлихового золота и платины

— О порядке расходования капитала для вспомоществования больным и увечным прииска.

Особо важное значение имел закон «О правилах пользования лесом из Казенных лесных дач».

В правилах пользования лесом на приисках говорилось:

— В пределах отвода разрешается вырубка леса на расстоянии не более 15 сажень от бортов разреза. При подземной разработке не более 3 сажень.

— Все данные о срубленном лесу подробно записываются в лесорубочной тетради по месту работ.

Вырубленный лес не может быть вывезен за пределы разведочных или отводных площадей.

Лесные материалы могут быть использованы только для нужд золотопромышленного дела.

Выжиг угля, смолокурение и сидка дегтя могут быть дозволены исключительно для потребления на прииске.

При прекращении работ поверхность должна быть приведена в должный порядок (засыпать шурфы, огородить шахты, исправить испорченные дороги, расчистить просеки).

За нарушение правил виновные несут материальную ответственность.

Оставшуюся от заготовки леса хвою, сучья и щепу собрать и сжечь.

Положение старателей на приисках

Конец 19 века был отмечен бурным развитием добычи платины на Урале, особенно в Исовском месторождении.

В Нижнетагильских приисках с 1825 по 1900 годы добыто 5876 пудов (96247 килограммов). В том числе в системе реки Мартьян свыше 3 тысяч пудов (49140 килограммов).

В Исовском месторождении добыча платины резко поднялась с восьмидесятых годов. С 1824 года по 1900 здесь добыто 61939 килограммов.

В Николае-Павдинской даче с 1885 по 1897 годы добыто 42 пуда 30 фунтов (700 килограммов).

В Росстеской даче княгини Абамалек-Лазаревой (Кытлымское месторождение) с 1892 по 1897 год добыто 4 пуда 16 фунтов (72 килограмма).

Всего с 1824 по 1900 годы платины на Урале добыто 9717 пудов 37 фунтов (159166 килограммов).

В Крестовоздвиженских приисках развитие платинового промысла, до 40 пудов (655 кг), началось с восьмидесятых годов.

Старатели сюда прибывали из Невьянского, Гороблагодатского, Нижнетагильского округов. В 90-х годах на хозяйственных работах появляются пришлые рабочие из Вятской и Казанской губернии, из последней исключительно татары.

Точно также и в Гороблагодатском округе. Сперва же здесь работали жители Нижнетурина завода.

В неурожайные, начало 90-х в Южных уездах Пермской губернии, преимущественно

в Шадринском, в течение нескольких лет, по причине засух и кобылки, хлеб не родился и довел жителей до нищеты. Особенно башкиры Шадринского уезда, казахи башкирского войска двинулись на приисковые работы. Примерно тоже произошло в Вятской губернии, а затем и в Казанской.

Татары и вятские рабочие в основном прибывали пешие. Конные рабочие были в основном невьянцы.

Вся долина Иса в Гороблагодатском округе и в Бисерской даче разрабатывалась этими пришлыми людьми. В последние годы прилив их превышал спрос.

В начале 90-х годов средняя зарплата рабочего составляла 60 копеек в день с содержанием (питанием) от прииска, а работа давалась определенным уроком (нормой) в течение десяти часов. Лучшие рабочие зарабатывали до 80 копеек, а хороший шурфовщик (забойщик) до одного рубля, впрочем это на своем содержании.

Вскрыша торфов и добыча песков давалась артели с кубической сажени. Торфа от 2-х рублей до 2 р. 75 копеек, пески до 3 р. 25 копеек. Отвозка торфов и песков оплачивалась отдельно.

При такой зарплате жители Уральских приисков те голодные годы пережили без особой нужды, хотя цена за хлеб и поднималась до двух рублей за пуд.

Пришлых рабочих в 1882 году было зарегистрировано в Гороблагодатском округе 3800 человек, летом достигало до 5000 человек.

На Крестовоздвиженских приисках 910 человек. Подсобные рабочие в это число не входили.

Параллельно с повышением зарплаты улучшались материальные условия, в частности питание. Пища вполне удовлетворяла потребности организма. Хлеба и соли давали неограниченно, мяса один фунт на человека, затем следует каша и масло. Но не хватало растительной пищи и приправ. Вдоволь было только капусты. Картофеля, лука и других овощей не было, так как считалось, что они не успевают вызревать. Позднее было доказано, что это было ошибочное мнение. Все это отлично растет в этих краях. Тогда не хватало также хрену, перцу, уксусу, как средств противочинговых.

Многим рабочим денег хватало на пищу и на одежду, но многие предавались пьянству. Даже между татар и башкир распространялось употребление водки.

О размерах пьянства можно судить по такому примеру. В деревне Елкино, в восьми верстах от приисков, был общественный кабак, который продавал водки на двадцать тысяч рублей в год и почти исключительно на приисках. А так как она шла через корчемников, которые брали на 50 процентов выше, то оказывается, что в жертву Бахусу рабочие приносили не менее двадцати пяти тысяч рублей.

На Шуваловских приисках рабочие продовольствовались сами, приобретая продукты питания из приисковых магазинов.

На Нижнетагильских приисках старатели и рабочие еженедельно запасались хлебом и другими продуктами дома, получая зарплату каждую неделю по субботам. Но для пришлых здесь были магазины.¹

¹ Вестник золотопромышленности и горного дела за 1900 г. Стр. 110-111

Говоря об условиях жизни рабочих на приисках в конце 19 века следует отметить, что большинство из них приходят сюда не от сытости и довольства, а чаще истощенными от недоедания, о чем свидетельствует их одежда и обувь. Рвань и лапти, не способные предохранить от простуды на работе с мокрой почвой, ни от атмосферных влияний: сырости, слякоти, ветров и низкой температуры, то есть таких явлений, которые на их родине выражаются не так резко.

Кроме того, многие являются на работу в первый раз и поэтому не обладают способностью приспособления, например, неупотребления холодной воды в разгоряченном от работы состоянии, не понимают: почувствовал жажду и пьет, но позволяя это себе, он ни в коем случае не напоит разгоряченную лошадь, а дает ей время выстояться и охладиться.

Условия и свойства работ, обстановка на рабочих местах, продовольствие на всей долине Иса, включая сюда и прииски графа Шувалова, примерно одинаковы.

Но этого нельзя сказать относительно Нижнетагильских приисков, на которых как старатели, так и рабочие - местные жители, выезжающие еженедельно и к особо чтимым праздникам, домой, где они имеют возможность и в баню сходить и белье переменить.

Старатели там относительно устройства жилых помещений представлены самими себе. Да и рабочие не все пользуются приисковыми помещениями, а устраиваются кто как может. Несмотря на это, здоровье здесь рабочих удовлетворительное. Заболевающие получают медицинскую помощь от заводских и земских фельдшеров Висимо-Шайтанского и Черноисточинского заводов, ближайшие расстояния которых от приисков до десяти верст. Народ здесь сытый, обладает необходимой для работы одеждой и обувью. Также и травматические повреждения случаются здесь реже, так как их мастерство значительно выше.

В долине Иса, в пределах Гороблагодатского округа, медицинская помощь организована следующим образом: врачей здесь два, один на приисках К°Колли, другой на бывших приисках товарищества Бурдакова и прочих, перешедших во владение французского анонимного общества.

Фельдшерских пунктов четыре, на каждом из них больничка и аптека. Для заразных больных особое здание на Николае-Святительском прииске (ныне поселок Журавлик).

В Бисерской даче, на Косьинском прииске, фельдшерский пункт с больничкою на пять кроватей, а в селе Крестовоздвиженское (ныне Промысла) центральная больница на двадцать кроватей с врачом и фельдшером.

У мелких платинопромышленников, на приисках которых незначительное число рабочих, ни фельдшеров, ни приемных покоев нет.

В Нижнетурином заводе товариществом Бурдакова устроена богодельня для приисковых рабочих, утративших способность к работе. На ее содержание, в количестве восьми кроватей, пожертвован капитал -пятнадцать тысяч рублей: но помещение может вместить двойное количество инвалидов.

На Шуваловских приисках под земскую школу предоставлено помещение с отоплением, кроме того есть часовня. А в Крестовоздвиженских промыслах устроена для проходящих со стороны и уходящих домой рабочих ночлежный дом на 25 человек.

Для некоторых владельцев приисков рабочий и старатель служил объектом эксплуатации во всех возможных видах и всеми возможными способами. Один из таких владельцев продавал старателям ржаной хлеб по пять копеек за фунт при нормальной цене две копейки, и старатели не осмеливались не только роптать, но и просить о назначении более умеренной цены, из боязни увольнения с работы.

Один из золотопромышленников от торговли водкой наживался более, чем от золота; водку он покупал по четыре рубля за ведро, а продавал по семь рублей, такой же процент он накладывал и на товар и обязывал каждого старателя покупать только из его магазина, а не привозить из дома. Золото шло хорошо и пьянство развернулось так, что не успевают начать одну бочку, как посылали за другой. И все это проделывалось у человека с высшим образованием.

Чтобы оградить рабочих от произвола и недобросовестной эксплуатации владельцами приисков, правительством были установлены таксы на товары и припасы, которые рабочие берут из приисковых магазинов под заработку или за наличные деньги. Таксы составлялись и утверждались окружными инженерами.¹

В конце 19-начале 20 века проводились ежегодные съезды золото-и платинопромышленников. На этих съездах главным образом обсуждались вопросы о нуждах этой отрасли промышленности, как общих, так и местных, относящихся к тому или другому району.

На съезде принимали участие промышленники или их представители. Решающий голос принадлежал крупным промышленникам. Старатели допускались лишь в качестве сведущих людей, представителей со стороны рабочих не было. При таком составе вопросы решались обычно в пользу крупных промышленников.

В конце XIX — начале XX века на многих приисках рабочие брали продовольствие в приисковых лавках в счет зарплаты. Цены не были утверждены окружным инженером или горным исправником, как это делалось в Сибири, и продукты продавались по произвольным ценам (как сейчас говорят, по договорным). В большинстве приисков продажа в лавках велась за наличный расчет.

На приисках в зимний период много людей работало на лесозаготовках. Зарплата у этой категории рабочих составляла: у лесоруба 40 коп. за поденщину; у пильщика 35 коп.; женщины получали 30 коп., а возчик с лошадей 60 коп. и на своих харчах. Зарплата была, конечно, низкая, но зимой людям некуда было податься, и они мирились с этим.

Между тем на отдельных хозяйских и государственных приисках хлеба рабочий получал вдоволь, в среднем четыре фунта в день, мяса 500—600 г, кроме того, получали крупу, соль и другие продукты. Если рабочий желал, то в счет зарплаты ему выдавались кирпичный чай, сахар, масло, пшеничная и крупчатая мука, соленая рыба и прочие продукты. Следует отметить, что в тайге рабочий питался лучше, чем дома. Продукты

---

¹ Вестник золотопромышленности и горного дела за 1900 г. Стр.150

на эти прииски привозились доброкачественные. Два-три раза в неделю рабочий получал винную порцию в размере одной сотой доли ведра, т. е. 120 г. Имеется много фактов, когда рабочий, приходя на прииск изнуренный, поправлялся там. Труд в этом случае не влиял отрицательно на здоровье рабочего, так как работа на приисках велась на свежем воздухе, при нормальном питании и физической нагрузке. На прииски привозили картошку, капусту и другие овощи. Опыт перевода рабочих на самостоятельную покупку продуктов и питание рабочих за счет зарплаты давал отрицательные результаты, так как питаться начинали чем попало и нерегулярно, много денег шло на спиртное.

Уже в конце XIX века положение рабочих в санитарном отношении стало улучшаться. В 1887 году на Косье открылась больница с одним врачом и фельдшером. В 1900 году открыта первая лечебница в пос. Журавлик. В 1905—1910 годах открыты приемные покои на Глубокой, Артельном, Валерьяновском и Екатеринбургском, обслуживаемые фельдшерами. На рубеже XX века, особенно после 1905 года, хозяева приисков были вынуждены пойти на улучшение быта трудящихся. На всех наиболее крупных приисках начали строиться больнички, появились аптечки и фельдшеры, и все прииски стали находиться под наблюдением врача. Больные стали препровождаться в госпитали. На крупных новых приисках начали строиться новые, улучшенного типа, казармы, для семейных рабочих как временное жилье землянки. Но полгода, проведенные рабочим в казарме, постепенно приучают его к неудобствам и грязи, убивают всяческие зачатки эстетики. После 1905 года рабочим стали разрешать рубить лес и строить собственные дома.

В 1902 году Верхотурским земством были открыты две школы с трехгодичным обучением: одна в пос. Артельный, вторая в Троицком. В 1903 году такая же школа открыта в пос. Николае-Святительском (ныне пос. Журавлик), позднее на Косье и Глубокой. Церкви и мечети строились в большем количестве, чем школы.

На Косье, Екатеринбургском и Глубокой были клубы, но предназначались они исключительно для узкого круга людей управленческого аппарата. Рядовые рабочие в них не допускались.

Случаи увечья рабочих по вине золотопромышленников были очень редки. Причинами могли быть плохие ограждения шахты или шурфа, повышенная высота уступа забоя, плохой инструмент и т. д. При ручной работе несчастные случаи происходили в основном по неопытности или небрежности рабочих. При разборе случая симпатии обычно были на стороне пострадавшего, но при этом определялась степень его вины, так как за ущерб при несчастном случае пострадавший получал материальную помощь. В целях вознаграждения пострадавших, престарелых и благоустройства переселенцев хозяева приисков платили в поселенческий капитал по два рубля с полтиной за каждого поселенца. Суммы набирались достаточно большие, но куда уходили — неизвестно.

2 июня 1903 года вышел закон об учреждении взаимного страхования рабочих и служащих и о выдаче пособий пострадавшим. На один пуд драгоценных металлов расходы по выдаче пособий и пенсий составили в этот период 137 руб. при стоимости платины 15 тыс. руб., т. е. менее 1 %.

В 1903 году на приисках Северо-Верхотурского горного округа было занято 2596 рабочих, а несчастных случаев произошло десять, смертельных не было. А вот в Южно-Верхотурском округе на 11 193 человека произошло 154 случая, из них три смертельных. Во всем округе существовало две приисковые больницы — в Южно-Заозерской и Северо-Заозерской дачах, а на остальных приисках было шесть приемных покоев с числом кроватей в больницах и покоех 21, врачей два, фельдшеров семь, акушерок одна.

Все работы по добыче золота и платины на Урале в начале XX века обсуждались и регулировались съездами золотопромышленников Урала, которые проходили ежегодно.

Исовские старатели

С годами труд и быт старателей менялись. Они начинали обживать семьи на одном месте, строили рубленые дома, в результате возникали старательские поселки. К концу 19 - началу 20 века старатель становился коренным жителем какого-либо населенного пункта, обзаводился хозяйством, заводил лошадей, коров, огороды, а то и пашню для посева ржи и овса. Некоторые из них богатели, пользовались дешевой наемной рабочей силой. Опыт работы, навыки, знания из поколения в поколение передавались по наследству.

Об одной такой старательской династии первой половины 20 века пойдет речь ниже.

Василий Сергеевич Бородин — потомственный старатель. Дед был старателем, отец старателем, и он до 1950 года, пока не запретили частное старание, занимался этим единолично.

Дед, Иван Петрович Бородин, в начале двадцатого века с семьей приехал на Исовские прииски из Невьянска, где золотые запасы к тому времени оскудели, а слава о богатых Исовских месторождениях платины широко разлилась не только по Уралу, но и за рубежом. Не бедно жил и в Невьянске, но вечное стремление человека - иметь больше, а об Исовской платине рассказывали чудеса, погнали старателя в чужие края, на север. Обосновался в посёлке Благонадёжном, в трех верстах от небольшого ещё в то время посёлка Ис, купил дом, обновил его, во дворе построил конюшню на четыре лошади, хлев на пару коров, стайку для овец, свиней, кур и, не теряя времени, пошел добывать металл. Семья большая, сильная, пять сыновей, три дочери - целая старательская артель.

Места вокруг Благонадёжного богатые, для опытного специалиста найти хороший участок не составляло большого труда. Рабочей силы, транспорта и инвентаря достаточно, но все месторождения в округе принадлежат Французско-Бельгийской анонимной компании, скупившей их ранее у известного на Урале русского золотопромышленника В.Я. Бурдакова. Журавлинский лог так и назывался Бурдаковским логом. Добыча платины анонимной компанией велась на высоком техническом уровне, в русле реки

Ис работали паровые драги, на увале день и ночь гремело промывальное устройство - Американка.

Большие и малые старательские артели платину мыли под контролем штейгера или смотрителя. Вашгерды с утра опечатывались, а вечером при доводке металла присутствовал и принимал металл баночник или сам штейгер. Это делалось для того, чтобы весь намытый металл поступал в кассу анонимной компании, а не тайным скупщикам, которые старателям за золотник платили на двадцать - тридцать процентов больше и сразу.

Дед своей семьёй работал самостоятельно, но металл должен был сдавать в кассу конторы. Порядок в семье строгий, сыновья и дочери не перечили отцу, а он с ними особенно и не считался. Вставали чуть свет, хороший сытый завтрак, без мяса за стол не садились, и шли или ехали на работу. Одна лошадь запряжена в телегу, две в таратайки для перевозки породы. Четвертая лошадь - выездная, её хозяин холил и баловал, кормил отборным зерном. Бывало, скажет жене или дочери «Ну-ка, просейте хорошенько овса, что - то Буланый плохо ест».

Василий Сергеевич вспоминает: «Запряжет Буланого в кошевку, а тот с ноги на ногу переступает, хрипит, рвется вперед».

Дед кричит: «Открывайте ворота!» - Только откроют их, а конь как рванет, только его и видели. Дед за тридцать - сорок минут до Нижней Туры доезжал.

Работали зимой шахтами. В забое два сына, третий на воротке бадьи с породой вручную наверх поднимает, двое на таратайках к реке пески возят, там три женщины работают, одна насосом вручную воду качает, а двое скребками на машерте (вашгерде) песок перемывают. Если людей не хватает, то дополнительно нанимают работников, особенно женщин, им платят пятьдесят копеек золотыми в день. Ствол шахты (дудку) зимой не крепили, а выработки внутри - штрек и отводы к забоям - крепили подхватами, затем ставили стойки и огниво. Иногда попадали на старые Бурдаковские выработки, удивлялись, там стойки диаметром тридцать - сорок сантиметров, а плахи для огнива ещё больше и всё рублено только топором, следа пилы не видно.

Работали Бородины в одном - двух километрах от Благонадежного в сторону нынешнего поселка Сигнальный. Шахты били глубиной шесть - десять, а иногда и до двенадцати - двадцати метров, в зависимости от глубины залегания металлосодержащих песков. Работали сыновья и дочери, бабушка по хозяйству, дед руководил всеми, ездил в контору по делам, за продуктами, сдавал металл. Намывали хорошо, жили богато.

Летом работали в логах и на увалах разрезами, сверху убирали глину и торфа, вскрытые пески везли таратайками на промывку к реке. Работали и пахарем с плота прямо в русле реки Ис. Дед знал все тонкости ведения горных работ по добыче драгоценных металлов и передавал свой опыт сыновьям. Сам установил норму выработки на день. Летом на человека требовал вывезти не менее десяти таратаек лошадью, зимой пять палубков на санях. Один палубок двадцать пять бадей, бадьи самодельные из железа с обручем, каждая на три больших ведра. Если в шахте скапливалась вода, её

утром специальными ушатами вывозили кверху. Забойщик в шахте работал каёлкой, лопатой и ломиком, породу вывозил к устью шахты в бадье на специальной тачке, называемой «одеркой».

Место для работы находили сами, бывало несколько шахт проходили в холостую, а когда попадут на металл и сделают заявку на отвод, вокруг их сразу появляется масса других старателей, слетаются как мухи на мед. Первому, кто заявит, в указанное место вбивают кол и от него радиусом 10 метров отмеряют ему, остальным рядом такие же участки. Больше повезет тому, кто попал на струю металла, бывает один моет, а у соседа пусто.

Домашним хозяйством дед не любил заниматься, лошадей держал для работы, а прочего скота имели ровно столько, чтобы было вдоволь мяса и молока, огород небольшой, пашню не имели, никакой торговлей не занимались, было не выгодно. Мыли хорошо, овес, хлеб, сахар и другие продукты покупали. У деда бывали и наёмные работники, кормил, их как своих, и зарплатой не обижал, ну и они работали на совесть.

Отец Василия, Сергей Иванович Бородин из пяти братьев рос вторым после Александра, поэтому, считался одним из старших. На Благонадежный с отцом приехал подростком, к работе отец стал приучать его с десяти - двенадцати лет, так как нужны были помощники.

Подросток женился там же на поселке. Отец помог рядом построить дом, завести пару лошадей, корову. Работать продолжал на старании вместе с братьями. После того как старший брат ушел на войну, второй погиб трагически, а отец умер, стал работать самостоятельно, по-прежнему на мелком старании, там же на Журавлинском логу и на месторождении «Удалой». У Сергея Ивановича подрастало два сына и три дочери. Тоже семья не маленькая, работали дружно. Били шахты, удача выпадала не всегда, бывало по три - четыре недели работали почти в холостую, намывая по четыре - пять граммов в день, на хлеб, конечно, хватало, но хороший старатель этим довольствоваться не станет. Искали новое место. Если попадали металлосодержащие пески толщиной до четырёх - пяти метров, то работа шла споро и на этом месте останавливались на долго. Особенно удачно получилось на площади Удалой, содержание хорошее, но порода оказалась крепкой, до обеда с трудом набирали только один палуб. После обеда везли на промывку и получали до 10 золотников. В заброшенной кем-то ранее шахте Малютка с одной тачки намывали по 3 грамма. Сергей Иванович работал тогда с соседом, а их жены на промывке.

Утром штейгер как обычно приходил и опечатывал вашгерд. Не хотелось весь металл по дешевке сдавать в казну, в Туре был знакомый скупщик, он платил дороже и деньги отдавал сразу, а в казне приходилось ждать расчет две - три недели. Решили часть металла прятать. Тут же около костра заранее выкапывали ямку в земле, прикрывали её веткой сосны, а в доньшке снималки (металлический совок для съёма платины при сушке её на сковороде) сделали маленькую дырочку. Придет баночник, сядет на чурбан с другой стороны костра, а мужики в снималке помешивают металл палочкой над самой землей и байки травят. Часть шлихов и мелкого металла просыплется через

дырочку в ямку. Баночник ссыплет основной металл в банку, опечатает тут же её и уйдет, а мужики соберут металл грамм 8-10, в выходной унесут в Н-Туру и получат живые деньги.

А Леонтьев Леонид и Аркашка Тюленев в днище шлюза американки просверлили небольшое отверстие, через него целый день шлихи капали на землю, вечером собирали их, сушили, отделяли металл и сдавали как свой. Деньги пропивали. Старатели во все времена пили много; не все конечно, но некоторые пропивались основательно. Когда не только пить, но есть становится нечего, идут работать. Так у многих жизнь и проходила в пьянке и работе. У таких в доме пусто и семья живет впроголодь.

В тридцатые годы, при Советской власти, стало строже и пить стали меньше, хотя в старательских артелях ещё после войны была привычка выполнение какой-либо трудной и срочной работы отмечать коллективной пьянкой. Перенесут трубы или землесос перетащат на другое место, председатель посылает коновозчика в продснаб за брагой. Тот везет пару двадцатилитровых бочонков прямо на борт забоя, принесут закуски, ну и отметят это событие. Особенно в этом деле на Глубокой отличалась артель Мельцова. Он сам бывало, пировал по неделе и других поил. Но были и такие председатели, что сами не пили и рабочим не давали.

Сергей Иванович в этом деле был строг, в будни в семье о выпивке даже не заикались, но праздники, как советские, так и религиозные, отмечали хорошо, была выпивка, и закуска, и песни. Василий Сергеевич принадлежит к третьему поколению старательского рода Бородининых. С потом впитал он в себя эту профессию. На старание с отцом пошел с четырнадцати лет. Отец в забое шахты, а он наверху у воротка, поднимает груженные бады вручную, а это семьдесят - восемьдесят килограммов. Из бады породу вываливают в конную таратайку, двенадцать - тринадцать бадей - и таратайка полная, быстро везут на речку, где мать и сестра или соседка породу промывают на машерте. Вода на него подаётся машинкой - самодельный ручной поршневым насос. Зимой палуб (большой короб на санях) на двадцать пять бадей - и тоже к реке на промывку. И так каждый день с детства и до старости. В тридцатые и сороковые годы скупщиков уже не было, платину мыли на старых, отработанных ранее площадях, поэтому промывальные устройства никто не опечатывал и не учитывал - сколько намоешь - все твоё, хочешь сдавай, не хочешь - храни дома, но с продуктами и товарами в стране туго, а в торгсинах, куда принимали намытый металл, всегда много и не дорого. Вот и несли люди каждый грамм, получая за него самое необходимое для жизни. Тут уже не до утайки, как бы день прожить и семью накормить. Торгсин тут же на Журавлике, со сдачей металла никаких проблем, никто не спросит, где намыл или даже украл. На сданный металл давали боны, их называли золотыми рублями. На государственные деньги боны продавали по двадцать - двадцать пять рублей за один. Каждый бон разделен на десять клеточек - золотых копеек. В военные годы вместе с бонами давали талоны, в которых указывалось, каких и сколько продуктов мог купить на эти боны старатель. Он не мог, например, все боны отоварить одним хлебом.

В годы войны 1941-45 г.г. здесь было три горностарательских участка: Журавлин-

ский, Георгиевский и Глубокинский. В каждом из них по две - три старательских артели. Отец Василия работал в женской старательской артели Надежды Петровны Жуковой. Он как высококвалифицированный специалист был оставлен на брони и являлся по существу техническим руководителем артели. Вечером, после работы, приходил к жене и сыну, производил доводку металла, подсказывал, как лучше выполнить ту или иную работу. Однажды обратил внимание на место, где когда-то был конный двор и на ночь ставили таратайки. С годами между камней скопилось большое количество осыпавшегося песка. Сергей Иванович показал это место сыну и посоветовал увезти одну таратайку на промывку, посмотреть, нет ли там металла. На второй день, уже в начале сполоска, на шлюзах ясно видны стали крупинки платины. С десяти таратаек за день стали намывать до 5 золотников (двадцать граммов). При углублении между камнями образовалась ровная квадратная яма. Из нее в течение нескольких дней намывали пятьдесят - шестьдесят золотников. Такой удачи у Бородиных еще не было. Меньше чем за месяц семья обогатилась. В доме стояли мешки с мукой - крупчаткой, сахаром, крупой, солью, постного масла стояло три ведерных глиняных корчаги, накупили всякой одежды и материала. Как будто кто специально положил в эту яму платину. Закончилась платина, как и началась, сразу.

Однажды решили с отцом бить шахту рядом с шахтой Семена Коротких, который за день в месте с напарником и их женами намывали по десять - пятнадцать граммов. Здесь же пристроились и Паршаковы. У старателей, как у рыбаков, если клюет у одного, то кто-нибудь обязательно пристроится рядом, также получилось и здесь. Но у Бородиных и Паршаковых намывка была хуже, чем у соседа, и Паршаковы, бросив шахту, ушли. Отец говорит Василию: «Давай поставим шлюз около Паршаковой шахты, там вроде песок не плохой, металл должен быть». Отец накопал сбоку бадью песка, крикнул: «Поднимай!» - и велел сполоснуть. Василий при сполоске насчитал десятка три мелких крупинок в ковше. Стали рыть дальше, пошел песок с платиной. Чуть не год работали с отцом, десять - пятнадцать граммов намывали в день и были довольны, даже при 5 граммах на их семью прожить можно было неплохо. Федор Паршаков узнал об этом, пришел и стал требовать шахту обратно. Шел 1948 год. Пошли к начальнику участка, чтобы тот рассудил, кто прав, а кто виноват. Тот выслушал и сказал Федору: «Место не куплено, ты бросил его, они почти год уже работают и пусть продолжают работать».

Шахты часто били в старых Бурдаковских работах. Однажды наткнулись на такую подземную выработку. Штольня оказалась длинная, широкая с прочным, сохранившимся креплением. По ней когда-то тачками возили породу, под ногами скопился слой песка толщиной на штык лопаты. Этот слой решили зачистить и проверить на содержание. Воротком поднимали наверх и возили на промывку. На другой день сделали сполоск и намыли сорок граммов. Работали, пока весь штрек не очистили. Здесь же находили столбики целичков между стойками крепления, в них тоже содержание оказалось хорошим.

С отцом приходилось работать и на пронос. При этом осенью в старых выработках рыли две канавы с уклоном к логу. Длина их метров по тридцать, глубина около метра. Весной, когда почва оттаяла, из канавы выбросили крупные камни, корни и вся-

кий мусор. С бортов набросали песку. По канаве пустили воду, все это перелопачивали в воде. Через несколько дней воду отвели в другую канаву, а в этой, оставшиеся шлихи и песок тщательно зачистили лопатами, скребками и щетками и промыли. Со ста тачек намывали по тридцать - сорок граммов в день, а иногда меж камней попадали ручейки, из них песок и шлихи выковыривали крючками, в них всегда богато попадалась платина.

Отец не верил во всякие приметы и наговоры, а сын тем более. Однажды недели две ходили с ним впустую. На одной полянке в борту пологого лога отец говорит шутя: «Ну-ко, бросай вачегу кверху!» Я бросил, рукавица упала большим напалком книзу. Пошли дальше. Остановились, отец снова говорит: «бросай вачегу» Василий бросил, напалок у рукавицы торчал кверху.

« Копаем здесь» - говорит отец. Пробили шахту до песка, взяли пробу, показало на наличие платины. Шахта не была богатой, но некоторое время кормились от неё. Иногда ходили с длинным щупом - металлический штырь из тонкого стального прутка. Конец приплюснут в виде колбочки, а самый кончик остро заточен, на верху приварено кольцо, чтобы рычажком можно было вращать. Штырь втыкают, сверху лунку поливают водой, а пруток вращают, ввинчивая в породу. Если упрется, значит, попал на камень, вбуриваются в другом месте, услышали легкий скрип, значит, прошел через глину и попал в песчаную породу, тут и копают.

В войну около поселков, в Андреевском, Журавлинском логах и других отработанных участках жителей много ходило с ковшами, тазиками, щетками и разного рода крючками, мыли платину. Кому-то, бывало, и повезет, намоют 2-3 грамма и несут в торгсин, купят хлеба и других продуктов, хоть немного, но сегодня сыт, и то хорошо. Бородины тоже иногда на старых отвалах работали. Наберут в двух - трех местах таратайку, промуют, если есть металл тут и работают. Никто не запрещал заниматься мелким старанием, и в торгсине никто не спрашивал, где намыл, наоборот это поощрялось, так как шло в выполнение плана прииском, а металла государству много надо было.

Воровства платины с тридцатых годов на государственных предприятиях почти не было. Иногда, правда, мужики или парни засучат на гидравлике рукава, а в складки шлихов при доводке насыпают, дома доводку сделают, два - три грамма получают, на папиросы и на водку хватит.

После войны уже судили за воровство драгера Слюсаря и рабочего Бабкина. Они с драги уносили платину, отдавали металл одному старику, а тот сдавал.

Отец в годы войны некоторое время работал в шахте «Смычка», начальником шахты была Нина Матвеевна Соловьева, строгая, но внимательная была женщина. Шахта план всегда выполняла, и зарабатывали неплохо, но и трудились на совесть.

В годы войны частники - старатели не были в стороне от интересов государства. По доброй воле, без принуждения вносили деньги в фонд обороны, на строительство танков и самолетов, на большие суммы подписывались на государственный заем; много теплых вещей было отправлено ими на фронт.

На Журавлике и Благонадежном много было опытных старателей - одиночек: Се-

мен Коротких, Андрей Белов, Виталий Слепухин и другие. Сейчас на Ису и в окрестностях настоящих старателей, таких как В.С.Бородин, не осталось.

Василий Сергеевич частным образом работал на добыче драгоценных металлов до 1950 года, пока этот промысел не запретили. После перешел работать на гидравлику. Сейчас часто вспоминает те годы. Говорит, что внук, студент техникума, собирается продолжить его дело. Что же, в добрый путь, молодой человек, дед многому еще может научить его.

Семен Костицин. С матерью и младшим братом в 1941 году в возрасте тринадцати лет приехал на посёлок Глубокая. Шла война, отца с первых дней взяли на фронт. Их поселили в маленькую комнату старого барака. Кроме койки и стола места для прочей мебели не оставалось, да и мебели у них не было. Хлеба на троих по карточкам получали один килограмм двести граммов в день. С трудом впроголодь пережили зиму, а весной, чуть стаял снег и отошла земля, вдвоём с матерью, совершенно не имея опыта, пошли в старый гидравлический разрез Большой Ивановской россыпи на старание. Соседи уступили старенькую «мутилку» - деревянный лоток шириной сорок сантиметров, длиной полтора метра, сколоченный из досок, лопату, каёлку и старательский ковш. На днище лотка положили рогожку из морской травы, сверху металлический трафарет. «Мутилку» установили на проточной воде небольшого ручья, в нее кидали песок Платина, имея большой удельный вес, оставалась на рогожке лотка, а всё остальное смывалось водой. Вечером к ним пришёл сосед - старый старатель, посмотрел, как они работают, научил делать доводку металла, кое - что подсказал. В этот день, намыли первые в своей жизни, полтора грамма платины. Сдали там же на Глубокой в торгсин, получили два рубля десять копеек бонами. Летом платина стоила один рубль сорок копеек за один грамм. За это им дали булку хлеба, немного постного масла и сахару. Так для Семёна закончился первый день мелкого старания. Для начала не так уж и плохо. На работу уходили рано, возвращались поздно. Постепенно набирались опыта.

Ближе к осени перебрались на другое место, перебивали старые гидравлические отвалы, оставшиеся небольшие участки нетронутой земли, так называемые целики, зачищали плотик около канав, где раньше работали старательские артели. Вдвоём намывали по два - три грамма, бывало и до пяти за день, но бывало и совсем пусто. Зимой за грамм платины платили рубль семьдесят и хлеба давали два килограмма, но и давалась она труднее. Мерзлый песок в чуманах на санках или на лыжах везли к костру, оттаивали и промывали.

Летом сорок четвертого года работали около посёлка Глубокая, мыли в ложке, где протекал ручей. В этот год с собой стали брать младшего брата, хотя ему и исполнилось только одиннадцать лет. Здесь наткнулись на очень маленький участок земли, не тронутый старательскими работами. Под слоем торфов обнаружили слой песка толщиной десять - пятнадцать сантиметров, площадью около одного квадратного метра. Намывка оказалась до полутора грамм в одном ковше, даже на каёлке видны были блестящие крупинки платины. Участок перебили ковшом. За день добыча составила свыше ста грамм. Такого не раньше, не в последующие годы уже не было. За один день семья Костициных разбогатела. Набрали муки, крупы, сахару, соли, американской тушенки в

квадратных банках. Купили необходимый товар и одежду. Зимой научились работать в шахтах, хотя и назвать - то их так трудно, так как были очень малы, глубиной не более четырёх метров. Более крупные шахты им были не под силу.

Металлическим щупом длиной четыре метра пробивали почву, по особому звуку (шороху) определяли слой песка и били шахту. Внутри по направлению слоя песка проходили выработку - рассечку в боку устья ствола шахты. Саму дудку (ствол шахты) и короткую выработку не крепили, так как делать это было долго и трудно, но риск был большой, порода могла обрушиться и завалить. С одним старателем такой случай был, сверху свалился большой камень, и мужика задавило. Сверху над стволом шахты ставили небольшой вороток и породу «выхаживали» кверху на промывку. Летом в шахтах работали редко, ходили по ложкам и по старательским работам. Иногда с ковша намывали по сто - двести миллиграммов - это очень хорошо, но иногда неделями было пусто или очень мало. Такова уж старательская доля. Металл иногда был хороший - крупный, но самородков не было.

Одиночки старатели, такие, как Костицины, хотя и работали самостоятельно, но над ними старшим был десятник. Он обычно отводил заявленное место, следил, чтобы не было скандалов между отдельными группами старателей, а это иногда случалось. Отведут место, поставят кол, вокруг него обозначат границу работы диаметром двадцать метров, то есть во все стороны от кола по десять метров. Старатель доходит до песков и начинает хорошо намывать, а сосед ночью залезет к нему в шахту, посмотрит направление струи металлосодержащего песка и на второй день точно в этом направлении ставит свой кол. У Семена было такое однажды, хотели сделать заявку на продление участка, пришли утром, а по соседству, за их границей, уже стоит кол и сосед делает закопушку. Поняли, что он ночью побывал в их шахте и определил направление струи песка. Делать нечего, пришлось промолчать.

После войны на паях с соседями работали втроём, то есть намывку делили на три части. У одного из соседей была лошадь. На таратайке возили песок на промывку к ручью. За лошадь хозяину из общей кассы платили два рубля бонами в день. Если нанимали женщин на сполоск, то им платили шестьдесят копеек золотых за смену. То и другое делалось независимо от намывки. Однажды зимой шахтой работали около совхозных полей. Место оказалось богатым, намывали от пятнадцати до двадцати семи граммов в день с четырёх палубков. Один палубок - двадцать пять бадей. Зарабатывали по тридцать пять - сорок рублей бонами за день. Один бон продавали за двадцать пять советских рублей. По тем временам это очень много. На Глубокой было немало настоящих, с большим опытом работы старателей. Например, широко известная семья Боголюбовых. Глава семьи и три взрослых сына, живших отдельно от отца своими семьями, имели лошадей. Они обычно набирали артель человек десять - пятнадцать и работали на паях. В Восьмом логу открыли хорошее содержание, но не было воды для сполоска. Вручную прокопали канаву от Сигнального до этого лога длиной четыре километра. Глубина в отдельных высоких местах достигала пяти метров. Канавы до сих пор сохранилась, хотя в отдельных местах обвалилась и заросла.

Времени и сил было затрачено много, но всё окупилось в первый же добычной сезон. Работали на «пронос». В логу выкопали две канавы. С наступлением тепла по первой пустили воду. С боков канавы и с поверхности бортов сбрасывали металлосо-держащие пески, земля и всё прочее уносилось водой в отработанный разрез, а тяжё-лые пески и шлихи с платиной лопатами грузили в тачки и везли за сто - сто пятьдесят метров для промывки на шлюзах. Намывали хорошо, блестящий металл был виден невооружённым глазом. Затем воду в эту канаву перекрыли и пустили в другую, проде-лав то же самое

Куда же шли заработанные старателями деньги? У отца был низенький домик на два окна почти у самой земли, у сыновей дома немногим больше - на три окна. У всех во дворе по одной лошади и корове. Но не построили они новых каменных домов, не завели рысаков во дворе и не купили ковров в дом. Деньги были пропиты. У старателей были в почёте те, «кто был сыт, пьян и нос в табаке». Если старателю выпал фарт, он пьёт и гуляет, значит, он человек богатый и уважаемый. В этом отношении значительно лучше обстояло дело в коллективах на драгах и позднее на гидравликах. Там сознательность и дисциплина значительно была выше. Не все, конечно, и старатели сильно пили, были мужики и серьёзные, и трезвые.

За рекой на посёлке Глубокая жили и работали тоже хорошо известные в округе старатели Садыковы. Семья большая, зимой работали в шахтах, летом разрезами, намывали хорошо, но по той же причине не разбогатели. Семена Тимофеевича Костици-на в 1949 году призвали в армию. После службы добросовестно трудился на разных работах, в основном электросварщиком в Исовском прииске. Был честный добросовест-ный труженик, пользовался заслуженным уважением у товарищей по работе. Сейчас живёт с супругой на Журавлике, здоровье подорвано, всё же далеко за семьдесят лет, но по мере своих сил помогает жене и занимается своим немудрёным хозяйством.

Рассказ георгиевского кавалера И.Г.Шубина

В возрасте пятнадцати лет с другом из Нижней Туры устроились на работу в посёлок Осокино. В этом месторождении и в ложке Трудный содержание платины было богатым. На отдельных станках за день намывали по фунту, а стоимость одного золот-ника (4,26 грамма) была от 1 руб. 50 копеек до 2 рублей, золото тогда стоило 4 рубля за золотник. В Нижней Туре и Елкино были тайные скупщики. Они платили в полтора раза дороже, поэтому старатели часто несли платину им, хотя это и запрещалось строго. Мелкие старатели платину мыли тайно где попало и как попало и таким образом превра-щались в хищников. Артель Артема Булыгина состояла из двадцати человек. Они за неделю иногда зарабатывали по триста рублей. Работали в шахте без крепления — дудками, в штольнях тоже без сплошного крепления, рисковали своей жизнью. Так и случилось, Василия Косарева при обвале завалило насмерть.

У крупных хозяев приисков работа велась более серьезно, они применяли различные приспособления — конные погоны, водяные подливные и поливные колеса, ставили паровые котлы, локомотивы. Крупные золотопромышленники строили механизированные приспособления типа бутар, чаш, боронок, для приведения их в действие ставились паровые котлы. Тяжелый старательский труд на приисках оплачивался дешево. Так на вскрыше месторождения работали так называемые «торфовозы». Им за кубическую сажень равную 9,71 м³ платили 2 рубля на бригаду, состоящую из забойщика, гонщика, лошади. Работали по 12 часов в день.

В 1905 году среди старателей на Ису вспыхнула забастовка. Рабочие выдвинули свои требования и им пообещали улучшение бытовых условий и повышение заработной платы. В первый период кое что было сделано, но вскоре все обернулось по-старому.

В основном люди на старании хлеб зарабатывали честным трудом, но были и такие, которые жили за счет обмана ближних им людей, воровством, а то и грабежом.

Так в 1909 году шайка местных бандитов во главе с неким Журавлевым организовала вооруженное нападение на кытлымскую контору прииска, принадлежащего анонимной компании.

В шайке, кроме предводителя Журавлева были С. Сапегин, В. Бурылов, Н. Бурылов и Ф. Михайлов. Контору охранял только ночной сторож. Ночью, как обычно, он уснул на лавке у печи, а грабители выставили раму и ворвались в проем.

Сторожа связали, на голову надели мешок и закрыли в отдельной комнате, пригрозив чтобы не сдумал кричать. Сами же вооружившись ломом и балодкой, сломали замок на ящике, забрали из него платину и деньги и спокойно ушли никем не замеченные. Сумма денег и количество металла были приличные, поэтому руководство компании объявило большую премию за обнаружение и поимку грабителей.

Через некоторое время люди в Нижней Туре и на Ису стали замечать разгульную жизнь отдельных членов шайки, те оделись шикарно, пировали, нигде не работали, а жили богато.

Кто-то донес и их задержали. Было произведено расследование, а затем суд. Бандиты, припертые к стенке, во всем сознались. Бурылову В., Сапегину С. и Михайлову Ф. дали по десять лет каторжных работ, а сам Журавлев скрылся и не был пойман.

Приговоренные освободились во время Октябрьской революции 1917 года.

Вскоре Журавлев снова тайно появился на Ису и возглавил вновь созданную шайку бандитов. Начались набеги и хищения металла на промывальных устройствах — бутарах, чашах, боронках.

Близ Троицкого произошел такой случай: ночная смена одной артели в обеденный перерыв сидела у костра и кушала.

Неожиданно из леса подошли трое с масками на лице, вежливо поздоровались, а один из них, по-видимому старший, сказал:

— Мужики, сидите тихо, мы вас не тронем, но если поднимите шум, пристрелим, — и он вынул из кармана наган.

Один из них с наганом остался охранять, а двое поднялись кверху на бутару. Сорвали пломбу на шлюзах, сняли верхние рогожки, где обычно скапливается больше всего металла, сложили их в мешки и ушли в сторону леса, а охранник сказал:

— Двадцать минут не шевелитесь. Я прослежу и если кто тронется с места, вернусь и пристрелю.

Мужики выполнили это указание. Кому же хочется рисковать жизнью за хозяйское добро? Затем прибежали в котельную и дали тревожные гудки, сбежался народ, прибыло начальство, но грабители были уже далеко и поймать их не удалось. По приметам и голосу определили, что один из них был Васька Журавлев. За его поимку было объявлено вознаграждение. Поймать долго не могли. Тогда пошли на хитрость. Один из бывших стражников по фамилии Токарев втерся в эту шайку и познакомился с Васькой. Стали вместе пировать, ходить на охоту за белками.

В один из подходящих моментов Токарев, по условленному сигналу, сообщил о сроке и месте охоты. Там была организована засада.

Когда Васька понял, что ему грозит опасность, кинулся в сторону поселка Зимовье. Навстречу выскочил один из стражников и открыл огонь по Ваське. Тот стал отстреливаться и стражника убил. Недалеко от него нашли тоже мертвого Ваську. Он был смертельно ранен и далеко уйти не мог. Они застрелили друг друга.

Стражника с почестями похоронили в Нижней Туре, а Ваську Журавлева, как собаку, зарыли в заброшенной шахте.

Васька Журавлев был старый зимогор, хищник. Первое время добросовестно трудился в старательских артелях, но позднее занялся грабежом богатых хозяев приисков. Одиночных старателей и мелкие артели не трогал. Старатели жили одним днем. Если есть намывка, то пьют и гуляют, а нет намывки то у торгашей продукты берут в долг. Были в Нижней Туре и такие, которых в народе называли шулерами. Физически не работали, а жили за счет простачков, не брезговали ничем, вплоть до чужого сундука. Это были такие жители как Яшка Карелин, Мишка Цыган, Федька Филистеев, Мишка по прозвищу Москва, из деревни Талица Нифонтов и другие.

Яшка Кареметских, постоянный посетитель пивных и постоялого двора на Обжорке, проверял, кто с кем приехал, что привез, затем сообщал тем шулерам и они обчищали возок, а затем продавали по дешевке и начинали играть в деньги на орла. Мишка Цыган большинство времени проводил в поездках на поездах, проверял чужие карманы и чемоданы. Филистеев специализировался на конокрадстве. Нифонтов был просто воришка, тащил все что плохо лежит. Его свои же деревенские подпоили в праздник, а бывший солдат Иван Нечаев стукнул ломиком по голове так, что та раскололась как арбуз. Нечаеву общественность за это объявила благодарность, а полиция и прокурор даже возбуждать дело не стали, так Нифонтов всем надоел.

А Филистеев с друзьями организовал нападение на Косьинского кассира. Залез на берегу Иса у Шуркинского моста под лодку и выстрелил в кассира из ружья, но не попал, а убежать не успел, тут его охранник и пристрелил. Мишка-Москва не работать, не воровать не хотел, а именем Христа собирал копейки на вино.

Вот в такой обстановке и росли молодые ребята в Нижней Туре и окрестных поселках. Подавляющее большинство населения, хотя и жило бедно, но честно. Воровство и грабеж считались большим грехом. Родители Ивана Шубина в этом деле были особенно щепетильны. Для него отец был образцом для подражания и не удивительно, что в последствии всю свою бурную жизнь он прожил честно, в непрерывном труде.

В последние годы, перед уходом на службу в армию, по совету родителей Иван устроился работать на завод. Молодого, рослого парня приняли в кузнечный цех на паровой молот. Любознательный и трудолюбивый через пару лет он стал хорошим кузнецом.

А во время первой мировой воевал храбро, и стал полным георгиевским кавалером. После службы в Красной армии жил и умер в поселке Ис.

Косьинские старатели

Поселок Косья одноэтажными деревянными домами широко раскинулся у подножья знаменитой горы Качканар. Река Ис разделяет его на две части. Меньшая из них, расположенная на левом берегу, называется Верх-Косья, на правом берегу – Косья.

Окрестности поселка – бывшие владения графа Шувалова. Граница владений на севере проходила в трех километрах от поселка Верх-Ис через поселок Граневое – кордон владений, дальше по горе Качканар с выходом на станцию «Азиатская», управление в Лысьве. Золото добывалось уже в начале девятнадцатого века в реке Усть-Тискос, в поселках Северный, Промысла и других. В Промыслах была касса для приема золота.

Поселок Косья основан в 1825 году, когда о наличии платины здесь еще не знали. Первыми поселенцами были вогулы и татары. Позднее рабочая сила была завезена из Пермской и Вятской губерний; а также из близлежащих населенных пунктов: Бисеры, Пышмы, Лысьвы и других.

В 1835 году небольшая артель старателей во главе со смелым, опытным артельщиком Кучумовым, по прозвищу «Кучум», из Промыслов, перевалив хребет Урала, из Европы перешла в Азию, пересекла реку Выя, дошли до слияния реки Косьи с рекой Ис. где и нашли богатые залежи тяжелого, блестящего серого металла – платины, которую опытные, закоренелые старатели увидели впервые. Добыв ее в большом количестве, вернулись в Промысла и были богато одарены управляющим Шуваловских промыслов господином Полье. С этого момента в окрестностях Косьи началась добыча этого металла. Первый старательский поселок был назван в честь первооткрывателя платины Кучум.

Вслед за Кучумом в богатых платиной логах бурно стали возникать старательские артели и населенные пункты. Люди строили временные шалаши и землянки. Не обращая внимания на бытовые условия, все силы направляя на добычу драгоценного металла. Работали от зари до зари, стараясь ухватить как можно больше. Первооткрывателем многих месторождений был все тот же Кучум. Он разрабатывал лишь те площади, которые давали не менее фунта за день. Он говорил так: «сегодня есть, а завтра

наживем!»! После сдачи металла жил на широкую ногу, пока не прокутит все деньги, не успокоится. Кончатся деньги – опять как зверь, на работу.

Все Косьинские прииски входили в так называемый Крестовоздвиженский платиновый округ графа Шувалова – генерала, посла, крупнейшего капиталиста и помещика России. Жил в Петербурге, на Косье ни разу не бывал. Управляющим округа был француз Полье. Когда он приезжал на Косью, улицы тщательно подметали. Жил в особняке из четырнадцати комнат с большим количеством прислуги: конюхи, дворники, сторожа, горничные и так далее. Последние годы жизни Кучумов служил у него личным кучером, но в дни получки его не трогали, так как основательно запивался.

За открытие месторождения платины сыновья Кучума при содействии петербургских адвокатов отсудили у Шувалова 25 тысяч рублей. Из них тринадцать тысяч отдали адвокатам, а двенадцать тысяч разделили между собой.

При хороших намывках металла по приказу управляющего на площади поселка выставлялась бочка, и мужикам бесплатно подносили по чарке водки, а вечером он давал бал, на который собиралась вся знать. С окрестных поселков приезжали на тройках лошадей и гуляли, развлекались, играли в преферанс. Из Петербурга был привезен отличный бильярд, было домино, лото, играл духовой оркестр. Вечер обычно заканчивался далеко за полночь обильным ужином, так как при клубе была кухня с первоклассным поваром. Покой отдыхающих охраняли дежурные казаки. Рабочие и другие простолюдины доступ в клуб не имели. Вся Шуваловская территория с населенными пунктами была обособленной. Здесь был свой волостной старшина, становой пристав, уездный исправник и другие должностные лица. Для соблюдения порядка и дисциплины Шувалов держал на Косье и в Промыслах охрану из казаков и чеченцев. За провинность рабочих избивали плетками и нагайками, а пьяниц и дебоширов садили в телегу или сани, вывозили за границу владений и высаживали – иди куда хочешь, и живи, как можешь. Управляющий на приисках жил только в добычной сезон, который длился до 14 октября по старому стилю. В этот день все работы прекращались и переходили работать в шахты.

Кроме драг в военные годы работало большое количество старательских артелей с гидравлическими установками. Они работали в таких месторождениях, как Безымянный, Крутой, Маточкин, Андриевский, Первый, Второй и Четвертый лога; на речках Малая и Средняя Простакишенки; в пятом и Крючковском увалах, в Сухом разрезе и других месторождениях. Зимой артели работали шахтами, летом гидравликами. Наиболее крупными артелями были на Покапе «Имени третьей пятилетки», председатель Гатаулин Ярхам, артель насчитывала до 180 человек, отличалась хорошей организацией и высокой производительностью труда. Эта артель затем перешла в Андреевский лог.

На Верх-Косье в наклонной шахте работала артель Шурыгина, затем она перешла работать в шахты на Утянке.

На поселке Кучум артель Кучумовская, позднее она стала называться гидравликой №13.

На Утянке в шестом логу была организована Качканарская артель, председатель артели Мишанский И.М, позднее была переименована в гидравлику номер 15 и работала

на речке Косья. В военные годы артельщик Черных собрал женщин и подростков, установил вашгерд, тачками возили песок и хорошо намывали платину в русле реки Ис прямо у поселка Косья. Следует отметить, что гидравлический способ добычи драгоценных металлов впервые на Урале стали применяться на Косьинском прииске. В начале тридцатых годов в Нечаевском логу была построена Исовская гидравлика с естественным напором воды. Опыт работы этой гидравлики был перенесен на другие предприятия. Для работы гидравлики с естественным напором требовалось большое количество воды. Для ее подачи вручную было прорыто шестнадцать километров канав глубиной и шириной 1,5 м. Вручную было перелопачено 36 тысяч кубометров каменистой горной породы. Всю эту работу выполнили спецпереселенцы с поселка Боровское, который в то время сам находился в стадии строительства. Работы велись в 10 километрах от дома, поэтому выселенцы жили прямо на месте производства работ. Воду для гидравлик брали с верховья реки Выя, для чего она была перекрыта плотиной с регулируемым водосливом. Для регулирования подачи воды у плотины был срублен дом для сторожа. Второй такой же дом был поставлен на речке Пальничной, левом притоке Выи. Третий дом с регулирующим устройством на речке Косья.

На самой высокой точке, обрабатываемого лога устанавливали деревянный бак диаметром и высотой пять метров. Вода от него по трубам, под напором, подавалась на мониторы для размыва породы. Такая вот громоздкая система водоснабжения была на Косьинских гидравликах, пока не были внедрены центробежные насосы. Лога обрабатывались по восстающей, то есть снизу вверх. Отработка их велась успешно, электрическая и другая механическая энергия не применялась, поэтому основные затраты шли только за счет ручного труда рабочих, при высоком содержании металла это легко покрывалось.

Строительство гидравлик с искусственной подачей напорной воды при помощи насосов впервые осуществлено по инициативе горного инженера Щекотова А.В, в 1935 году на площади четвертого лога этого же прииска.

Многие жители Косьи, Кучума, Боровского, Покапа и других поселков по одиночке или семьями занимались мелким старанием: били дудки, мутилками работали на открытых местах или просто ходили с ковшом в поисках нескольких грамм металла.

Самородки

В Исовских месторождениях россыпная платина, в отличие от Нижне-Тагильской, мелкая; самородки встречаются редко и только в верховьях реки Ис, в нижнем течении их почти нет, а если и попадают, то очень мелкие. Два наиболее крупных самородка найдены были одним старателем в Крестовоздвиженских приисках графа Шувалова в полутора верстах ниже устья речки Простакишенки в небольшом ложке на левом берегу реки Ис в 1904 году на глубине полтора метра. Один из них весом двадцать фунтов 49,5 золотника (8400 граммов), второй 9 фунтов 49 золотников (3894 грамма). Оба самород-

ка сильно окатаны и занесены в долину Иса, очевидно, речкой Простакишенкой с Вересового бора. Старателю было заплачено конторой более четырех тысяч рублей, что по тем временам было большой суммой. Третий крупный самородок был найден в 1940 году недалеко от тех мест, что и первые два.

Вот что рассказал по этому поводу один из очевидцев этой находки, Бельков Павел Максимович: «Летом 1940 года я работал в старательской артели Бочерикова Филиппа Егоровича в Нечаевском логу, между поселками Боровское и Покап, против Вересовой горы, в десяти километрах от Косьи. Домой ездили редко, жили тут же в шалашах. Сначала нас было 25 человек, все на своих лошадях. Безлошадных не брали, так как надо было вскрыть большую площадь, торф и глину вывозили таратайками. После вскрыши песок на промывку стали возить тоже на конях. Намывка была бедная. Мелкой платины совсем не было, только изредка попадались самородки от 0,5 грамма и выше, но их было очень мало, и мы обнищали, большинство ушли совсем, к августу осталось только шесть человек, потерявших всякую надежду на успех. Среди нас работал вятский мужик Федор Орлов, не имеющий опыта в старательском деле». И вот однажды он кричит: «Мужики, что-то тяжелое попало мне». Мы подбежали, очистили кусок породы от грязи, и платина блеснула нам в глаза. Постороннему человеку трудно представить, что тут было. Трезвые бородатые мужики обнимались, прыгали, плясали, как сумашедшие, кто-то крикнул: «Качать Федьку!» И Федор вместе с самородком полетел кверху. Люди одурели от счастья. Еще полчаса назад каждого из них грызла забота, как прокормить семью. А тут враз такое счастье.

Когда немного остыли, Филипп Бочерников послал нарочного в управление Косьинского прииска и на обратном пути велел привезти ящик водки и закуски, таков у старателей был обычай: богатый фарт, обмыть на месте и немедленно. Вскоре на машине приехал директор прииска А.С.Савельев, самородок тут же взвесили, вес его оказался 4600 граммов. Начальство уехало, а мужики обмыли находку, оставили вооруженную охрану на участке и разъехались по домам. Охрану оставили не зря. На другой день вокруг участка уже копошились десятки людей в надежде найти что-либо подобное. Так уж у старателей заведено: где фарт, туда и стекаются люди.

Артель же Филиппа Егоровича откупила на Косье ресторан, и пировали там беспробудно целую неделю, зазывая знакомых мужиков отметить это событие. После гулянки обзавелись новыми домами или отремонтировали старые, прикупили скота, в первую очередь лошадей, и продолжили работу на делянке. На следующий сезон подняли еще один самородок, весом 2,2 килограмма.

Артель была увеличена за счет новых пайщиков, которые заплатили за это по 100 рублей золотыми. Деньги были получены хорошие, но никто не разбогател, так как основной барыш ушел на водку, и через пару лет они стали такими же малоимущими, как и другие, а их артельщик Филипп Бочерников 1941 года погиб в лесу под упавшей лиственницей во время заготовки лесоматериалов для крепости.

Сергей Петрович Черных

Начавшееся в государстве в конце двадцатых - начале тридцатых годов грандиозное строительство объектов требовало больших средств для покупки оборудования за границей и привлечения зарубежных специалистов. За это нужно было платить золотом, платиной и другими драгоценностями, которых катастрофически не хватало. Ждать, когда все это потечет из вновь открытых приисков и подземных рудников не было времени, и на местах решили «потрясти» старых старателей, зная, что у многих из них еще со времен прошлой войны кое-что на черный день оставлено. С добровольной сдачей драгоценных металлов не получилось, старатели их не несли, а если и сдавали, то только столько, сколько нужно было для содержания семьи и хозяйства, тогда чекисты пошли на крайние меры. В 1932 году были арестованы и посажены за решетку наиболее обеспеченные старатели, там их стали с пристрастием допрашивать, добиваясь выдачи якобы спрятанного металла. Попал туда и Петр Тимофеевич, не выдержав допросов, жестокого и унижительного обращения, он сказал: «Поедем ко мне домой на Косью, там я все отдам». Следователи обрадовались тому, что один из старателей согласился раскрыть свой тайник и передать государству припрятанную платину. В дом с дедом зашли два милиционера и следователь.

— Ну, жена, доставай,- говорит он

— Что доставай-то?

— Платину из голбца, следователь говорит, что я там ее спрятал.

— Да что ты, старый, в уме ли, какая у нас платина?

— Ну, тогда я сам полезу и поищу.

Петр Тимофеевич погромел чем-то в голбце, покурил там, вылез и говорит: «Нет, украли видно».

Милиционеры и следователь поняли, что старик с самого начала их разыгрывал, не понимая, что делал он это от безысходности, с горя.

Сразу не ушли, пошарились по углам, в голбце, во дворе и огороде, но ничего не нашли, да и не могли найти, так как платины просто не было. Решили попить чаю. Дед ушел на кухню и стал перебирать посуду. Жена его зашла и спросила: - Что ты вилки-то перебираешь?

— Ножик поострее ищу, горло себе перерезать.

Бабка поняла, что с дедом творится что-то неладное, заплакала.

Старика увели в местную каталажку, оставшуюся еще от старого режима, посадили в отдельную комнату. Ночью охранник услышал какой-то странный хрип и стоны, открыл дверь: дед лежал в крови, в руках держал осколок стекла, которым порезал себе горло, но был еще жив. Местный врач, женщина, попыталась зашить рану и спросила: «Тебе тяжело, Петр Тимофеевич?»

Тот ответил: «Жить еще тяжелее», - и вскоре умер. Деда похоронили, а остальных мужиков выпустили, не добившись признаний. Очевидно, и признаваться-то им не в чем было.

В ту же зиму к бабушке во двор приехали на трех подводах, забрали все сено, как у врагов народа. Один из коновозчиков попытался уговорить своих товарищей оставить немного старухе на прокорм коровы, но его не послушались. Выручил один из сыновей, купил матери воз сена. Сергей с матерью остались жить у нее.

За сто лет работы старателей в этих местах сотни пудов платины было добыто. Шахты и подземные выработки рыли, бывало, прямо под домами. Шли года и десятилетия, крепления подземных выработок сгнили, и массив земли площадью около двух гектар местами рухнул, между домами образовались большие ямы глубиной до двух-трех метров, некоторые дома перекосило. Со временем ямы заросли травой и кустарником, но следы обрушения видны до сих пор.

Кытлымские старатели

Шёл 1921 год. Старый Косьвинский контролёр, бывший приказчик золотопромышленников Абамалек-Лазаревых, ни разу не пойманный вор, с елейным святым лицом, угостил приехавшего следователя Соловьёва ухой. Лошади у старичка нет, поэтому в старательскую артель Соловьёв поехал на своей лошади верхом, а старичок по прямой пешком.

Старатели работают не спеша. На розыски новых месторождений не идут. Молодые крестьянские парни не желают менять старое привычное место. Работать привыкли коллективно, не торопясь. А наиболее опытные старатели зарываются в землю всей семьёй, с сыновьями, снохами, впряженными в тяжёлые старательские тачки. Их рабочий день кончается с наступлением ночи. Двужильный труд упорен, мелочен и терпелив, не прерывается ни разговором, ни песней, ни отдыхом. Бабы с замкнутыми алчными лицами рвут землю, как сухие сосцы больной коровы. Мужики с остервенением рубят породу, они ненавидят эту продажную землю.

Совсем старые старатели - одиночки похожи на алхимиков. Высушенные солнцем, ставшие лёгкими, они сидят на краю шурфов, свесив ноги к воде, со скептической миной, и понукают к тяжёлой работе неопытных учеников: «Ниже копай, Митюха, ниже, под водой бери!». И Митюха, обливаясь потом, подгоняемый своей молодой жадностью, вынимает куб за кубом, моет сито за ситом и, не найдя ничего, набрасывается на болото с новой яростью. А старичок курит и усмехается суете сует. Даже великое счастье не даёт ему ничего; ведь он с жизнью давно перестал играть всерьёз.

Старатель бежит за платиной с бесконечной преданностью, терпеливо снося жизненные невзгоды и пинки. Годами терпит неудачи, уверенный, что когда - либо судьба сжалятся и сразу исправит всё причиненное зло. Так проходят десятки лет униженного, ничем не вознаграждённого труда. Старатель одинок - и отгоняет от себя непрошенных компаньонов. К чему чужие люди? Он не хочет дарить им ни одной доли из того клада несчастий, которое когда - то превратится в самородок неслыханной величины. Но

болото по-прежнему - болото. К осени вода день ото дня холоднее, и глаза, запухшие на искусанном комарами лице, тщетно ищут в грязи серебряного урожая. Он уверен, что на дне последней ямы, которую он сегодня вынужден оставить, теряет он своё наречённое счастье. Судьба останется там, в дыре, где плавают свалившиеся в неё лягушки.

Опытных, хитрых старателей в Кытлыме и в округе много. В это смутное время платину они не сдают, приберегают на «чёрный» день. Правительство, чтобы получить её в ход пустило НКВД, Это проверенный и надёжный способ выжимания золота и платины из старателей.

Пичугин, знаменитый Сосновский старатель, похож на конокрада. У него цыганские, хитрые глаза и борода цыганская. На допросе держится с мудрой осторожностью. Как умный зверь, едва обнюхав вопросы, отступает от капкана, неизменно ступая в свои собственные следы. Едва за следователем Соловьёвым закрылась дверь, он оборачивается ко мне с бесшумным смехом, с улыбкой.

А знаете, сколько у меня на самом деле платины? Двадцать фунтов. Найдёт следователь её - его, а не обнаружит, пусть пеняет на себя.

Обычно старатель, как только разбогатеет, сейчас же ставит себе каменный дом с зелёной крышей. Пичугин удержался в старой избе, семья его неизменно хлебает пустые щи, и с женихом дочери он на всю округу ведёт жесточайший торг из-за приданного.

— Как же вы живёте в этой грязи, Пичугин? Неужели не хочется на волю?

— Зато сынам и внукам хватит.

Он с любовью подумал о семействе, которое из поколения в поколение будет жить в скупом мужицком достатке, с этой платиной, спрятанной под полом, с куском кислого хлеба, обеспеченным на сто лет, с правом для трёх поколений пройти жизнь как сытый клоп.

— А знаете, товарищ Соловьёв, ведь у Пичугина двадцать фунтов платины. Он сам мне только что признался.

Цыган снял шапку, отыскал портрет Ленина, повешенный в углу вместо иконы, повёл глазами, полными веселья, чувства безопасности, и, перекрестившись, сказал

— Что ты, матушка, выдумываешь? Вот те Христос, никогда я ничего не сказывал. Разве кто-нибудь может доказать! ¹.

Каменушка

Речки Большая и Малая Каменушки являются правыми притоками реки Нясымы. В 19-начале 20 века эта территория входила в состав Николе-Павдинской дачи, наследников купца Воробьёва. Кругом дремучая тайга, места глухие, здесь редко ступала нога человека.

До ближайшего жилья, - посёлка Павда, с одной стороны, и до посёлка Верх-Ис, с другой стороны, десятки километров.

---

¹ Л.Рейснер. Избранное, 1980.

Первые старатели появились здесь в 1885 году. Приходили или приезжали на лошадях весной небольшими артелями, по четыре-пять человек, таясь от людей. Наспех рыли углубления в горе, сверху рубили три-четыре венца из тонких брёвен, прорубали маленькое окошко у самой земли, крышу крыли берестой и дерном, и жили в этой полуземлянке до осени.

Место для работы выбирали, где содержание платины было богатым и лежало не глубоко. Ставили у воды лоток - «машерту» для промывки и улавливания металла и мыли, стараясь выхватить жилу, оставляя более бедные участки не тронутыми. Главное ухватить побольше, и быстрее, и скрыться, пока не поймала царская охранка. О правильной, сплошной отработке месторождения не было и речи. Одним словом - хищники!

Работали с раннего утра и до позднего вечера. Со временем не считались, трудились, пока хватало сил. Питались сухарями и мясом убитой дичи и зверя, которых в лесу было не меряно. Вариво и чай готовили на костре.

Через десять-двадцать лет пришли другие, такие же рвачи-хищники, и снова мыли по выбору, где быстрее и богаче можно взять. Намывки были значительно беднее, но и платина стоила дороже, так что в накладе не оставались.

Верховья Малой Каменушки были выработаны разрезами. В низовьях небольшие работы велись шахтами, глубиной четыре-пять метров, с содержанием около двенадцати грамм на кубометр.

Россыпи Большой Каменушки были довольно богаты и выработаны, в основном, хищниками в первую очередь открытым способом. Содержание по рассказам очевидцев было «фартовое».

В 1904 году наследники Воробьёва сделали попытку построить здесь драгу в надежде взять хороший металл. Знатоки каменушинского месторождения плохо верили в успех слабой «паровушки». Драгу построили, но она не выдержала поединка с тяжелыми валунами, которые покрывали всё дно Малой Каменушки. Это месторождение было отработано во второй половине двадцатого века 150-литровой электрической драгой № 40 Исовского прииска.

С 1906 по 1909 годы работы в верховьях этих речек велись хозяйским способом с помощью бутары, но тоже не могли взять весь металл.

Новое, уже пятое, возрождение работ на Каменушках началось в 2002 году. Там стала работать небольшая старательская артель под руководством опытного горного инженера Владимира Мельникова. Содержание не плохое, работа организована грамотно. Намывают от пятидесяти до семидесяти килограммов платины за сезон, при таком же, примерно, количестве рабочих. Экономически вполне целесообразно. Рабочие живут в вагончиках, питаются в столовой, имеется баня. Работы ведутся круглосуточно по двенадцать часов в смену. Технология отработки месторождения простая, - породу бульдозерами подают в бункер, где происходит размыв её струёй воды от гидромонитора, и далее подача пульпы на шлюз. Грунт, в основном, скальный, глинистая порода трудномывкая.

Возьмут ли здесь платину окончательно? Неизвестно.

Хищничество и утайка металла

Хищничеством называется тайная добыча металлов без законного разрешения на то правительства или без дозволения владельцев дач и приисков, если оно производится в границах их владений, а утайкой называют сокрытие металла старателем, а также сокрытие рабочим самородков, которые попадают при добыче песков. Хищничество наказывается по приговору суда лишением прав и ссылкой, а утайка, если цена не превышает триста рублей, арестом до четырех месяцев. Наказание за утайку в старые годы определялось военными судами и шпицрутенами, не менее пятьсот раз на первый раз. Для поощрения доносов назначались дежурные награды. Награды полагались также за найденные самородки, хотя и очень небольшие, так за самородок золота 35,2кг было выдано четыре тысячи рублей.

Но и эти меры не помогали. В конце сороковых годов девятнадцатого века из Санкт-Петербурга был командирован офицер корпуса жандармов, некий Мирон Иванович. Он побывал во всех округах тайно, бывал бит в разных компаниях и кабаках. Он составил список на сотни человек злоупотребляющих этим делом. Трудно сказать, чего достиг Мирон Иванович, и как помогла его работа, но удалился он на покой, купивши в юго-западной России имение за сорок тысяч рублей. Главным мотивом для утайки золота и платины и для хищничества было и оставалось на долгие годы низкие цены на них против тех, что платили скупщики; за платину старателям платили на 30-45 % меньше, чем скупщики. Хищничество платины в Гороблагодатском округе хотя и случалось еще до разрешения частной добычи платины (1861 год) на тунележащих (не работающих) казенных приисках, но не могло получить значительного развития, так как платину некуда и некому было сбыть; небольшими количествами ее скупали только на подделки ее под золото и платили не дороже пять копеек за золотник (4,26 грамма).

О сбыте куда-либо на сторону тогда не могло быть и речи: кому продавали платину сами владельцы, - это было секретом, который стал известен в конце шестидесятых годов только некоторым лицам, а всем не ранее 1871 года. С этого времени началась и утайка платины старателями и сбыт ее местным скупщикам, продажа платины облегчалась тем, что с этого же времени появились в Екатеринбурге агенты для ее покупки. Так как первые агенты не покупали платину у лиц, не имеющих дозволительных свидетельств на продажу ее, то местные скупщики обзавелись приисками, большей частью с торгов золотыми и заявляли, что платина в них идет попутно с золотом. Такие прииски появились во всех промышленных округах и дачах.

Так в 1881 году показано извлеченной платины из золота тридцать два пуда девять фунтов; в 1882 году с приисков Екатеринбургского округа, где платины почти совсем не было - девятнадцать пудов шестнадцать фунтов восемьдесят два золотника; в 1883 году с золотых приисков Гороблагодатских и Вагранских - двадцать один пуд четырнадцать фунтов двадцать один золотник и так далее. Здесь за ничтожным исключением все фикция. Никогда этого не бывало, и нелепость этих показаний обратила на себя внимание немецких ученых. В Екатеринбургском округе главным образом орудо-

вал некий Скрыбин, который в 1883 году показал добытой будто бы платины более двадцати пудов, а в 1884 году - семь пудов. Сразу его не могли привлечь к ответственности, так как не было потерпевших, от которых могли быть возбуждены иски, но в последствии окружной инженер пятого Верхотурского округа собрал против Скрыбина и других промышленников того округа доказательство. Виновных судили и вот результат - в том же Екатеринбургском округе в 1886 году добытой попутно с золотом платины оказалось только четыре с половиной фунта, а в 1887 году - четырнадцать золотников, в 1887 году - один фунт семь золотников. Но все это, однако, не значило, что хищничеству и утайке пришел конец, так как утайка и перевод платины остались в том же виде, - изменилось только направление сбыта ее. Скупщики употребили в дело так называемые «дозволительные свидетельства» на право продажи платины и по одному и тому же свидетельству стали продавать купленную тайно у старателей платину несколько раз, получая его обратно у настоящих покупателей. Такой платины очень много шло в Германию. Хищничество платины по рекам Ис и Туре началось, кажется, прежде добычи ее настоящими золотопромышленниками. Легкий сбыт и слабый надзор со стороны администрации приисков за хищниками способствует этому промыслу, которым главным образом занимаются жители ближайших к приискам селений. Зимой хищники пробивают круглые дудки и извлеченный песок увозят домой, где и промывают его просто в ковшах. Летом они отправляются по Туре на плотках, сколоченных тут же на берегу из бревен и досок, затем, выехав на реку, закрепляются на одном месте и опуская в сквозной разрез, находящийся посередине плота, посаженный на длинный шест черпак, формой похожий на совок, достают со дна песок и ту же на плоту промывают его на небольших станках, называемых «мутилками». Работает обычно 3-4 человека.

Заработок хищников, как и старателей непостоянный, от одного рубля в день, до нескольких десятков рублей. Хищничество не влечет за собой большого риска. Так как с пойманными хищниками обращаются довольно гуманно и в большинстве случаев, золотопромышленники, отбирая у них платину, рассчитывают их по цене, уплачиваемой своим старателям - один рубль двадцать копеек или один рубль пятьдесят копеек за золотник, после чего отпускают их с миром на все стороны.

Случаи преследования судом хищников очень редки, да и поймать их очень трудно. Сбыть платину в частные руки не представляет особых трудностей, в виду большого числа принимающих ее у хищников по установленному курсу 2 рубля 20 копеек за золотник.

Иногда хищники собираются артелями человек по десять и работают на нескольких станках около самих старателей, которые опасаясь злоупотреблений со стороны хищников, грозящих порубить у них промывальные станки и украсть оставляемые на ночь инструменты, - не делают никаких попыток к сопротивлению и спокойно смотрят на работу хищников. А они продолжают работать, пока не прибудет с прииска смотритель и силой не принудит их оставить работу. В этом случае хищники со своей добытой платиной отправляются в другое место, увозя свои промывальные устройства.

В поисках новых месторождений платины золотопромышленники придерживают-

ся такой политики, что старателю разрешают по его желанию и за его страх и риск пробивать шурфы в целиках, и в случае благоприятного результата, ставят свои хозяйские работы, а старателю дают небольшое вознаграждение или же ему отводят на известных условиях небольшую делянку. В таких случаях старатель утаивает часть металла, и хозяин считает, что тут мало платины. Старатель обычно глубоко не копает, поэтому площадь хорошо не бывает разведана. Хищнический характер эксплуатации всех платиновых приисковых Урала проходит красной нитью от начала до конца девятнадцатого столетия. Никакой отчетности и планов работ не велось. Старатели в эти годы стали фактическими господами положения. Хищники являлись хорошими разведчиками. Они находили хорошие места, и мыли, пока их не обнаружат стражники или приисковые надсмотрщики.

Хищничество — это более скорый способ обогащения и добывания средств к разгульной жизни, но не всякое хищничество — воровство. «Хищничество» представляет понятие незаконности. К числу хищников относятся: золотопромышленники, неправильно ведущие работы на разрабатываемых ими приисках; старатели, которые промывают золото — и платиноносные пески на местностях, им не принадлежащих, под страхом уголовной ответственности. Все они трудятся на добыче полезного ископаемого, принадлежащего не им.

В отношении оценки хищников, и вообще хищничества, долгие годы ходило много споров. Наконец в марте 1911 года съезд Пермских золотопромышленников пришел к выводу хищничество делить на три категории:

1. Хищники пионеры, работающие в глухих, неразведанных и отдаленных местностях.

2. Хищники кустари, работающие на свободных казенных местах, недалеко от частных приисков.

3. Хищники, работающие на чужих, отведенных уже приисковых площадях или частных старательских участках.

Съезд решил:

— Первая категория заслуживает поощрения.

— Вторая нуждается в легализации.

— В отношении третьей категории съезд решил добиваться увеличения надзора и привлечения хищников к ответственности.

Автор одной из статей в 1891 году писал: «Различие между золотопромышленником и хищником в большинстве случаев теряется: как тот, так и другой для извлечения золота и платины весьма часто применяет одни и те же примитивные способы, которые смело можно назвать «хищническими».

Те же дудки, станки, вашгерды, лотки, мутилки и прочее. Такое же ковыряние площади; такая же неполная выработка золотоносных песков. Следовательно «хищник» есть не более как нелегальный золотопромышленник; по своему нравственному облику он не представляет вредного члена общества».

Старатели же в силу низких цен, вынуждены были работать хищнически, выбирая

места с лучшим содержанием, оставляя в бортах более низкое содержание. Таким образом хищники в большинстве своем тоже старатели, вольные или беглые люди, которые тайно моют золото или платину на государственных землях или на старательских участках, в том числе и одиночных старателей. Моют набегом ночью, в выходные и праздничные дни, или на разведанных ими дальних участках в тайге, неизвестных никому ручьях и ложках.

Постоянная Совецательная контора золото- и платинопромышленников неоднократно выносила решения по борьбе с хищничеством и воровством платины и золота. В борьбе с этим предлагалось:

— Рабочие и служащие на промыслах не имеют права заниматься в течение срока найма покупкой и продажей шлихового золота и платины.

— При явке на промысел, нанимаемый, обязан представить в контору промысла на хранение весь металл, который у него имеется.

— То шлиховое золото или платина, которые окажутся у рабочего или служащего, или в их помещениях во время их пребывания на промысле, должно считаться принадлежащим хозяину промысла.

Предлагалось также:

— Установить прием казенной платины от вольнопринесителей.

— Ускорить судопроизводство по делам о кражах и хищничестве платины.

— Установить свидетельство на провоз платины и золота. У кого такого свидетельства нет, платину арестовывать.

— За утайку золота и платины виновный подлежит аресту от трех дней до двух месяцев или штрафу от трех до ста рублей.

Были приняты также меры против скупщиков, которых вокруг богатых приисков образовалось целое кольцо, но очень мало случаев было привлечения их к суду.

Особенно развито было хищничество и воровство платины в Тагильском округе, когда там велись только старательские работы, а хозяйские только начинали внедряться. Здесь до тридцати процентов добываемого металла воровалось и продавалось скупщикам.

Борьбу с кражей платины пытался вести и наследник Демидовых князь Сан-Дonato, но результаты были плачевные.

В одной статье журнала «Вестник золотопромышленника» писалось:

— Утайка, кража золота и платины и хищничество есть результат общего неуройства золотопромышленности.

Главными центрами скупки ворованной платины на Урале были: Кушва, Тагил, Екатеринбург. Сюда свозилась платина с более мелких городов и поселков, а отсюда шла в Москву или прямо за границу.

По документам было установлено, что еще в 1872 году в России появились заграничные агенты по скупке драгоценных металлов, которые в течение десятков лет скупали у старателей краденную платину по более высокой цене, чем платили золотопромышленники, которые несли известные расходы по содержанию приисков, а скупщики

постоянно создавали стимул к воровству платины и это зло въелось в плоть и кровь нескольких поколений старателей.

По неполным данным только за один 1922 год украдено и сдано скупщикам на Урале 37 пудов.

При громадной раскинутости в 1892 году приисков в Верхотурском горном округе, полицейских стражников, находящихся в распоряжении окружного инженера и заведующего полицейской частью на частных золото-платиновых промыслах, было недостаточно; надзора за благоустройством и благополучностью на приисках не было, поэтому некоторые золотопромышленники, например Переяславцев, делали попытки держать на свой счет конного стражника, назначаемого уездным исправником, но попытка эта не увенчалась успехом, так как стражники оказались в основном безнравственными пьяницами и, наоборот, не поддерживали, а нарушали порядок на прииске.

Хищники действовали в одиночку, парами или целыми артелями. Среди них часто бывали женщины и подростки. Они скрывались в лесу, спали в шалашах или просто у костра. По вечерам пили водку, играли в карты, пели песни, спорили, ругались.

Золото иногда попадалось хорошее и каждый приискатель набивал по мешочку дорогого песка.

Если собирались артелью, то один-два человека всегда, и день и ночь, стояли на часах. Один из артельщиков ездил за продуктами.

Знали, что в любое время их могут выследить, отобрать намытое и наказать, но уходить не хотелось, жаль бросить дешевое золото и вольную жизнь, хотелось богатства, не понимая, что богатому надо больше опасаться за свою жизнь, чем бедному.

Дед Корнил говорил так:

— Богатый со своим золотом больше раб, чем бедный, и днем, и ночью, и в горах, и в тайге должен остерегаться, озираться, как зверь с дорогой шкурой.

Бывало и так: не уйдешь вовремя, пожадничает — голого пустят, если не убьют!

Хищники боялись около своего стана даже охотиться, вдруг кто-либо услышит выстрел.

Если хищников поймают, то обычно у них отбирают намытый металл и весь инструмент, а лоток ломают и все, что есть на стану, разрушат.

Их преследовали, но окончательно искоренить не могли.

После допроса отпускали на волю, так как они указывали места, где есть металл и являлись своего рода разведчиками.

Примером массовой хищнической добычи платины может служить случай, происшедший в мае 1902 года в верховьях речки Мокрая, притоке Выи, близ поселка Валериановский.

Произошло это так: два вольных старателя, решив попытать счастья, майским утром отправились на поиски платины по берегам Выи. Дойдя до устья небольшой лесной речки Мокрая, свернули влево и пошли вдоль ее берега, присматривая подходящее место для взятия пробы ковшом. В одном из небольших ложков остановились перекурить, старший из них присел на упавшее дерево, а тот, что помоложе, зашел по своей надобности за вывернутые корневища дерева.

— Митрич, иди-ко сюда, посмотри, что это?

Митрич пошел и увидел под вывернутыми корнями блестящие сероватые зерна металла. При осмотре у опытного старателя сомнений не возникло, прямо на поверхности черной земли, под вывернутым дерном, лежало несколько крупных зерен платины. Целый день работали одним ковшом, подтаскивая землю прямо в подоле к ручью, благо он находился рядом.

К вечеру в ковше лежала приличная кучка серебристого металла, лаская блестящие от радости глаза мужиков.

— Больше чем на полфунта потянет! — определил Митрич. Договорились о находке никому не говорить, даже женам. Дома, как водится, «обмыли» фарт, а ночью молодой мужик, не вытерпев, о всех подробностях рассказал жене.

На работу уходили рано утром тайком от соседей, в первый же день унесли небольшой лоток с рогожкой — «мутилку» и другой необходимый инструмент, дело пошло хорошо.

Но «шила в мешке не утаишь», жена молодого старателя похвасталась удачей родной сестре, та мужу, муж свату, и пошло.

Весть о новом, богатом и свободном, не застолбленном, ложке быстро разнеслась по поселку и вскоре десятки людей кинулись на ложок. Трудились целыми семьями: мужики, бабы, старики, дети.

Землю растаскивали кто как мог: на тачках, в мешках, носилками подтаскивали ее к речушке и перемывали.

Каждый старался урвать побольше и побыстрее. Часто возникали споры и перебранки из-за места.

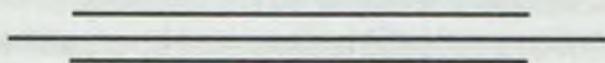
Намывка была у кого побольше, у кого поменьше, но в целом содержание оказалось очень богатым, в первые дни, за день некоторые намывали до трех килограмм на одну мутилку.

Россыпь залегала узкой полосой два-три метра в верховьях и от шести до двадцати метров шириной в нижней части, длина ложка около двухсот метров. Платина лежала почти на поверхности, под дерном, глубиной не более двух метров. Металл очень крупный.

Через полтора-два месяца ложок был выработан полностью. Количество добытой платины очевидцами оценивается до пятидесяти пудов.

Начальство об этом узнало слишком поздно и когда появилось, там копались несколько человек, подбирая последние крохи.

С тех пор ложок стал называться Хищническим.

Имели место случаи, когда для маскировки скупки драгоценных металлов, которая сурово преследовалась по закону, скупщик приобретал прииск и записывал купленное золото в книгу своего предприятия. Часть же старателей работала без разрешения владельцев приисков, выхватывая «богатимые» участки, вскрытые россыпи и прочие места с высокой концентрацией металла в песках, причем добытое золото сбывалось

скупщикам, которые не перевелись в около приисковых поселках, работая врачами, адвокатами, различными чиновниками и т. д. Так возник особый вид добычи — «хищнический», ведшийся старателями-изгоями и наиболее «отпетой», по выражению А.А. Рожновского частью приискового населения. Часто уходили похищничать на короткий срок и профессиональные старатели.

А. Рожновский же оставил интересные записи о хищническом виде добычи. Воспользуемся ими. Оказывается, по закону сведения о количестве добытого на прииске драгметалла полагалось в тот же день его владельцу заносить в специально прошнурованную книгу. Старатели также обязаны были сдавать все золото в контору и оставлять его на руках не имели права. Следовательно, обнаруженное в кассе прииска неучтенное золото, а также найденное у старателей считалось «хищническим», за что виновные подвергались ссылке на каторжные работы.

Для борьбы с «хищниками» владельцы приисков содержали штат штейгеров, отводных, объездных, а также специальную стражу, составленную из казаков или ингушей, в функции которых входила и охрана касс. Находясь вне закона, «хищники», разумеется, не могли вести стационарные работы, организовываться в крупные артели. В любой момент им нужно было быть готовыми прекратить добычу, чтобы поспешно скрыться от штейгеров и стражников. Поэтому и применяемое ими оборудование было простым, легким, удобным для переноса и дешевым, которое в критическую минуту можно было бросить без особого сожаления. Это кайло, лопата, топор, гребок, старательская машинка (насос), промывальный прибор — ковш и легкий желоб-шлюз, дно которого застилалось хвойными ветками, дерном, мхом и прочим.

Работали «хищники» в одиночку или вдвоем, реже втроем. Наметив место, они вначале проводили опробование песков ковшом. Затем, в случае достаточного содержания металла, устраивали шлюзок, на который лопатой бросались пески и одновременно подавалась ковшом или насосом вода для их промывки. После обработки определенного количества породы производился съем золота или платины. Так велась их добыча артелью в два или три человека. При работе в одиночку организация труда ограничивалась промывкой песков в ковше или сибирском лотке. Обычно за день артель на шлюзе перерабатывала 0,5 — 1,5 м³ песков. Учитывая же неизбежность перерывов в работе, а также потери времени на поиски «богатимых» песков, среднесменная производительность ее в течение месяца была еще меньше, поэтому «хищники» могли промывать породу только с высокой концентрацией драгметалла. Объектами их внимания были вскрытые, плохо охраняемые разрезы хозяйских работ, наиболее обогащенные участки россыпи, почему либо не разрабатывавшиеся в тот момент. Несмотря на большие трудности создававшиеся хозяевами приисков для «хищников», добыча золота и платины этой категорией промысловиков была довольно высока. Они являлись «бичом» для золотопромышленников, которым наносили большой ущерб, но в то же время сыграли весьма положительную роль как первооткрыватели многих месторождений благородных металлов. Скрываясь от преследователей, в поисках богатого золота они забирались далеко в глубь тайги и обследовали многочисленные лога, русла рек, ручьи и прочее.

Утайка платины началась с шестидесятых годов, когда старателям платили 13 копеек за золотник, а скупщики нашли возможность сбыта ее и могли предложить старателям 40-45 копеек. С 1873 по 1879 годы плата старателям повышалась до 16,20,24 копеек и в последний год достигла 30 копеек, а цена на платину вообще была более трех тысяч рублей за пуд и скупщики платить стали по 75 копеек за золотник. В 1881 и 1883 годах старателям повысили до 40 копеек, а скупщики платили за нее 80-85 копеек. К 1890 году цена повысилась до 7500 рублей за пуд или 1 рубль 99 копеек за золотник, скупщик платили 1 рубль 80 копеек, а старатели получили только 80 копеек. При таком положении прибыль получалась приличная. Цена на старательскую платину в Исовских приисках всегда была выше не только Тагильской, но и Шуваловской и относилась к этим двум как 120:80:100. Причинами утайки здесь кроме цены были несвоевременные расчеты и неблагонадежный состав надзора, также не получавшего своевременно жалования, поэтому вынужденного воровать.

Скупщики за Исовскую платину платили на 8-10 % выше, чем за Нижне-тагильскую, так как качество ее было выше. Хозяева приисков держались такого взгляда, что цена не имеет никакого влияния на размеры хищничества или утайки; по их мнению плати хоть гривну, хоть рубль, все равно, так как все рабочие воры в принципе. Но практика показала, что там, где платят больше, там добыча выше, так как хищение меньше. «Что же делать, когда нет хлеба, поневоле тащим на сторону,» - объясняли старатели - «Там и цена выше и деньги тотчас на руки».

Меры предупредительные, репрессивные и карательные испытаны и в широких размерах: усиленный надзор, явный и тайный шпионаж, запоры, ловля с поличным похищенного и скупленного, преследование судом - все это практиковалось; но результаты этих мер оказывались мало значительными.

Против мер придумывались контрмеры. Против хитроумных запоров еще более хитрые уловки, на надзор действовали подкупом или угрозами. Обращение в полицию приносило больше вреда, чем пользы, так скупщики и старатели подкупали их. Даже был случай, отобрали у одного скупщика 20 фунтов платины и передали на хранение становому приставу. На суде оказалась смесь чугуна с платиной, последней только шесть фунтов. Скупщик такой подделки никогда бы себе не позволил, зная, что имеет дело с людьми опытными, и в этом случае лишился бы и шести фунтов настоящей платины, то есть получил бы просто по шее. Становой же избежал ответственности по недостатку доказательств. Скупщиками утаенного золота и платины являлись обычно лавочники ближайших селений. При этом старатель находился в постоянной зависимости от скупщика-лавочника и вынужден был брать у него товары по ценам, которые он устанавливал. Причем, идя к нему за товаром, должен был обязательно нести металл, иначе товар не получит, а значит должен его утаивать от хозяина прииска, другими словами «не смей не красть». Район работающих Шуваловских приисков значительно меньше Нижнетагильского и Гороблагодатского, что облегчает присмотр, как за старателями, так и за скупщиками. Селение Крестовоздвиженские промысла также не может служить надежным местопребыванием для скупщиков, если бы кому-то вздумалось прику-

пать металл, здесь не более ста домов, каждый житель известен и появление нового человека немедленно становится известным всем и каждому.

Сравнивая все эти условия можно сделать вывод, что в Нижнетагильских приисках были более благоприятные условия для утайки платины. Доказательством чего служит наибольшее число дел у земских начальников об утайке в окружном суде, где объектами иска случались пудовые количества.

Один управляющий цену за старательскую платину не повышал несколько лет. Когда спросили его, не полезно ли прибавить плату, чтобы увеличить добычу металла, он решительно отклонил эту меру: «никакого толку не будет от прибавки, всё равно будут воровать». Но как только убрали его, и новый управляющий увеличил прибавку на тридцать процентов, да ввёл кое-какие порядки в работе старателей, то в первый же год получил металла на два пуда больше.

Очень много зависело от цены на продукты в старательских магазинах и от качества товаров, которые там имелись.

У того же управляющего, который прибавил тридцать процентов и распорядился, чтобы при каждом приёме металла выдавали деньги, добыча в первый же год поднялась с десяти до тридцати процентов. Этот эпизод имел место в Нижнетагильском округе в одном из самых отдалённых районов его. Таких примеров было много.

Утайка золота и платины рабочими, не могла получить широкого развития без участия в этом лиц надзора, а на казенных приисках ещё и военного, и не могла ещё и потому, что трудно было скрыть от других рабочих, которые из страха наказания могли донести, а наказание за утайку определялось военными судами шпицрутенами, не менее пятисот на первый раз, как бы не было мало количество утаенного. Для поощрения доносов назначались денежные награды, награды назначались и за находимые при добыче самородки,

Несмотря на все эти меры, дела об утайке в военных судах не переводились.

В годы Великой Отечественной войны

Местная газета «Исовский рабочий» 13 июля 1941 года писала: - «В первые дни войны на митинге в рабочем посёлке Артельный, домохозяйка Ольга Жукова организовала старательскую артель из домохозяек. Эту инициативу поддержали: Наймушина, Худякова Антонова и другие. В первые дни женщины встретились с большими трудностями, промывку породы пришлось производить вручную. Им помог электрослесарь механических мастерских Пётр Носков. В выходные дни он изготовил две электрические установки. Труд женщин облегчился, стал более производительным, работа пошла полным ходом. Количество членов артели из домохозяек увеличивалось с каждым днём.

Ученик девятого класса Евгений Кузнецов рассказал о почине женщин своим дру-

зьям. Через пару дней женщины были приятно удивлены, рядом с ними работала комсомольско-молодёжная артель.

В начале июля того же года женщины посёлка Троицкий тоже организовали старательскую артель. В первый день в артель записалась двадцать одна домохозяйка, учителя и старшие школьники. Забойщицы Евгения Бережных и Мария Ларионова, работая парой, стали нагружать до ста восьмидесяти тачек в смену, при норме сто тридцать. Их примеру последовали забойщицы: Анна Коновалова, Екатерина Горжом, Елизавета Баянкина и многие другие. Они говорили:

— Наши мужья ушли на фронт защищать Родину. Мы решили заменить их, и июльское задание выполнить на пять дней раньше срока.

К 1945 году количество старательских артелей на прииске удвоилось. Люди приходили с заявлениями в управление прииска, и в тот же день получали разрешение на ведение старательских работ. В золотоскупке никто не спрашивал, где взял металл, так как государству драгоценные металлы нужны были в огромном количестве. За сданную платину получали боны, которые отоваривались продуктами питания и товарами. Основная масса старателей жила безбедно, относительно была сыта и одета, хотя счастье не всегда и не всем улыбалось. Труд старателей хотя и тяжелый, но простой, доступный даже для подростков, женщин и стариков, если позволяло здоровье.

В течение всех лет Великой Отечественной войны старатели отчисляли от заработной платы часть денег в фонд обороны, отправляли посылки на фронт, тёплые вещи, перечисляли деньги на строительство танковых колонн и самолётов.

Женская старательская артель

Газета № 47 от пятого декабря 1944 года «хочется рассказать про мать фронтовиков Жукову Надежду Петровну, проживающую в рабочем поселке Журавлик. Шла первая неделя войны, мужчины с прииска уходили на фронт, надо было их заменить в добычных цехах. Тогда-то и пригласили в партком коммуниста Жукову И.П.: «В краткие сроки организовать добычу металла на гидравлике». Прямо из парткома, не заходя, домой, новый руководитель гидравлики обошла жен и матерей фронтовиков.

Через несколько дней в Глинистом логу замелькали разноцветные платки. Женская старательская артель Жуковой работала на победу. Любая женщина понимала, что каждый грамм добытого ими металла приближает час победы над врагом».

«Тогда я решила, — вспоминает Надежда Петровна, — с первого до последнего дня войны буду бороться вместе с сыновьями против ненавистного врага». Четыре сына и муж были на фронте Отечественной войны. Каждая скупая весточка от них была дорогой. «Ты бы отдохнула, мама», — писал сын Сережа. А мать отвечала: «Отдохнуть сейчас не время. Сердцем и трудом следую за вами в бою. Вернетесь домой, и отдохнуть будет можно, а сейчас, сыны мои родные, буду стоять на своем посту до полной победы». И

Жукова сдержала слово коммуниста. Шли месяцы, артель росла и крепла. Весной 1942 года уже сорок человек работало на проносе и двадцать пять на гидравлике. Женщины освоили профессии под руководством Надежды Петровны, совершили и первый трудовой подвиг – закончили годовую программу за десять месяцев. С тех пор Марининская гидравлика прочно завоевала добрую славу. С уважением говорят на гидравлике о бригадире Усаниной Клавдии Александровны, о забойщиках Ушаковой Елизавете и Архиповой Анне, с любовью отзываются о комсомолке Русиновой Любе – освоила трудную профессию землекопа. Из месяца в месяц дает Марининская гидравлика металл сверх плана. В летний сезон 1944 года артель Жуковой выполнила план на 197 %. В августе завершила программу 1944 года. Много премий получила за свой честный и самоотверженный труд Н.П.Жукова, но самую почетную, заслуженную награду она получила в ноябре, в канун 27-й годовщины Октября. Сердце радостно дрогнуло, когда узнала, что нарком Цветной металлургии наградил ее «Почетной грамотой».

По достоинству имя Н.П.Жуковой заносилось в книгу почета знатных людей Исовского прииска. За август 1944 года Марининская Краснознаменная гидравлика выполнила план на 150%. В период 1941-1945 годов многих работниц наградили медалями «За доблестный труд».

Хотя труд был не женский...

На Исовском прииске я проработала тридцать с лишним лет. Семнадцать из них - на прямом производстве: горным мастером, начальником участка, начальником гидравлики. Нас, женщин на этих должностях было трое: я, Соловьева Нина Матвеевна, Романович Софья Константиновна. Когда началась война, я работала на Троицком горно-старательском участке, здесь же работала Романович, а Соловьева на Журавлинском. Работы на всех участках в летнее время были гидравлические, в зимнее – подземные. В то время механизации почти не было. Зачистка плотика велась вручную при помощи кайлы и лопаты, породу отвозили тачками. В шахтах и штольнях вагонетки и тачки приходилось откатывать вручную. Так что труд, прямо скажем, был не женский. Но мужчин на прииске с каждым днем становилось все меньше, и меньше – они уходили на фронт. Их заменяли жены и сестры, сыновья и младшие братья. Вчерашние домохозяйки и школьники становились забойщиками, гидромониторщиками, мотористами, слесарями.

«Все для фронта, все для победы» – этот лозунг выражал мысли каждого. С трудностями не считались. Работали по двенадцать часов, без выходных. Многие домохозяйки объединились в женские артели и стали добывать металл. На Журавлинском участке такую артель создала И.П.Жукова, на Троицком - А.И.Сапожникова. Были такие артели и на других участках. Некоторые женщины шли со своими детьми, перемывали гидравлические отвалы, собирали крохи драгоценного металла в общую государствен-

ную копилку. В крупных старательских артелях многие женщины уверенно заменяли мужчин, выполняли тяжелую работу забойщиков и гидромониторщиков. Это А.С.Бердникова, З.М.Бастрикова, Ф.И.Попова, А.Ф.Третьякова, П.Ф.Нечаева и многие другие. На Артелинском участке работали мальчишки, которым бы еще в бабки надо играть, а война послала их на трудовой фронт. Первое время, они не имели никакой сноровки, до конца смены эти мальчишки изматывали свои последние силенки. Каталям тоже приходилось не легче. Накайленную породу надо погрузить лопатами в тачки или вагонетки и подкатить к устью шахты или штольни. Тяжело, сыро, душно. Но ребята не хныкали, не пасовали перед трудностями. Да и как хныкать, когда только и разговору, что о войне, о тяжелых кровопролитных боях. Там нашим еще трудней. Постепенно ребята втянулись и стали работать как заправские горняки. В числе таких запомнились Д.Маслеников, Б.Гусельников, Г.Пильников, Б.Баранов, Б.Трошин, И.Мишанский.

Для подземных работ часто не хватало крепей, лес для них приходилось заготавливать самим. Бывало и так, что заготовим, а вывезти не на чем. Лошадей не хватало для того, чтобы привезти дрова для школ, для семей фронтовиков. Тогда сами запрягались в сани...

Многие из нас страдали из-за отсутствия обуви. Та, что оставалась от мирного времени, изнасилась. Пришлось переходить на лапти. В каждой артели были свои лаптеплеты. Надо сказать, что им приходилось заниматься не только лаптями. Гидравлисты испытывали постоянно трудности из-за недостатка прокладочного материала. И вот наши лаптеплеты стали плести прокладки из мочала и лыка.

Но война запомнилась не только лишениями, не только изнурительным трудом, но и хорошей сплоченностью, дружбой, постоянной готовностью людей прийти на помощь друг другу. Мужчины и подростки, которые оставались в тылу, помогали семьям фронтовиков заготавливать и возить дрова, сено, перекрывать крыши. Старушки бросали все свои домашние заботы и шли присматривать за ребяташками, матери которых работали на производстве. Вечерами, несмотря на усталость, женщины шли в клуб или собирались у кого-нибудь в дому: вязали теплые носки, варежки, шили полушубки, собирали валенки и другие теплые вещи. А потом заботливо укладывали эти вещи в посылки и отправляли на фронт.

День Победы застал меня на Бушуевском горностарательском участке. Я жила тогда прямо в участковой конторе. Слышу, рано утром стучит охранник: «Вас вызывают к телефону главный инженер Сергей Митрофанович Двинин». Бегу к телефону, хватаю трубку и слышу радостный, взволнованный голос: «Победа! Поздравляю вас и весь коллектив»... Не помню, как выбежала на улицу и тоже всех встречных стала поздравлять. А потом оседлала коня и повезла эту радостную весть на участок. Сколько в этот день было радости, слез, объятий. Да разве расскажешь об этом!

В.Лобанова

Николай Васильевич Перминов

Родился в поселке Ис, в том же доме, где проживает в настоящее время. Отец перевез этот дом из соседнего поселка. До революции на улице, которая носит ныне название Клубная, жило три купца, поп и три кузнеца. Три кузницы, одна из которых принадлежала его деду, стояли неподалеку, на берегу реки Ис. «Отец тоже был кузнецом, а я электросварщик, и два сына моих тоже сварщики», - говорит Николай Васильевич.

Началась война, отец и старший брат ушли на фронт и Николай, не кончив 5-й класс, пошел работать на конный двор, там конюхом работала его мать, стал возить в столовую и магазин продукты. Вскоре направили учиться в ФЗО, окончил по специальности - кузнец ручнойковки, но работать определили в котельно-сварочный передел центральных механических мастерских прииска, к мастеру Мителеву Сарапиону Павловичу. В переделе две бригады котельщиков вручную балодками насаживают козырьки на дражные черпаки, вгоняют валы в ролики, вальцуют бутарные листы из железа толщиной 18 миллиметров, с помощью балодки и зубила рубят холодный металл. В цехе всю смену стоит грохот железа, работа тяжелая, руки ночью болят, зимой целый день на холодном металле, все это в старости отразилось на здоровье, заболели ноги, спина и руки.

Семья пять человек, кроме матери четыре человека детей. Питались плохо, хотя с голоду и не пухли, так как имели корову и огород, картошки и других овощей было вдоволь, но хлеба не хватало. Рабочим по карточкам давали 800 грамм на день, иждивенцам 400 грамм детям, взрослым-300 грамм, пришлось заниматься мелким старанием. Нас четверо: я, мать, соседка с сыном, таким же подростком, как я. Работали за продснабовскими складами. Еще в начале века там работала «чаша», в которой под напором воды, вращающимися лопатками перемешивалась порода. Вращение лопаток осуществлялось конной тягой. Тяжелый металл /платина/ и шлихи оседали на днище чаши, а переработанная порода по лотку выбрасывалась наружу. В народе эти отходы называли «сорами». Стопроцентного улавливания металла чашей, естественно, не получалось, и часть его терялась с сорами, которые мы сейчас и перемывали. Инструмент у нас простой, можно сказать первобытный: две колоды /лотки из досок/ шириной около 40 сантиметров. Первая колода длиной 1,3 метра, она ничем не застилалась, вторая длиной примерно 1,5-1,7 метра, ее после установки застилали рогожками из морской травы, сверху дражные металлические трафареты, закрепленные уголками; примитивный самодельный ручной насос, его называли «машинкой», для подачи воды на колоды. «Машинка» представляла из себя деревянный патрубок с насаженной на него трубой диаметром 100-120 миллиметров, длиной 1,5-2 метра. Патрубок имел отверстие, в котором перемещался поршень в виде простой палки, на конце которой закреплен кусок кожи. Внизу у патрубка обратный клапан. Пара лопат и старательский ковш. Все- это носим с собой, оставлять нельзя, украдут. В нескольких местах из соров ковшом берем пробу, блеснет 2-3 крупинки платины, там и копаем, тачкой везем к мутилке /колодам/ на

расстоянии 20-30 метров. Наша задача перевезти 100-150 тачек. Вываливаем в верхнюю колоду, в нее же насосом качаем воду, лопатой разбираем в ней комки глины и слежавшегося песка. Все это стекает на нижнюю колоду, там происходит на трафаретах окончательное разрыхление, тяжелая платина и шлихи оседают на рогожке, а пустая порода с водой стекает, ее отбрасываем лопатами в сторону. После промывки рогожку тут же вытряхиваем в колоду, промываем водой, а оставшиеся шлихи окончательно доводим в ковше, сушим, разную мелочь и пыль отдуваем, остается один чистый металл. За день намывали по 2-3 грамма, хорошее содержание нам не попадало. В тот же день несем в золотоскупку и сразу отовариваемся. Главным образом покупаем муку, сахар, соль. Мешок муки 75 кг. стоил 8 рублей /бонов/. Помнится - гармошка стоила 14 рублей. Тогда все шли на «мелкое» старание: старики, женщины, дети 10-12 лет и старше, кто с мутилкой, а кто и просто с ковшом. Ни у кого не спрашивали, где можно, а где нельзя мыть, никто и не препятствовал. Цена определенная, из чего она складывалась, никто не знал, о налогах тогда и речи не было. Некоторые старатели мыли на «Машертах». Это те же колоды, пошире и длиннее. Поверх рогожек крепится металлический лист с отверстиями, типа дражного бутарного листа. Породу валят на него, кто-нибудь качает и подает воду насосом, а 2-4 женщины скребками /короткие прямые лопатки/, разрыхляют ее.

В крупных государственных и хозяйских артелях под лист тайно ложили вторую рогожку и таким образом, крали металл.

«Мне приходилось работать в артели и на пронос» Это делается так: в логу, пока нет паводковой воды, или не качают насосы, заготавливают породу, ее подвозят со стороны или из шахты. Роют специальные канавы с уклоном, когда пошла вода, породу сбрасывают в эту канаву лопатами, тачками или конными таратайками. В канаве все это перемешивают, разбивают комки глины, чтобы было помельче. Тяжелый металл- платина, оседает тут же на первых метрах, а песок и мусор стекает дальше. Так мутят несколько дней, затем воду перекрывают, или пускают в другую такую же канаву, где происходят такие же операции, а осадок из первой канавы выбирают и везут на шлюзы, там обычным способом споласкивают. Зачистка производится очень тщательно, промывают каждый камень, выковыривают песок из любой щели, а когда рабочий вылезает из канавы, его заставляют промыть сапоги, чтобы к ним не прилипло что-либо нужное.

На Журавлике и в войну некоторые старатели жили богато - Киселевы, Дерягины, Боголюбовы. У них были лошади, места знали, где мыть, и вообще частное старание было поставлено на широкую ногу. Намывали хорошо, получали много, бывало, из золотоскупки продукты и товары везли возами: консервы, хлеб, сахар, соль, сало в бочках и прочее, а мы смотрим и только облизываемся.

На Песчанке одно время Огибенин, Пагги, Сахабуддинов, Нечкин и еще кое-кто напали на хороший металл и мыли до 100 граммов в день, на станок нанимали вспомогательных рабочих из числа женщин и платили им по 50 копеек /бонами/ в день. Но богатое содержание выбрали быстро.

На мелком старании

Климентию Фиогнеевичу Зудову к началу войны исполнилось 13 лет. Семья большая, кроме родителей шесть человек детей, старшему сыну 16 лет, младшей дочери один год. Отец Фиогней Епсихеевич, работал в старательской артели на Ивано-Никольской гидравлике, за поселком Дружелюбный. Председателем артели (артельщик) был Поскребышев. У отца было крепкое хозяйство: дом с дворовыми постройками, лошадь, корова, овцы, свиньи, куры, большой огород. Когда его взяли на фронт, 4 июля 1941 года, семье оставил десять мешков муки, крупу, сахар и другие продукты. Настоящие старатели всегда жили хорошо. В сентябре того же года он погиб под Ленинградом.

Старшего брата Григория взяли в 1942 году. Был грамотный, физически развит, поэтому попал в авиацию, выучился на бортмеханика, воевал на бомбардировщике, остался жив и после войны до выхода на пенсию служил в армии.

Второй из сыновей, Клим, остался за старшего, пошел пасти коров. С ранних лет любил лошадей, умел обращаться с ними, поэтому отцовскую лошадь продавать не стали, а в начале сорок второго года вместе с конем поступил на работу в техникум. Зимой возил дрова в котельную, весной распахивал целину под овес и картошку в подсобном хозяйстве техникума, которое находилось за Бушуевкой на берегу реки Выя. В качестве рабочей силы использовались студенты, зимой их кормили по низкой цене в столовой. Клим Фиогнеевич, вспоминая те годы, рассказывает: - Нас с матерью осталось семь человек, продукты от отца остались, поэтому нужды в них первое время не чувствовалось. Летом сорок второго с дедом Земленным Иваном Федоровичем вдвоем пошли стараться. Старик был коренастый, крепкий, работать мог. В Андреевском логу, за стадионом, били шахты (дудки) глубиной от трех до пяти метров. Один внизу нагружает бадью песком, второй воротом выхаживает ее вверх. В конце дня таратайкой породу везем к ручью и там промываем на мутилке. Дудку не крепили, работали, пока не начнет осыпаться. Бывало, две - три дудки выроешь впустую, а иногда попадало за день грамм 15-18, могло быть и не больше 5-6 грамм. За один грамм давали два с половиной бона, на них покупали продукты и овес для лошади. Здесь проработали недолго, около месяца, не понравилось, много пустого, а порода каменистая, тяжелая. Перебрались на территорию Ивано-Никольской гидравлики. Лошадь своя, рано утром едем на работу. Здесь шахты не бьем, песок залегает поверху, работаем в бортах. Они тоже за десятки лет уже перерыты не раз. С ковшем ищем подходящее место, берем пробу. Вот в ковше блеснуло две-три песчинки платины, здесь и начинаем рыть. Породу везем к речке, там промываем, здесь крупных намывок нет, но каждый день металл понемногу попадает, и работать на поверхности легче, чем в шахте. Старателю всегда хочется больше, вот и нам надоело собирать по 3-4 грамма в день. Сделали плот, установили на жерди черпак «пахарь» и поплыли по Ису от поселка Троицкого до Крестов. Работаем от зари до зари, пристанем днем к берегу, перекусим, поьем чаю и снова за работу, хорошо летом, в воде рыба играет, на берегу птицы щебечут, кругом зелень, но намывки те же 3-4 грамма в день, на еду семье правда хватает, хотя большого «фарта» и нет.

С наступлением холодов старание забросили. Работать стал на лошади, возил жителям сено, дрова, спрос большой, хотя заработки и не велики, тогда стеснялись со знакомых и соседей брать много, только бы прокормить себя и лошадь. Весной пахал огороды, а летом пошел работать в старательскую артель Андреевская, где председателем был Казанцев Николай, фронтовик, уволен по ранению. Артель около 50 человек, в ней работали такие опытные мужики, как Ждановских Федор Иванович, Костин Алексей Федорович, Дубовцев Андрей Павлович и другие. На гидравлике насосная станция, землесос 8НЗ, гидромониторы. Землесос с зубчатой цепью, которая постоянно вращается, отгоняя от всаса мусор. Мотор для привода цепи маленький, часто горит, по ночам меня посылают за новым двигателем в Именновскую. Ночью ездить опасно, особенно осенью и зимой, в войну появилось много волков. С собой брал младшего брата, едем, бывало, а волки стоят на дороге и не уходят, берем топоры или палки и начинаем стучать по листу железа, пока не разбегутся. Однажды ночью послали меня за чем-то в поселок Артельный. Еду по лесу, вдруг на дорогу сзади выскочил медведь и страшно заревел. Лошадь подхватила и помчалась вскачь, я еле за телегу ухватился, гнали до поселка Федино, пока огни не увидели, только тогда лошадь успокоилась и перешла на шаг.

А голодные волки ночью в зимние месяцы забегали на окраины поселка Ис и драли собак. Зверя и птицы в лесах было много. Я несколько раз с другом за косачами ходил. Однажды убил 16 штук, они килограмма по полтора, еле домой принес. Артельщик Казанцев, мужик хороший, покладистый, на рабочих не шумел, не ругался, да и причин для этого не было. Люди трудились добросовестно, работа сдельная, сколько намоешь, столько и получишь. Работали без выходных, содержание металла в породе неплохое, и намывки были хорошие. За месяц снимали по 6-7 килограмм. Особенно тщательно делали зачистку плотика перед сполоском. Мониторами смывают породу, затем лопатами и скребками зачищают песок из всех щелей, в ямах, из-под камней. Все это тачками везут к зумпфу, а оттуда пульпу землесосом по трубе гонят на шлюзы.

Распорядок дня строгий, 50 минут работают, 10 минут перекур, обед тоже начинают и кончают по часам и все вместе. На зачистке вся артель занята, тут главное качество, бывало, каждый камень обмоют.

При передвижке землесоса на новый забой работают без перекуров и перерыва на обед. От землесоса зависела работа всей гидравлики. Работает он, значит на шлюзы поступает металл. Землесос цепляли тонкими тросами и тащили волоком по плотнику ручными воротками, помогали веревками, как бурлаки и ломиками.

— Раз - два - взяли! - кричал бригадир, все наваливались, и установка двигалась вперед. Когда землесос подтаскивали уже к месту установки, артельщик давал мне денег и говорил:

— Давай, Клим, гони в продснаб, вези бочонок браги. Я, в зависимости от полученной суммы, привозил 20 или 40 литровой бочонок. На поляне уже была выложена закуска, и это событие отмечали. Сильно не напивались, но домой расходились навеселе.

Зимой артелью били шахту на поселке Комиссаровский. Шахта большая, хорошо крепленная, с широким штреком и узкими рассечками на пять забоев. Норма выработки

на одного забойщика с каталом 4,5м³. В течение смены забойщик, чтобы не получилось обвала породы, ставил 2-3 огнива со стойками.

Особенно силой и сноровкой у нас отличался забойщик Ждановский, мужик высокий, сильный. Каталом у него была женщина подстать Ждановскому, выработка у них всегда была выше, чем у других. Породу от забоев к стволу возили тачками на расстояние до 30 метров. В главном штреке и в забоях электрическое освещение. Я зимой возил к шахте лес для крепи, на нее в основном шел ровный сосняк. Зарабатывали в этой артели хорошо. Мне кроме основного тарифа платили полтора рубля золотых за лошадь. В конце месяца, после получки, я продуктов вез почти полную телегу: муку, крупу, жиры, мясо, сахар, американские консервы в банках, давали также водку и спирт в бутылках.

В конце войны уже меня перевели в артель П.В.Крохина в Сухом логу. Когда не было работы на лошади, я управлял гидромонитором. Эта специальность мне понравилась, и я усвоил ее хорошо, особенно на выгонке песка и на подбойке породы. Здесь однажды нам попал самородок платины больше 100 грамм.

В военные годы многие жители поселка Ис занимались мелким старанием на Андреевском логу, как только отработали участок, зачистили его и перенесли землесос, сюда сразу шли люди, кто с ковшом, кто с тазиком и начинают собирать оставшийся песочек из-под камней, в ямах, расщелинах и других укромных местечках. Собранный песок промывали, Кому-то и повезет, намыл 3-4 грамма, значит день-два семья сыта.

Однажды, после войны уже, мы с жителем Песчанки Субботиным Иваном Михайловичем пробрили дудку глубиной 4,5 метра и напали на хороший мывкий песок. С пяти палубков (05 м³) намыли сразу 104 грамма платины. Почти воз продуктов на двоих привезли домой. На жизнь я не обижаюсь. В войну жил неплохо, лошадь всю нашу семью кормила, ну и платину промышлял немного.

Государственная шахта

Добычей платины в годы войны в ней занималась одна из старательских артелей Кировского прииска треста «Уралзолотоплатина». Расположена в пяти километрах от поселка Красный Урал, по дороге в сторону деревни Захаровка. Место так и называлось -Захаровский горно-старательский участок (ГСУ).

Кроме основной, было еще несколько других, глубиной до двадцати метров, шахт.

Артель большая, в ней работали мужчины старше пятидесяти лет, непригодные для службы в армии, женщины, в основном заменившие мужей, ушедших на фронт, и подростки. Несколько забойщиков было молодых, здоровых мужиков, освобожденных от воинской службы «по брони».

Поблизости трудились и вольные старатели-одиночки. Среди них особенно выделялась семья Голицыных. Она имела свою лошадь с таратайкой, необходимый стара-

тельский инструмент и промывальное устройство. Жили хорошо, даже богато. Жили в своем доме, недалеко от Госшахты. Но бывало и бедствовали, когда «фарт» из рук вдруг ускользал, платина не шла, намывок неделями не было. Тогда съедали накопленные запасы, жадно бросались на работу, кидаясь с одного места на другое, пока не находили жилу и тогда все становилось на свои места, в торгсине закупали продукты питания и овес для лошади.

Место вокруг участка красивое. Смешанный лес: ельник, пихта и сосна сменялись лиственными деревьями. Много было лесных полянок и покосов, по логам текли ручьи и речки. В лесу ягоды и грибы, водилась много птицы и мелкого зверя.

Около шахт и обогатительной фабрики природу портили отвалы пустой породы. Ее от добычных объектов и обогатительной фабрики возили таратайками на лошадях, позднее проложили временную железную дорожку, по которой коногон Вася Ельников вагонетками отвозил на лошади.

В летний период, кроме подземных, работы велись открытым способом. Крепкий и скальный грунт взрывали. Делалось это вручную. Один человек, обычно девушка или парень, держит стальную пику, а второй, кто посильнее, бьет балодкой по ней. Шпуры вбиваются на глубину одного метра. Их готовится около пятидесяти штук. Закладывается взрывчатка и производится взрыв. Пустую породу везут в отвал, а металлосодержащую на обогатительную фабрику, небольшое помещение, типа сарая, сделанное из досок. В здании стоит чаша, внутри ее бегуны - рычаг, на концах чугунные катки. Рычаг крутится по периметру чаши, а два мощных чугунных катка разбивают и рыхлят, под напором струи воды породу. Если породы в чашу засыпалось много, то бегуны начинают прыгать по крупным кускам и качество рыхления ухудшается.

Механик старательской артели, приходя на фабрику, предупреждает: - Помаленьку, помаленьку засыпайте, и равномерно.

В смене работает два человека: завальщик и моторист. Подачей породы занимается завальщик путем открывания заслонки бункера.

В качестве привода бегунов служит электродвигатель. На конце его вала закреплен малый шкив, на него одет плоский ремень, который приводит в движение большой шкив, установленный на промежуточном валу. На другом конце промежуточного вала посажена малая зубчатая шестерня, работающая в зацеплении с большой шестерней с деревянными съемными зубьями следующего вала. Все это и приводит в круговое движение вал бегунов.

Деревянные зубья на большой шестерне часто ломаются, приходя на фабрику, механик в сумке всегда носит запасные березовые зубья. Изломанные убирает, а новые вставляет в специальные пазы этой шестерни. Но вся эта сложная система была открыта, не имела предохранительного ограждения. Крупные камни из чаши выбрасываются через специальное окно наружу, а мелкая, раздробленная и разжиженная смесь, в том числе и металлосодержащий песок, со дна чаши поступает на обогатительные шлюзы - где тяжелые шлихи оседают под решеткой, на резиновых матах, или простой рогожке.

Весь этот процесс периодически останавливается, производится сполоск, сушка и

отдувка шлихов. На рабочем столе доводчика остается маленькая кучка чистого драгоценного металла - платины, - результат тяжелого, упорного труда большого коллектива старательской артели.

Осенью 1942 года мотористами на фабрике работали два шестнадцатилетних одноклассника с Белогорского поселка - Леня Симанов и Дрося Колобова. Рабочая смена двенадцать часов. Менялись в восемь утра и в восемь вечера. Зимой, в плохую погоду оставались ночевать в общежитии.

Дрося тоненькая, стройная и привлекательная девушка. Любая одежда, будь то платье, кофта или юбка, все ей было в пору и к лицу. По любому поводу, в разговоре с любым человеком улыбалась, прищурив приветливо серые глаза. Никто и никогда не слышал от нее грубого слова. Разговаривала ровно, не показывая неприязни, если даже человек и не нравился ей. В детстве любила выступать в своем клубе, легко и красиво отплясывая на сцене. В классе была лучшей ученицей. Нужда и голод заставили эту способную, умную девушку бросить учебу и в шестнадцать лет пойти работать в старательскую артель на тяжелую мужскую работу. К своим обязанностям относилась ревностно, старалась выполнить порученную ей работу добросовестно. Дома у нее были родители, старшая сестра Доля, тоже мотористка, и младший брат Александр, учащийся школы.

Семья Симановых на Белогорском поселке была одна из самых бедных и несчастных. Отца не было. Мать неграмотная, забитая нуждой женщина, работала прачкой. В семье четыре сына. Старший Михаил - «тронутый умом» человек, служил объектом насмешек соседних мальчишек и пересудов поселковых тетушек. Из троих оставшихся, Леня был старшим, первым помощником матери, во время ее отсутствия хозяином в доме. Среднего роста, плотного телосложения, характером смирный, среди других ребят старался не выделяться, особым умом и сноровкой не отличался. Был простым, скромным и даже застенчивым парнем. Дружбу вел с такими же ребятами из бедных семей. В последнее время Леня, если сменял на работе Дросю, просил:

— Посиди хоть пять минут со мной. - А сменяла она его, то оставался на недолго тут же, молча сидел, затем молча, не простившись, вставал и уходил.

Наконец осмелился и прямо сказал:

— Дроська, я тебя люблю! - Ее удивило и обидело то, что не назвал ее как-то по нежному или просто Дросей, а как обычно в школьные годы, как первоклассницу, грубо - Дроськой.

Девушка растерялась, промолчала. Тогда он говорит:

— Я знаю. Ты Костю любишь, а он тебя не любит.

— Откуда ты взял, что я его люблю?

— Я следил за тобой. Ты ходишь в верхний конец улицы и смотришь на его окна.

Через несколько дней вопрос решился просто, но трагически. По инструкции шестерни зубчатой передачи и подшипники нужно было смазывать при остановленном механизме, то есть при отключенном электродвигателе. Но механик артели, пожилой уже человек, дал устное указание смазку производить на ходу, без остановок, так как

она вела к снижению производительности фабрики, хотя и к небольшому, но сокращению добычи металла.

Густая смазка при этом забрасывалась на зубья шестерни специальной деревянной лопаткой. Перед концом смены Леня решил шестерни смазать, но не рассчитал и лопатку потянуло между зубьями. Надо было бы бросить ее, а он попытался выдернуть, но не успел, руку затянуло между шестерен, его перебросило через передачу, упал на движущийся с большой скоростью ремень. Сломало руку, таз, правую ногу и вообще всего побило.

На лошади в больницу повезла Дрося, в дороге он попытался еще шутить. Спасти Леню не удалось, умер на операционном столе. Мы всем классом ходили на его похороны. Семья Симановых осталась, без кормильца, только на пайке хлеба по карточкам.

Механик сразу уволился с работы и куда-то уехал. Дрося через пару лет случайно встретила его на рынке в Сарапуле. Он попросил ее, чтобы никому не говорила, что видела его. Боялся привлечения к уголовной ответственности, хуже того, могли приписать вредительство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Новым механиком был назначен молодой парень. По делу и без дела ходил на фабрику и лез целоваться. Однажды отключили электроэнергию. Завальщица пошла на обед и попросила вычистить чашу с бегунами. Дрося приступила к работе и вдруг на дне чаши увидела блестящий камешек, взяла в руки, очистила от грязи, оказался тяжелым. Платина примерно в пять раз тяжелее обычного кварца. Сразу поняла, что это драгоценный металл побежала к председателю артели. Тут же взвесили. Оказалось семьдесят пять граммов. Дросю похвалили, дали небольшую премию. Но не все по достоинству оценили ее поступок. Многие посмеивались над ее простотой и честностью, а один черноисточинский парень прямо назвал дурой - спрятала бы и пожила всласть. Каждый человек воспитан и судит по-своему. У Колобовых в семье неписанный закон - чужого не брать, жить честно, работать добросовестно! Родители такой подарок от дочери просто не приняли бы. Да у нее и мысли не было утаить, хотя можно было бы сбуть его за приличную сумму какому-либо одиночке - старателю.

Вскоре Дросю перевели мотористкой на откачку воды из шахты. Работа не завидная. Сверху бежит прямо на голову и за ворот фуфайки, под ногами лужа воды и грязь, стены насосной сырые и грязные, негде присесть, прислониться.

Всего на шахте проработала год. Денег не получала, платили продуктами: мука, крупа, масло, сахар, соль, мясные консервы. Дома картошка и овощи, так что была сыта, но адский труд.

Через год прочитала в газете объявление о том, что в Свердловске принимают на курсы кондитеров. Поехала туда. Шел 1944 военный год. На второй день после поступления на курсы, девушек повели знакомиться с работой. Думали попадут в «сладкий» цех, где готовят торты и печенье, а когда открыли двери и зашли внутрь, увидели десятки работающих токарных и других металлообрабатывающих станков. В цехе стоял гул, на станках из-под резцов вилась металлическая стружка. Их поставили учениками к работающим токарям. Самостоятельно отказаться от работы в военные годы было невоз-

можно. За самовольный уход с работы, как дезертира, могли привлечь к уголовной ответственности и судить по законам военного времени.

Вскоре научились работать самостоятельно. До окончания войны Дрося точила корпуса снарядов для реактивных установок, которые в народе любовно называли «Катюшами». С этой задачей, как и всюду, справилась успешно. Так практически и непосредственно она помогала своей Родине бить фашистов. Добросовестную, трудолюбивую девушку заметили, и когда отпала надобность в снарядах, ей предложили должность секретаря директора завода.

Через несколько месяцев приехала сестра Доля с подругой Тасей Субботиной, и уговорили поехать с ними в Сарапул для поступления в торговый техникум. Она согласилась и окончила его по специальности экономиста. Работать направили на базу промтоваров. Работа оказалась не по специальности и не интересной. Вышла замуж. Родился сын. Но семейная жизнь не удалась по странной причине. Сначала молчала, но потом сказала мужу, что её родители раскулачены, вся семья выслана из родной деревни. Свекровь была членом партии, секретарём первичной партийной организации. Узнав об этом, заявила, что Дрося опозорила всю её партийную жизнь

— Уезжай к своим кулакам, не позорь меня и моего сына, - сказала она. Муж в это время отдыхал в санатории. Дрося вернулась в Белогорский посёлок к родителям. Муж приезжал к ней, уговаривал вернуться, но она не согласилась. Здесь подходящую работу не нашла, поехала к родственникам в Пермь. Там работу по специальности нашла быстро, но не было городской прописки. Пришлось поступить на курсы воспитателей детских садов. После окончания их стала работать в детском садике, там прописку получила. Вышла замуж, родилась дочь Татьяна. Воспитателем проработала одиннадцать лет, затем перешла на работу кассиром в железнодорожную станцию Балмашная.

Старатели 20 века

Старательские работы в досоветский период расценивались многими инженерами как отрицательное явление, приносящее вред отечественной золотоплатиновой промышленности. В печати неоднократно высказывались мнения о необходимости если не полного запрещения, то значительного их ограничения. Основным недостатком старательской добычи считали то, что они, хищнически обрабатывая месторождения, быстро их обесценивали, заваливая промытой породой целые россыпи и поэтому снимали с них золота значительно меньше, чем можно было получить при правильно поставленных хозяйских работах.

Различные специалисты, в том числе и А.А. Рожновский, полагали, что старательский способ работы, опиравшийся на примитивные механизмы, не претерпевшие за целое столетие никаких изменений, и та легкость, с какой организовывалась при нем добыча драгметаллов, несомненно оказали негативное влияние на техни-

ческий прогресс отрасли, ибо не создавали стимулов для совершенствования техники и технологии .

Несмотря на большое предубеждение против старательской добычи она, однако, успешно развивалась. Различные золотопромышленные компании и фирмы широко использовали ее при отработке как коренных, так и особенно россыпных месторождений. На то были веские основания, поскольку старательский способ добычи имел ряд преимуществ, ибо не требовал издержек на первоначальное налаживание работ, кроме расходов на оформление отвода. Да и управление прииском, рудником упрощалось.

За первое десятилетие после победы советской власти старательский промысел пришел в упадок, как, впрочем, и вся отрасль. Хотя нэп и приоткрыл двери частной инициативе и предпринимательству, негативное мнение о старателях как «чужеродном» элементе сохранилось. Мешали недоброжелательность властей к нему, недоверие золотничков к правительству, осознание им полной неопределенности своего правового положения.

Но отношение большевиков к старателям постепенно потеплело. Это объясняется просто и связано с начавшейся социалистической индустриализацией, которая зависела от наличия у страны золотого и валютного запасов. Поэтому в 1928 году ЦК ВКП(б) дал партийным организациям золотопромышленных районов предписание с большим вниманием и осторожностью относиться к старателям. Местным властям было указано о свободе старательского промысла от всех видов обложения, а населению широко объявлялось о правах и обязанностях лиц, занимающихся добычей золота. Был упрощен порядок подачи заявок на получение делянок и разрешительных свидетельств на их эксплуатацию и разведку. Для привлечения старателей на прииски и рудники предусматривалось улучшение их материального и правового положения, культурно-бытового обслуживания, предоставления им ряда льгот: премирование за выполнение и перевыполнение норм, проведение подготовительных работ на артельных участках, поставка оборудования на выгодных условиях, отпуск материалов, инструментов по ценам ниже их себестоимости.

Предприятиям «Союззолото» и банкам вменялось в обязанность организовать скупку золота у населения, выплачивая вольнопринесителям премии на определенных условиях.

Вскоре появился ряд постановлений Совета труда и обороны, ЦИК и СНК СССР о правах, преимуществах старателей и льготах для них, обросший многочисленными ведомственными приказами, директивными указами, циркулярами и инструкциями.

В условиях безработицы, начавшейся коллективизации, обострением продовольственной проблемы, льготное законодательство для старателей привело к массовому притоку желающих «стараться» в золотоплатиновой промышленности Урала. Большинство из них были местными крестьянами, поэтому золотой промысел в регионе во многом зависел от положения дел в земледелии. В урожайные годы он ослабевал, а в неурожайные поднимался. Государственное продовольственное снабжение служило большим стимулом для золотничков, особенно ввиду общей нехватки хлеба в стране.

Старательские работы велись тогда многочисленными мелкими артелями, состоявшими из трех-пяти человек. В 1928 году в Нижнетагильском округе имелось 1135 таких коллективов. Артель, в которой насчитывалось два-три десятка старателей, считалась уже крупной. Артельная золотодобыча была наиболее развита в

Миасском районе. Когда здесь открыли золотоскупочный магазин, то на прииск буквально хлынул поток людей из деревни, где в то время разразилась коллективизация. Приезжавшие сами рыли себе землянки. С их прибытием прииск стал расти. Все россыпное и рудное золото добывалось старателями.

Артель «сколачивалась» так. В начале сезона инициативная группа старателей в управлении прииска намечала себе участок для его разработки и выясняла предварительные условия, на которых он может быть сдан. Затем уже набиралась сама артель, причем подбор людей производился не только с учетом их профессиональной пригодности, но часто по соображениям родства, дружбы, знакомства и т. д. Затем выбирали уполномоченного, оформив его избрание на общем собрании артели. После этого желающие войти в артель принимались с общего согласия ее членов.

На председателя артели возлагались административно-хозяйственные функции. В крупных коллективах он освобождался от работы и оплачивался особо. Как правило, старатели паевых средств не вносили. Те ссуды, которые выдавались приисковым управлением артели, распределялись среди ее членов поровну.

Зарплата старателей зависела прежде всего от того, насколько взятый ими участок оказывался золотоносным, а артель могла осилить добычные работы. Делянки часто предоставлялись неразведанные и артель иногда попадала на пустоту или площади с низким содержанием металла в породе, не имела средств бороться с водой, которая затапливала выработки, и тогда, конечно, заработки были мизерными.

Чтобы в какой-то степени предотвратить массовый отток с рудников и приисков старателей, СТО в 1928 году разрешил золотоплатиновым предприятиям увеличить им зарплату путем премирования за сдачу драгметаллов. Главное приисковое управление Урала помимо этого повысило от 25 до 60 коп. надбавки за каждый грамм сданного золота и от 50 до 70 коп. — за грамм платины, в результате чего их общий заработок возрос на 17,6%.

В отдельных районах, где отсутствовал рынок и где кооперация была не в состоянии обслужить старателей, им отпускали хлеб и фураж по твердым ценам.

Нижне-Тагильский округ за сдачу золотых самородков свыше 2 г стал выдавать премию в 60 коп. за грамм. Сдатчикам 1 кг золота выплачивалась премия в 100 руб., 3 кг — 400 руб., 5 кг и более — 800 руб.

Весной 1928 года государственные снабженческие учреждения сняли с пайка старателей как «элемент, не относящийся к группе рабочих». И только в июле удалось наладить обеспечение артелей хлебом и овсом, но ввиду того, что паек был ограничен (15 — 18 кг муки в месяц), а достать хлеб по нормальной цене было невозможно (в Верхотурье, например, пуд ржаной муки на рынке стоил до 6 руб.), то старатели избегали нанимать работников для заготовки сена и в разгар добычного сезона массами отлучались на покос.

По свидетельству А.П. Серебровского, на отдельных приисках заработок старателя составлял столько, что на него он не мог удовлетворять свои необходимые жизненные потребности. Поэтому там, где приисковое управление хотело удержать старателей, оно вынуждено было выдавать им ссуду, что способствовало развитию старательских работ и в итоге приостанавливало падение мускульной добычи металла, тенденция к которому имелаась. Но деньги на руки старатель получал только в тех случаях, если установленные вычеты за кредит не превышали суммы, причитавшейся за сданную продукцию. Расчеты записывались в артельную книгу, а за материалы и оборудование деньги удерживались из уплаты, получаемой старателями при валовой промывке золота из заготовленных артелью песков или руды.

Приисковое начальство повсеместно отводило старателям наименее рентабельные площади, а из указанных ими участков давало лишь те, которые предприятиями в текущем году не использовались. Только при первооткрывательстве золотничнику предоставлялось право вести добычу на разведанном им месторождении, каково бы содержание металла в нем не было. В этом случае первооткрывателю по закону полагалась еще и премия. Дискриминация старателей в обеспечении их рентабельными месторождениями объяснялась не только нехваткой последних, но и устоявшимся мнением, что артели, разрабатывая золотоносные участки, думали только о собственной выгоде, забывая о государстве. Они эксплуатировали их хищнически, выхватывая из «пирога» наиболее лакомые куски, оставляя нетронутыми бедные платиной места, чем вызывали неприязнь к себе со стороны приискового руководства, нередко ратовавшего за переход от старательского метода работы к хозяйскому.

Согласно правилам, артели заключали договора на разработку месторождений, в которых обычно предусматривалась их материальная ответственность за ущерб предприятию и неправильное ведение работ. За убытки расплачивались артельным имуществом, а за невыполнение законных распоряжений приисковой администрации, за утайку и хищение металла артель могли в наказание снять с работы. В каждом старательском коллективе имелаась прошнурованная книжка, в которой записывалось количество металла по мере его сдачи. Хранение его на руках категорически запрещалось и в случае обнаружения конфисковывалось безвозмездно. «Попадешься на этом раздругой, — пишет А.В. Манин, — прощайся с братьями-старателями и неси повинную голову за «хищение» государственного состояния на суд людской, суровый... А чтоб совсем не казались эти правила больно страшными, здесь же указано: первооткрыватель получает вознаграждение ... от трех тысяч до одного миллиона рублей! Таковых же счастливых местных старожилы (в Миассе) что-то не упомнят». От себя добавим, что и мы таких случаев не знаем.

После съемки с промывного устройства золото взвешивалось и отдавалось на хранение «старшому» артели под расписку в журнале. Затем оно доставлялось в контору прииска для окончательной очистки, взвешивания и сдачи в кассу.

В маленьких артелях при промывке на мелких приборах порядок записи и сдачи металла в контору был тот же, но золото или платина после съемки засыпались в

капсюль, который опечатывался старателем и оставался у старшего артели на руках. По мере накопления капселей производилась сдача их в контору. Существовала профессия баночника, который собирал металл в пакетах у артелей в опечатанную банку, а затем в золотоприемном пункте в присутствии их представителей она вскрывалась и старатели, обработав золото, сдавали его в кассу. Плата старателям за металл производилась по установленному паритету за грамм металла исходя из средней пробы золота по каждому прииску.

Размер утайки и хищения металла в процессе его массовой добычи установить невозможно, особенно при подземных работах, недостатке надзора и слабой квалификации большинства контролеров. Да к тому же не все старатели были в силах устоять перед соблазном, поскольку по укоренившимся у них взглядам утайка и хищение драгоценных металлов не считались воровством, а расценивались просто как их находка. «Вот остаток старой, — сокрушается А.П. Серебровский, - еще не сломленной психологии прежнего старателя, подвергавшегося жесточайшей эксплуатации на приисках при царском режиме».

Впрочем, платину воровали всегда и не только старатели. И в государственном руднике забойщик, кайля породу и обнаружив самородок, нередко клал его себе в карман. Конечно, он знал, что при выходе из шахты будет обыск, но был спокоен, так как смотрители были зачастую подкуплены. А вокруг прииска суетились жадные до платины скупщики, чаще всего «лица кавказской национальности», платившие за краденое золото не так скупно, как государство. Те вообще считали обворовывание государства «делом чести, доблести и геройства».

По недостатку контроля тащили платину и артели, «робившие» на россыпях.

Способствовало этому и то, что у них не всегда имелись вашгерды, а обычные станки по недосмотру или халатности смотрителей не опечатывались, вследствие чего старатели сдавали металла столько, сколько хотели, предпочитая при этом «Торгсин», где платину отоваривали щедрее, чем в скупочном пункте комбината или треста, а тем более, чем при прямой сдаче золота на предприятии. На этой почве между администрацией золотоплатиновой промышленности и «Торгсином» возникали трения.

Цены в «Торгсине» были разными. При стоимости 1 г золота 1 руб. 10 коп. 1 кг муки ржаной стоил 6 коп., а белой — 8 коп. Сухая колбаса стоила 90 коп. за 1 кг, а 1 м ситца — 5 — 6 коп., сатина — 7 — 8 коп. Хромовые сапоги стоили 17—50 руб., а костюм из шерсти — 15—20 руб.

В 20-х годах зарплата старателей распределялась между членами артели по паям: мужчина получал два пая, владельцу рабочей лошади добавляли еще один пай. Женщине, как и в прежние времена, причиталось 50%, хотя труд ее по тяжести мало отличался от мужского. На Березовском руднике, например, заработок старателя начислялся следующим образом. Забойщик первой руки получал три трудодня за 8-часовую смену, второй руки — 2,5 трудодня и т. д. Труд каталей, сортировщиков оплачивался так же. В 1937 году зарплата старателя в тресте «Уралзолото» в среднем составляла 30 руб.

золотом. Такой она оставалась и в годы Великой Отечественной войны. Это не чистый заработок, а показатель того, сколько они сдавали металла.

В Тагильском приисковом управлении старатели, работавшие в шахте и на поверхности, имели только норму по добыче металла, а кубаж отбитой руды был для них не столь уж важен и составлял 1,7 м³ на человека. Новый директор прииска Г.В. Долгих увеличил норму по добыче руды, а старатели, поработав стахановским методом, выдвинули встречную норму в 3 м³. Перестроили работу и стали выдавать по 4—5 м³ руды на каждого работающего. Переход на прогрессивную оплату труда позволил им снизить себестоимость добываемого металла с 1 руб. за грамм до 68 коп. Сдавая его даже по этой цене, старатели стали зарабатывать за смену не 1 — 1,5 руб. золотом, как это было ранее, а 2—3 руб.

Продолжительность рабочего дня старателей не регламентировалась администрацией и целиком зависела от их желания. Накануне воскресенья старатели сокращали число часов работы, и то летом, а не зимой. Артели по своему усмотрению делали перерывы в работе, зимой обычно на час, а летом до двух и более, главным образом для отдыха и кормежки лошадей.

Надзор за техникой безопасности на старательских работах был крайне слаб. При обследованиях обнаруживалось нарушение самых элементарных правил: отсутствовало ограждение ручных подъемных станков, слабое закрепление железных рукояток к ручным валам, отсутствие порогов, при спуске в шахту старателей у них отсутствовали предохранительные пояса, причем сам спуск производился с использованием старых и ненадежных канатов.

Но особенно тяжелое положение сложилось с обеспеченностью старателей жильем. Их поселки располагались прямо на территории приисков вокруг выделенных им участков. «Жилище старателя, — пишет А.П. Серебровский — в подавляющем большинстве случаев носит характер временной пристройки, так как старатель, работая на том или ином месте, не уверен в том, что ему придется на нем жить длительное время». Почти все землянки, бараки, — продолжает он, — без исключения холодные, сырые, темные, низкие. Углы и пазы совсем промерзают, температура помещения благодаря отоплению железными печками резко колеблется и поэтому постройка быстро разрушается. В большинстве своем временные пристанища старателей не соответствовали самым элементарным требованиям гигиены и санитарии и были по существу не пригодны для жилья. Средств на жилищное строительство для старателей государство совершенно не выделяло».

«Как жили полвека назад, — жаловались старатели на совещании при Уральском обкоме партии в сентябре 1929 года, — так и живем в лачужках по 20—30 человек, женщины и мужчины». «Жилища наши таковы, что хороший хозяин лучше содержит свою собаку, чем живут рабочие», — добавляли другие. Вот как описывал В.Н. Иванов увиденную картину из жизни старателей Южно-Заозерского прииска в 20-х годах: «Посередине барака, рассчитанного человек на 20, стояла большая железная печь. За общим столом при свете керосиновой лампы на скамейках сидели старатели и пили самогон. В разговорах слышалась ругань и матерщина. Каждая сдача артельского золота в

кассу сопровождалась вот такой коллективной пьянкой, длившейся в течение нескольких дней. Спали старатели на нарах, в одном помещении мужчины и женщины, и подростки». В подобных условиях жили они и на других приисках.

Старатели-одиночки и в старые времена встречались нечасто. Обычно они сбивались в артели или, как тогда говорили, в «артелки», в большинстве своем семейные. В советское время, а особенно в 30-е годы, на старательских работах администрация приисков и рудников основную ставку делала также на артель, коллектив, агитируя за переход к социалистической форме организации труда, поощряя и создавая соответствующие условия для работы артелей. Для этих лет характерны также небольшие артели, созданные по родственному принципу. Затем взяли курс на их укрупнение, так как в многолюдных артелях значительно облегчалась механизация работ, рационализация труда и в конечном счете повышалась его производительность. Процесс укрупнения мелких разрозненных артелей сдерживало лишь отсутствие достаточного числа разведанных месторождений, пригодных для эксплуатации их большими коллективами, а также дефицит оборудования.

В конце 30-х годов в старательском секторе стали применять 50-литровые драги «Гном» и «Лилипут», что позволило создавать крупные устойчивые артели, своеобразные старательские колхозы.

Тяга к механизмам у старателей была повсеместной. Артель А.Г. Лянцева с Кировского прииска, состоявшая из 47 человек, приобрела рудоподъемную лебедку, три центробежных насоса и работала в три смены. Заработок в ней распределялся не поровну, а по квалификации членов артели и их выработке. Однако надо признать, что механизация старательских работ в ту пору была еще очень низка и не могла идти ни в какое сравнение с технической оснащенностью крупных рудников и приисков. И все же вкус к технике у старателей появился, а стремление к высокопроизводительному труду заставлял их думать о приобретении машин, и прежде всего об установке более совершенных промывальных устройств.

«Железный нарком» и его заместитель понимали, что труд старателей надо как можно быстрее механизировать, иначе отрасль могла лишиться своих лучших кадров, ибо несмотря на свою любовь к золотому промыслу они уйдут на заводы и стройки, так как «одной кайлой и лопатой ничего не сделаешь».

«Мы обязаны, - писал А.П. Серебровский - как можно скорее и как можно полнее обеспечить старательские артели различными новейшими механизмами и гидравлическими установками, которые могут ускорить и удешевить добычу. Мы должны облегчить и сделать более прибыльным труд старателя и его семьи, увеличивать его заработок.

И это совершенно необходимо, ведь роль старательской добычи у нас немаленькая и эта добыча должна быть еще более увеличена. Она и будет увеличена, наши старатели сделали свое дело и вместе с нашими крупными рудниками, фабриками, приисками и драгами выведут нашу золотую промышленность на первое место в мире».

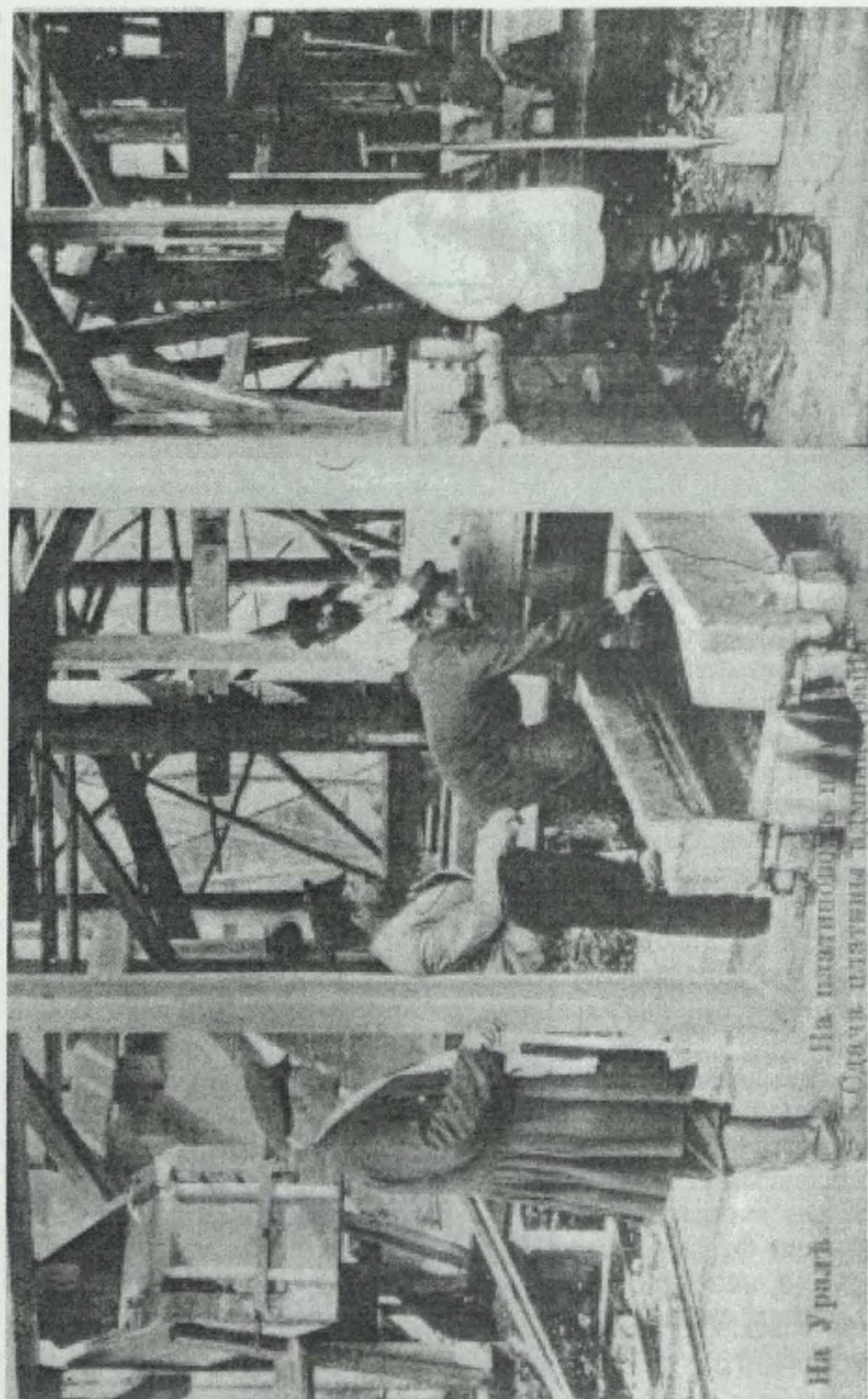
К сожалению, осуществить свои замыслы им не удалось. Слишком мало времени им оставалось жить.

Прием металла в золотоскупке

Старательская артель
1930 г.

Исовские промыслы (начало XX века). Сдача платины администрации

Нам симпатичны мысли В. Гринштейна о старателях, высказанные более трех десятков лет назад, видимо, в неопубликованном очерке, хранящемся в архиве. В нем говорится о том, что старатели были разные. Две стихии жили в них. Трудолюбивая — само слово «старатель» — от «старания», без которого золота не видать. Другая бесшабашная — от непрочного счастья, переменчивой удачи. Правда и то, что на Урале имелись две категории старателя. Один местный, у него свой дом, надел земли, словом, хозяйство. В жилище чистота, порядок, на полках книги. Детишки учатся в школе. Поэтому хозяин — человек солидный, осторожный, не суетливый. Повезет такому на золото, хорошо, а нет — счастья ловить не кинется. Примером может служить старательская артель С.А. Шалмина из села Кунгурка.

Другой старатель — пришлый. Это бродяга, всё снаряжение носил с собой. Накнулся на богатое золото, вырыл землянку и жил, пока течет золотишко. Кончилось — пошел на другое место. У этого старателя золото редко оборачивалось достатком.

Дверь золотоскупочного магазина с треском распахнулась. Еле пролезая между косяками, выкатилась бочка. Ее подталкивал краснолицый с шальными глазами мужик. Сзади теснились парни с рулонами бархата и плиса на плечах.

— Давай сюда, ребята! — заорал краснолицый. — Стели! Не хочу по грязи идти! По бархату!

Парни кинулись расстилать по улице дорогую материя. Мужик покатил по ней бочку к площади. Прохожие останавливались, переговаривались: Старатели гуляют. Фарт! А краснолицый, зачерпывал вино ковшом, зазывал пьяно:

— Пей, православные! Кому сколь охота!..

Такую историю рассказали автору очерка в Невьянском прииске. Произошла она не при царском режиме, а в 1934 году.

Но как ни «зажимала» советская власть старательские артели, всей своей историей они доказали, что являются прогрессивной формой хозяйствования, открывшей большие возможности для наиболее деловых, энергичных, инициативных, предприимчивых профессионалов золотодобытчиков. Трудозатраты у них при намыве золота были в 1,7 — 1,8 раза ниже, чем в госсекторе. По четкости и слаженности в работе они давали фору любому госпредприятию. В артели абсурден перерасход сметы, потому что оплачивать его никто не будет. Теряли смысл приписки, этот бич госсектора. Зачем они, если все равно не оплачиваются. Травматизм и заболеваемость у старателей в 4—5 раз ниже при более интенсивном труде. Умение кооператива работать лучше, дешевле, меньшими силами — главное их достоинство.

Только во второй половине 70-х годов, когда золотодобывающим предприятиям стало выгодно иметь при себе побольше артелей, они пошли на затраты по подготовке месторождений к их эксплуатации кооперативами, началась активизация старательских работ, оснащение их техникой. В стране появилось 23 тысячи старателей, объединенных в 190 артелей, на вооружении которых состояло 4,1 тыс. бульдозеров, в том числе 2,5 тыс. арендованных у горнодобывающих предприятий, состоявших с ними в договорных отношениях, 1,2 тыс. промышленных приборов, 1,7 тыс. автомашин. 700 тракторов.

Первая артель старателей появилась в объединении «Уралзолото» во второй половине 1976 года. Это была артель «Урал», организовывали ее Юрий Александрович Комков и Эней Николаевич Ерин, приехавшие из Якутии. Последний работал главным инженером шахтоуправления «Энтузиастов» комбината «Куларзолото» на берегу р. Яны в Якутии. Пошла подготовка документации, заброска оборудования, топлива, продуктов и других грузов на базу в Саранпауле, на севере Свердловской области. Оттуда по зимнику все было доставлено на участок Ярото-Шор в Обском бассейне. Уже за неполный первый сезон 1977 года артель намыла 166 кг.

Таблица

Добыча драгоценных металлов а/с «Приполярье» («Урал», 1977—1980 годы)

	Добыча, кг				Добыча, кг		
	золото	платина	всего		золото	платина	всего
1977	166	—	166	1987	379	31	410
1978	208	—	208	1988	361	49	410
1979	234	—	234	1989	406	55	461
1980	319	7	326	1990	313	40	353
1981	—	—	—	1991	414	17	431
1982	153	2	155	1992	217	12	229
1983	135	2	137	1993	317	31	348
1984	157	7	164	1994	277	22	299
1985	269	27	296	1995	228	5	233
1986	327	23	350	1996	143	1	144
Всего					5023	331	5354

В 1981 году, 18 февраля, она была расформирована в соответствии с решением Верх-Исетского райисполкома г. Свердловска № 58 от 5 февраля 1981 года, горные участки и имущество передаются артели «Тура». Однако разбросанность горных участков по северному и среднему Уралу резко осложнили управляемость артелью. В 1982 создается артель «Приполярье» во главе с Ю.А. Комковым с базами в г. Ивдель и пос. Малый Исток в Свердловске (рис. 16.46). Здесь свои силы на старательской ниве в должности главных инженеров в разные годы пробовали Д.Е. Молтушкин, Ю.И. Мальцев, Б.Д. Вялков, В.И. Жлудов. После смерти Ю.А. Комкова артелью руководил Михаил Владимирович Лозовой (с 1992 года).

А Э.Н. Ерин создает артель старателей «Тура», зарегистрированную 10 марта 1979 года, она базировалась в пос. Ис. Артель начала работы по освоению месторождения «Долгий мыс», отрабатывала россыпи в Исовском районе, в районе деятельности

Салдинского и Невьянского приисков, а после ликвидации а/с «Урал», вела горные работы и промывку песков на ее участках в районе деятельности Южно-Заозерского прииска и Тубинского рудника. Артель проработала недолго. Трагическая гибель ее председателя в автокатастрофе на Челябинском тракте поставила черту под ее существованием. Артель прекратила производственную деятельность с 1 ноября 1982 года, а ее ликвидация осуществлена на основании решения Нижне-Туринского горисполкома № 816 от 14 октября 1982 года. Исполняющим обязанности председателя артели и одновременно ликвидационной комиссии был назначен Александр Михайлович Ольховский, работавший до этого главным инженером артели и пришедший в «Туру» из а/с «Урал», где начал работу в должности главного инженера осенью 1979 года. Ликвидация артели была завершена весной 1984 года.

Таблица

Добыча драгоценных металлов

Годы	Район добычи золота					Всего, кг
	Салдинский	Невьянский	Нижне-Тагильский	Исовский	Красноурьинский	
1979	22,9	50,3	98,2	15,3	—	186,7
1980	77,0	37,2	123,6	131,6	—	369,4
1981	39,3	52,1	106,2	67,9	167,9	433,4
1982	62,3	64,1	—	12,3	35,2	173,9
1983	2,2	2,4	—	0,3	2,2	7,1
Итого	203,7	206,1	328,0	227,4	205,3	1170,5

Таблица

Добыча драгоценных металлов а/с «Нейва», кг

	Годы											
	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Золото	431,1	678,5	724,8	817,5	799,4	582,0	761,7	820,5	897,8	1111,2	1018,0	1087,3
Платина			46,6	91,1	109,0	18,8	0,2	1,5	1,2	0,5	0,9	2,9
Серебро						47,0	66,1	60,2	68,4	80,1	79,5	73,5

Старательская артель «Нейва» (г. Невьянск) создана 12 января 1978 года на базе ПО «Уралзолото». В артели трудились преимущественно специалисты из близлежащих городов, а председателем был избран потомственный горняк Александр Иосифович Ляпцев. В настоящий момент она имеет лицензии на право разведки и добычи золота из россыпей, а также ведет разведку Быньговского золоторудного месторождения собственными силами, которое, возможно, будет обрабатываться по технологии кучного выщелачивания. Средний годовой объем перерабатываемой горной массы 4,4 млн м³. Уровень добычи золота и платины в последние годы превышает 800 кг, а с 2001 года артель перешагнула рубеж 1000 кг, обеспечивая выработку золота на одного трудящегося до 1,8 кг. Артель разрабатывает Невьянскую и Тагильскую группу россыпей. До 1992 года объемы добычи золота входили в показатели Невьянского прииска ПО «Уралзолото».

В 1978 году в «Уралзолоте» уже работало три артели, в которых насчитывалось в общей сложности 230 человек. Это артели «Урал», «Нейва» и «Рудная». Они располагали 31 бульдозером и добыли за сезон 336 кг. Средний намыв его на одного работающего составил 1,5 кг. В следующем году стало 5 артелей, а число старателей в них превысило 500. При помощи 76 бульдозеров они намыли 529 кг золота и 37 кг платины. Содержание металла в 1 м³ горной массы снизилось за эти годы с 233 до 179 мг. Львиную долю золота (208 кг) за неполный сезон дала самая крупная артель «Урал», действовавшая на Приполярном Урале, где в тот год весна пришла поздно. Кстати, именно тогда на Урале начала применяться старательская добыча бульдозерно-гидравлическим способом.

Своим дальнейшим развитием старательское движение обязано не столько правительству, сколько деятельности таких людей, как Вадим Иванович Туманов (родился в 1927 году).

Разрешение Совмина СССР в 1955 году вести добычу драгметаллов старательскими артелями застала Вадима Туманова на Колыме. Бывший флотский штурман, участник войны с Японией он был арестован в 1948 году по 58-й статье за антисоветскую пропаганду и агитацию и лишь в 1956 году освобожден со снятием судимости. К тому времени он был уже расконвоирован, работал бригадиром и стал опытным золотодобытчиком. Туманов предложил организовать в 1957 году артель, которая бы мыла золото на уже отработанных полигонах. За сезон она сделала полтора задания. Эта первая артель называлась «Семилетка».

Ветераны «Уралзолота» говорят, что у Туманова в основном работали западные украинцы. Вадим Иванович с удовольствием их брал, поскольку были они специалистами широкого профиля, безотказными в деле, дисциплинированными. «Бандеровцы» ленивые только на госслужбе, а когда работают на себя, цены им нет на производстве», — смеется один из заслуженных пенсионеров, занимавший высокую должность в объединении, бывавший и в Кожиме. «У меня народу много, — обратился как-то к нему Туманов, — найди мне россыпушку». В Тубинском районе гидравлика давала 30—40 кг золота за сезон. Отдали ее Туманову. Половину старых кадров он выгнал и заменил их «своими ребятами». На следующий год гидравлика выдала 250 кг золота.

Для отбора кадров артель Туманова первой в отрасли завела компьютер, в котором хранились данные на 3—7 кандидатов на одно рабочее место. Принимаемых тщательно экзаменовали. Сварщиков заставляли варить потолочные швы, «расписываться» на железных листах. Бульдозеристы демонстрировали свое мастерство прилюдно, и специалисты тут же вели учет объемов проделанной работы. Об интенсивности труда говорит тот факт, что за сезон бульдозер изнашивал 3—4 комплекта гусениц минимум, тогда как на государственном прииске их бы ему хватило на несколько лет.

Второй компьютер в артели был загружен проблемами материально-технического снабжения, которое велось идеально.

Старательская артель «Печора» работала успешно, а по логике прокуратуры в эпоху «застоя» любой успех мог опираться только на криминальную, коррумпированную основу. Самая процветающая должна была стать и самой преступной. Ее неоднократно проверяли: артель будь-то бы копает золото с меньшей глубины, чем показывает в своих отчетах, а остальные объемы горных работ приписывает. Отсюда и высокая производительность. Организовали повторную геологоразведку отработанных «Печорой» площадей. Напрасно ПО «Уралзолото» пыталось объяснить, что его ведомственного контроля вполне достаточно. «Органы» привезли геологов с буровой установкой, создали комиссию и забросили ее на месяц на безлюдный участок. Приписок не было. Во многом артель удержалась благодаря моральной поддержке, полученной от ПО «Уралзолото» и его директора Н.В. Новака.

Проблемы у В.И. Туманова возникли еще при А.А. Ястребкове. Как-то на заседании бюро Коми обкома КПСС Александр Александрович делал доклад о перспективах добычи золота в республике. При этом отдал должное артели Туманова. Самая высокая в отрасли производительность труда. Даже мировой рекорд установили по промывке породы. Самая низкая себестоимость золота, строжайшая дисциплина, чистота в помещениях. Койки аккуратно заправлены, по линейке расставлены. Помянул и прошлое председателя артели.

Не стало артели «Печора», но она не проиграла в борьбе, победила, поскольку привлекла всеобщее внимание к проблемам старательских методов добычи золота,

В 1990 году на Исовском прииске создается артель старателей «Кедровая», которую возглавил Михаил Петрович Суханкин. Артель проработала до 1996 года и добыла 824 кг золота и 289 кг платины.

На год раньше рождается артель «Марковская» (В.А. Рыжов), которая работала на Невьянском прииске и бывших россыпях Салдинского карьера. Она добыла 1163 кг золота за период с 1989 по 1996 годы, но ее тоже постигла участь банкротства.

В 1993 — 1994 году произошло акционирование отрасли и производственные золотодобывающие объединения страны распались на большое число отдельных предприятий, иногда на десятки.

Современные старательские артели — это крупные горнорудные предприятия, в которых бывает занято до 1 тыс. и более человек. Из 6 тыс. трудящихся, насчитывавшихся в АО «Уралзолото» в 1995 году, 4 тыс. — старатели. На их долю пришлось 2 т золота из 3,5 т, добытых акционерным обществом, а также 80 % платины.

Таблица

**Добыча драгоценных металлов
Невьянским прииском ОАО «Уралэлектромедь», кг**

	Годы								
	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	
Золото	255,3	224,0	378,7,	420,6	527,7	530,8	455,5	227,1	3019,7
Платина	65,7	84,4	46,5	74,7	50,8	70,9	54,3	50,5	497,8
Серебро	—	15,9	22,4	23,0	29,4	—	—	16,6	107,3

Таблица

Добыча драгоценных металлов а/с «Фарта», кг

	Годы						
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	
Золото	51,7	103,9	76,3	46,5	17,5	21,2	317,1
Платина	17,6	20,4	27,4	20,0	1,4	1,2	88,0
Серебро	2,5	7,7	4,9	—	—	—	15,1

Таблица

Добыча драгоценных металлов а/с «Урал-Норд», кг

	Годы							Всего
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	
Золото	118,0	133,4	130,2	151,4	152,8	190,6	143,5	1019,9
Серебро			9,1	12,6	12,0	24,8	21,3	79,8

Председатель артели «Палладий» на м. р. Б. Каменушка В.В. Мельников. 2005 г.

У старой, сгнившей старательской избушки. Рч. М. Каменушка. 2005 г.

Дневная намывка золота старателем

В столовой старательской артели ООО «Палладий» м. р. Б. Каменушка. 2005 г.

Часть 2

О некоторых руководителях золотоплатиновой промышленности

Бурдаковы

Владелец Валериановского прииска принадлежал к известному купеческому семейству Бурдаковых, которые после разрешения частной золото- и платинодобычи в Гороблагодатском округе занялись этим видом деятельности.

К концу века компания «Я.Н. Бурдаков с сыновьями» и «Товарищество В.Я. Бурдаков и В.Н. Шаравьев» владели более чем тридцатью приисками.

Сам Викторин Яковлевич был не просто образованным человеком, но и действительным членом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) — одной из авторитетнейших научно-краеведческих общественных организаций России. В соавторстве с инженером И.М. Гендриковым Бурдаков написал очень обстоятельную статью о деятельности своего товарищества по платинодобыче, которая вышла в сборнике трудов УОЛЕ 1896 года.

Так что не стыдно жителям Валериановска за основателя своего поселка. И не вяжется его образ с мрачным стереотипом такого хищника.

Викторин Яковлевич состоял попечителем Нижне-Туринского двухклассного училища и Николаевского исправительного отделения (это знаменитая Нижнетуринская тюрьма), был директором тюремного комитета и шефствовал над земской школой. Вот бы с кого брать пример нынешним толстосумам.

За свою общественную и благотворительную деятельность В.Я. Бурдаков был награжден золотой медалью на Аннинской ленте.

В делах фонда горного инженера V Верхотурского горного округа фамилия Викторина Яковлевича встречается в заявках на отвод приисков вплоть до 1917 года. Какова дальнейшая судьба этого видного деятеля нашего края — предстоит выяснить.

Может, потому, что владельцы были людьми образованными и культурными, к концу XIX века и приисковая жизнь цивилизуется. Обратимся к свидетельству совре-

менников: «Следуя по Ису, путник то и дело встречает приисковые постройки, из которых некоторые не испортили бы улицы порядочного городка, при постройках есть огороды и садочки, даже теплички, а что это не поселки, а прииски, то это напоминает высокими, железными, всегда дымящимися трубами.

О том, как питались рабочие, свидетельствует сам Бурдаков. «Те рабочие, которые работают за поденную или месячную плату, продовольствуются от прииска. В определенном количестве отпускаются мясо до одного фунта, смотря по роду работ, масла до трех золотников и крупа на кашу, преимущественно пшено до 1/3 фунта. В употреблении же хлеба никаких ограничений не полагается и, в общем, его идет около 4 фунтов на рабочего. Хлеб готовится ситный и потребляется на второй день после выхода из пекарни. Мясо целый год употребляется свежее за исключением начала весны, т.е. до времени пригона скота из степных местностей».

Больницы на Валериановске у Бурдаковых не было, а была на бурдаковском же Николае-Святительском прииске. От Валериановска это 12 км. Постоянно вел прием фельдшер, а для стационарных больных было два отделения на 8 коек и на 4 - для инфицированных. Была больница и на самом отдаленном Александровском прииске. Для организации и оказания врачебной помощи владельцы пригласили дипломированного врача. Болеслав Яковлевич Янковский получил высшее медицинское образование в Бернском университете в Швейцарии. Думаю, и мы с вами, уважаемый читатель, не отказались бы полечиться у такого врача. В 1895 году прииски Бурдаковых инспектировала Верхотурская земская санитарная комиссия и признала их «в санитарно-гигиеническом отношении в общем удовлетворительными».

Бурдаков назвал прииск Валериановским в честь племянника, сына своей сестры Руфины Яковлевны. Валериан Михайлович Протопопов родился в Нижнетурином заводе. Отец его Михаил Капитонович, принадлежал к немногочисленному сословию потомственных почетных граждан. А Викторин Яковлевич кровное родство подкрепил духовным, став мальчику крестным отцом.

Наиболее известными платинопромышленниками второй половины 19 века на Урале были Бурдаковы. В 1896 году в печать было дано описание платино-промышленного дела Я.Н.Бурдакова с сыновьями и дела товарищества В.Я.Бурдакова и В.Н Шаровьева с 1869 года по 1895 год.

Верхотурские купцы Бурдаковы начали исчисление своего золотого промысла с 1869 года, когда приобрели Николае - Светительский прииск у речки Журавлик. Это месторождение открыто К.П.Голяховским в 1825 году и названо было рудник №7. Первый владелец рудника назвал его по имени его Превосходительства, управляющего департаментом горных соляных дел, Егора Васильевича Корнеева «Егоркорнеевским». Позднее его переименовали в прииск Николае - Светительский. В советское время назвали по одноименной речке - Журавлик.

Одновременно Бурдаковы вели работы на приисках Бушуевском и Успенском по увалам реки Выя.

Добыча в первые годы работы на Николае - Светительском прииске составляла:

1870 год - 7 пудов (114,8 килограммов), 1871 год - 11 пудов (180,2 килограммов), 1872 год - 15 пудов (246 килограммов). Прииск Тихоновский в 1876 году работал по речке Мокрой, в 80-е годы работы велись по речке Большой Гусевой; притоку реки Выи.

В 1881 году у Бурдаковых работало 10 приисков, а на первое октября 1895 года Бурдаковы и Шаровьёвы владели тридцати приисками, из них в работе было четырнадцать, в том числе Тихоновский и Валериановский.

История открытия месторождения платины на прииске Валериановском гласит:
№1324 копия 1

4 июля 1892 года

В Верхотурское уездное полицейское управление.

Золото промышленника Верхотурского купеческого
Сына Викторина Яковлевича Бурдакова.

Заявление

Чсть имею заявить Верхотурскому Уездному Полицейскому Управлению, что 5 числа июля месяца я отправил партию, состоящую из 4 человек рабочих и одного служащего для розыска золотосодержащих россыпей по р. Выя и её притокам в Гороблагодатском округе Нижне - Туринской даче; рабочие — сельские обыватели Нижне - Туринской волости: Иван Фёдорович Жбанов по рабочей книжке от 27 июня за №1171, Степан Яковлевич Берсенев по рабочей книжке от 5 января за № 42, Александр Родионович Жбанов по рабочей книжке от 16 мая за № 903 и Николай Гаврилович Каленеев по рабочей книжке от 8 апреля за № 612, под присмотром служащего Евгения Александровича Бурина, которые будут взяты с Тихоновского прииска купца Я.Н.Бурдакова, где и хранятся их увольнительные билеты.

Июль 2 дня 1892 года.

Золотопромышленник Викторин
Бурдаков.

С подлинным верно: столоничальник (неразборчиво).

7 июля 1892 года уездный исправник на заявлении Бурдакова ставит резолюцию:
«Копию перепроводить Окружному инженеру 5-го Верхотурского округа».

№ 1567

копия.

8 августа 1892 года.

В Верхотурское Уездное Полицейское управление

Золотопромышленника Верхотурского купеческого
Сына Викторина Яковлевича Бурдакова.

Заявление

Партия эта, как мне доносит доверенный Бурин, прибыла утром 12 июля на местность по р. Гусевой, впадающей в протоку реки Выи, с левой стороны, выше Майского

прииска Серебрякова в Нижне - Туринской даче. Осмотрев эту местность и, не найдя ни каких заявочных знаков других золотопромышленников, доверенный Бурин занял эту местность под разведку, оградив её разведочными столбами с лицевой стороны обращенными друг к другу надписями на них: «Занята эта местность под разведку золотопромышленником». В книгу заявок записана под № 3135 купеческим сыном Викториним Яковлевичем Бурдаковым 12 июля 1892 года, из которых один поставлен в 260 саженьях (350 метров) от устья реки Гусевой по левому её берегу в 20 саженьях от её русла, другой же в 4-х верстах вверх по течению этой речки и приступили к разведке этой местности, которую производили в течение 24 дней, т.е. с 12 июля по 5 августа, в продолжение которых пробиты четыре шурфа: первый от первого разведочного столба в 460 сажень; шурф второй от первого в 9 сажень; третий от №2 в 10 сажень и шурф №4 от №3 в 70 сажень. Все шурфы пробиты в долине, по которой течёт р. Гусевая не далее 7 сажень от русла её и на левом берегу. Шурф №1 пробит пустой породой 3 аршина, золотоносных песков 1,5 аршина, №2 - пустой породы 3 аршина, песков 2 аршина, №3 - пустой породы 3 аршина, песка 1,5 аршина и №4 пустой породы 2,5 аршина, песков 1,5 аршина, из каждого шурфа взято и промыто по 120 пудов золотоносных песков, причём были получены знаки золота и платины, которые были спущены обратно в шурф. А потом, находя эту местность благонадёжной к разработке, доверенный Бурин убрал разведочные столбы, основал починный пункт из елового дикорастущего дерева, который поставил на левом берегу р. Гусевой в 2-х саженьях от русла, в 260 саженьях от впадения в р. Выю, в 360 саженьях от верхней линии Майского прииска г. Серебрякова. Перед столбом вырыта узаконенных размеров яма, в которой положены 3 камня и 3 угля, с оборота на столбе написано «В.Я.Б.». «Эта местность заявлена на имя золотопромышленника купеческого сына Викторина Яковлевича Бурдакова 5 августа 1892 года».

18 августа 1892 года окружной инженер 5го Верхотурского округа Игнатъев постановил произвести отвод на заявленный прииск старшему горному межовщику г.Герц. В ноябре месяце Бурдакову было выдано удостоверение на отвод прииска.

Копия

Удостоверение

Дано сие Верхотурскому купеческому сыну Викторину Яковлевичу Бурдакову в том, что ему 7 числа сего ноября месяца, произведён бесспорно отвод золотоплатинового прииска под названием Валериановский в Нижне - Туринской даче по речке Большой Гусевой, впадающей в р. Выю, что и удостоверяю своим подписом и приложением должностной печати.

Ноября 11 дня 1892 года.

Межевщик Герц № 125.

13 марта 1893 года отвод Валериановского золотоплатинового прииска утвердил главный начальник Уральских горных заводов Игнатъев. 10 апреля того же года окружной инженер выдал план и полевой журнал на прииск Валериановский, копии этих доку-

ментов выслал заведующему полицейской частью на частных золотых приисках. На этом деле о заложении прииска Валериановского закончено.

До получения плана и полевого журнала на прииск, владелец его имел право вести подготовительные работы: строительство жилья, сооружений для промывки песков и другие, только при получении плана и полевого журнала на прииск разрешалось вести горные работы по разработке россыпей.

— Реку Выю с её долиною, которая берет начало за южной подошвой горы Качканар, можно причесть к платиноносной, но с бедным содержанием, только по некоторым притокам её, по Бушуевскому логу и речкам Мокрой и Гусевой, можно добывать с некоторой выгодой платину при высокой её цене.

Здесь на приисках рабочие - старатели обеспечивались жильём. Здания строились барачной системы. Здание рубленое из круглого леса с окнами на две стороны по длине его, с нарами у каждой стены. Отоплялись чугунными печами или каминами с чугунными плитами. Освещение - керосиновые лампы и свечи.

Рабочие на приисках: местные жители Н-Туринской волости, значительная часть татар и башкир, много рабочих из Вятской губернии. Сезонные старательские артели предпочитали жить сами по себе.

По профессиям: конные и пешие, кузнецы, плотники, кочегары, сторожа, хлебопёки, кашевары.

Количество рабочих у Бурдаковых было:

1892 год ..... 338 человек;

1893 год ..... 505 человек;

1894 год ..... 916 человек;

1895 год ..... 1002 человека.

Это среднегодовые цифры, в летнее время это количество почти удваивается. Добыча песков до промывального устройства оплачивалась от 3-х рублей до 3 рублей 15 копеек за кубическую сажень (9,7 кубометра), а вскрыша торфов по 2 рубля за кубическую сажень. Хороший рабочий в летнее время зарабатывал 80 копеек в день, средний рабочий 60 копеек. Хлебопёк, кашевар, женщины получали 12 рублей в месяц на готовом содержании. Женщины на промывке песков получали 50 копеек в день, подростки - 40.

О питании рабочих на приисках заботился владелец или управляющий. За день предусматривалось на человека:

мяса ..... 300 - 400 грамм

масла ..... 13 грамм

крупы пшена..... 133 грамма

хлеба - без ограничения до 1,6 килограмма

чай употребляли все.

Цены на продовольствие устанавливались не выше цен заводского рынка. Норма овса на лошадь в сутки 6 килограмм, сена не менее 12 килограмм. Питание могли покупать в ближайших посёлках.

Административно - хозяйственная структура прииска была такова: Глава прииска -управляющий от промышленника (владельца), технические служащие, к ним относились машинисты и помощники машин; горные служащие: смотрители, штейгеры, помощники штейгеров - нарядчики, смотритель промывальных устройств, заведующий хозяйственной частью прииска, инвентарём, магазинёры, конторщик - чертёжник с геодезическими записями.

В 1895 году золотопромывальной техники у Бурдаковых было:

Паровых машин	11
Бочек-бутар	1
Чаш	2
Американок с боронками	5
Ручных вашгердов	43

На Валериановском прииске в 1895 году для промывки песков поставили бутарубочку, длина её 3,38 метра, диаметр 120 сантиметров, производительность 45 кубометров в смену. В действие приводится от паровой машины мощностью 12 лошадиных сил, она же используется для откачки воды из выработок. Отмечалось, что прииск Валериановский в 1895 году находился в самых неблагоприятных условиях, особенно для перевозки громоздких и тяжёлых вещей: машин, котлов и прочее.

Георгий Константинович Орджоникидзе

Родился в 1886 году в селении Гореша, Шорапанского уезда, Кутаисской губернии, Грузинской ССР.

В детстве его звали просто Серго, так стали звать его товарищи по оружию и по работе. Рано выучился ездить верхом. Джигитовка, отчаянная скачка в горах были его особой страстью. Один из учителей школы, поражаясь способностям мальчика, говорил: Кто доживет - увидит, что этот маленький «Сержан» станет большой личностью.

В молодости увлёкся революционной деятельностью. В декабре 1917 года его назначают Чрезвычайным комиссаром Совнаркома и уполномоченным ЦК партии.

В 1918-1919 годах он возглавил борьбу народов Северного Кавказа против врагов революции. В гражданскую войну руководит войсками Красной армии на Северном Кавказе, в составе южных войск Красной армии.

В январе 1932 года был назначен на пост народного комиссара тяжёлой промышленности СССР. С именем Орджоникидзе неразрывно связано создание первых гигантов Советской индустрии - Магнитки и Уралмаша, Кузнецка и Горьковского автозавода, Балхаша и Сталинградского тракторного. Он говорил:

«Строить, построить, оборудовать - это только вооружение для боёв. Самое главное, основное дальше - это овладеть построенным заводом, шахтой, фабрикой, поставить его вооружение на службу народа - дать как можно больше продукции, хорошей по качеству, дешевой по стоимости».

Академик Бардин писал: «У Серго было то, чего не хватало специалистам: широкий кругозор. Он умел видеть дальше нас, всегда шёл впереди, подстёгивая техническую мысль. Он был полководцем - сначала красноармейских легионов, а затем великой трудовой армии шахтёров и слесарей, химиков и металлургов».

Бывший директор завода имени Петровского (город Днепропетровск) С.П.Бирман писал: «Представить себе Серго только отдыхающим, не разговаривающим о делах, о чугуне, о нефти, об угле совершенно невозможно. Для него это работа и отдых».

В тридцатые годы Георгий Константинович отдаёт много сил и времени развитию добычи полезных ископаемых, особенно золота и платины.

В 1935 году он посетил Исовский прииск. По его распоряжению были выделены средства на строительство социально- бытовых объектов, в том числе дома культуры имени Артёма. Во всех крупных посёлках были построены клубы, школы, детские ясли.

Здесь он посетил ряд добычных объектов. Начальника драги № 41 П.В.Ермакова, за хорошую работу, наградил сказочным по тем временам подарком - легковой автомашиной. Такой же подарок получили: директор Невьянского прииска В.Н.Коновалов, главный инженер треста «Уралзолото» А.И.Мохов, заместитель управляющего того же треста В.И.Носков.

В своих усилиях по подъёму старательского дела А.П. Серебровский нашёл полное понимание в лице своего непосредственного начальника С. Орджоникидзе, подписавшего летом 1933 года нашумевший приказ «О повсеместном развертывании старательской золотодобычи и скупки золота», в котором ставилась задача «превратить золотодобычу в дело всего трудящегося населения золотопромышленных районов и устранить все препятствия к свободному и повседневному занятию золотым промыслом». «Железный нарком» потребовал от приисковых управлений точно и неукоснительно соблюдать предоставленные старателям законом льготы и преимущества, освободить их от каких бы то ни было обложений общегосударственными и местными налогами и сборами, в том числе от трудповинности и сельскохозяйственного налога, оказывать артелям разнообразную помощь для развертывания добычи золота. К этой работе Орджоникидзе призывал привлечь на семейных, артельных или единоличных началах приисковое население (так называемых золотничников) с оплатой за сданное

по ценам торгсина золото товарами в ассортименте по желанию сдатчика, для чего приказал открыть магазины для приема и отоваривания драгметаллов.

Нарком поручил своему заместителю А.П. Серебровскому разработать подробную инструкцию по развертыванию старательских работ и скупке золота, что и было немедленно исполнено. Начальник «Главзолота» направил письма секретарям обкомов компартии золотопромышленных районов с подробным изложением и разъяснением приказа С. Орджоникидзе, нацеленного на стимулирование добычи золота и материальную заинтересованность старателей. Несколько позже в новом приказе нарком еще более весомо подкрепил установку на всемерное развитие старательской добычи золота и добился того, что ЦИК и СНК СССР в мае 1934 года законодательно утвердили все предоставленные старателям и золотникам преимущества и льготы. Добыча золота была объявлена делом первой государственной важности. Всем гражданам СССР дано право получить золотоносный участок для разработки его старательско-золотничным способом. Разрешение на это, а также все справки по данному вопросу выдавали приисковые управления. На местах, в частности на Урале, были опубликованы их адреса и указано, каким транспортом можно до них добраться.

Особое значение для дальнейшего развития старательского движения имело введение в 1932—1934 годах золотого исчисления при расчетах с артельщиками и вольнопринесителями за сдаваемые ими в государственный фонд золото и платину, а также золотооценочных операций при продаже сдатчиком этих металлов продовольствия и промтоваров в специальных магазинах по прейскурантам в золотом исчислении. Все это позволило значительно укрепить и расширить старательский сектор, который в 1937 году достиг по численности 120 тыс. человек, обеспечив добычу 46 т золота и платины (383 г на старателя).

Приказы С. Орджоникидзе и майский закон 1934 года стали поворотным пунктом в массовом развертывании старательского промысла в СССР. Как писал орган биржевиков нью-йоркская газета «Уолл Стрит Джорнел», «в стране Советов началось одно из важнейших событий в истории добычи золота, которое в конечном счете можно сравнить только со знаменитым открытием золота в Калифорнии, Клондайке и Южной Африке».

Сведения о том, что законы о льготах старателям часто не соблюдались стало известно Георгию Константиновичу. В своём приказе он констатирует, что «несмотря на четкие и ясные установки партии и решения правительства об обязательном и повсеместном развёртывании старательских работ и золотоскупок, о широком оказании старателям мер содействия на местах, до настоящего времени эти директивы не выполняются, а иногда и прямо саботируются». За это и отстранили от работы нескольких директоров приисков.

В.П. Смирнов об Орджоникидзе и о Серебровском

В ноябре 1933г. вышел приказ Орджоникидзе - всех замов главных инженеров послать на Дальний Восток главными инженерами приисковых управлений. За назначением должны прибыть в Москву. В.П. Смирнов по этому приказу попал в Лензолото.

Первый раз с Серебровским я встретился в феврале 1934г. Я начал спорить против направления в Бодайбо (Лензолото), но тот был оратор. Я и рта не успел раскрыть, а он: «Ну, молодец Владимир Павлович, что согласился в Бодайбо, ох молодец, не пожалеешь». Вызвал секретаря Васю Александрова: «Вася, когда идёт Транссибирский? Чтобы сегодня же выехал Смирнов, дайте ему три тысячи рублей на дорогу. А от Иркутска чтобы самолётом, ни в коем случае обозом. Скажи: «Серебровский приказал».

Возражать Серебровскому нельзя. В нём и власть, и жёсткость, и в то же время какое-то обаяние. В заместители к Орджоникидзе его рекомендовал Ленин. До этого он поднимал нефтяную промышленность. Бывший подпольщик, до революции в Питере легально возглавлял клуб инженеров, большевик. Ездил по своим предприятиям в отдельном вагоне. В Красноярске, Иркутске вагон отцеплялся, и секретари крайкомов через Васю шли просить средства. Дыр у всех было полно, а у Серебровского - немалые возможности. В Иркутске стол дом Кузнеца (был такой золотопромышленник). Когда-то Серебровский начинал в этом доме работать директором « Союззолото». Далее Смирнов вспоминает: «В конце 1934 года я работал в «Качкарьзолото» в шахте «Маргарита». В это время туда приехал Серебровский и спустился в шахту, там увидел меня, чумазого, узнал: «А ты что здесь делаешь? Как оказался здесь? Ай-яй- яй!». Серебровский всегда стремился перенять за рубежом всё лучшее, что было там в добыче драгоценных металлов. В 1935 году в США послал главного инженера комбината «Минусазолото» Соколова Василия Николаевича ознакомиться с последними достижениями золотарей, присмотреть и закупить технику, завербовать и привезти на свой комбинат специалистов. Всё это вскоре появилось на комбинате. Новую технику помог освоить завербованный Соколовым мистер Доуд.

Результатами заинтересовался Серебровский, поэтому приехал в Артёмовск. Вообще, управлял он работой созданного им золотого цеха не из Москвы, а из спецвагона. Всё время разъезжал по участкам этого цеха - трестам и комбинатам, заставлял перенимать опыт работы друг у друга, учиться у капиталистов, и вообще, где только можно. Возможности наши знал, а поэтому планы нам спускались напряженные, но реальные. Серебровского не обманешь.

В Артёмовске Серебровский сразу же появился на шахте. Увидел меня: «А ты уже тут? И как только успеваешь? Ну был мистер Доуд, помог, много сделал? Веди, где колонка работает». Спустились в шахту. Там работал проходчик Снетко, работал очень хорошо. Серебровский его остановил, и ко мне: «А ты, главный инженер, умеешь работать? А ну покажи». Я показал. Серебровский: «Молодец, в Америке все инженеры работать могут, потому и учат».

Вскоре последовал приказ Серебровского - отправить Смирнова с бригадой в Балеи (Читинская область, станция Приисковая). Из Балея бригаду вызвали в Москву. Там нас в полном составе принял Серебровский и Орджоникидзе.

Серебровский Александр Павлович

Наиболее заметной фигурой в истории советской золотоплатиновой промышленности является Александр Павлович Серебровский (1884—1938), сделавший для ее становления и развития так много, как никто другой.

Родился он в Уфе в семье ссыльного народовольца и в революционное движение включился в 15-летнем возрасте. Большевик со времени образования этой партии и уже в начале первой русской революции становится членом исполнительного комитета Петербургского городского совета от Путиловского завода. В 1907 году участвовал в вооруженном восстании во Владивостоке. Неоднократно арестовывался и эмигрировал в Бельгию, где окончил Высшее техническое училище. По возвращении в Россию вел партийную работу в Нижнем Новгороде, Ростове, Москве. После событий 1917 года стал членом коллегии Нар-

комторга, затем председателем Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, председателем Центрального правления артиллерийских заводов, заместителем наркома путей сообщения, начальником военного снабжения Украинского фронта. В 20-х годах являлся председателем «Азнефти» и правления Всероссийского нефтесиндиката, заместителем председателя ВСНХ. Став начальником «Союззолото», Серебровский вошел в коллегию Наркомфина и был назначен заместителем наркома тяжелой промышленности С.К. Орджоникидзе. Участник ряда съездов РКП(б), на которых избирался кандидатом в члены ЦК партии. Был членом ЦИК СССР.

Наряду с государственной деятельностью А.П. Серебровский преподавал в Азербайджанском политехническом институте, в Московской горной академии (заведовал кафедрой и преподавал нефтепромысловое дело, а впоследствии - золотодобычу). Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Его усилиями в некоторых вузах Москвы, Ленинграда и Свердловска открылись факультеты по золоту, а на периферии организован десяток техникумов, в том числе Исовский и Миасский. Во все эти учебные заведения с приисков Урала были направлены для повышения квалификации практики, не имевшие среднего и высшего образования. В горной академии на факультете по золоту Серебровский сам возглавил ведущую кафедру.

При его содействии стал выходить журнал «Золото и платина», затем получивший название «Советская золотая промышленность». В итоге своих командировок в США, в ходе которых он детально ознакомился с техникой, технологией и организацией производства в денежной отрасли за океаном, Серебровский опубликовал толстую богато иллюстрированную монографию «Оборудование золотой и цветной металлопромышленности», выдержавшую несколько изданий и ставшей своеобразным руководством для специалистов, настольной книгой для целого поколения золотодобытчиков. Более широкую известность получила его другая книга «На золотом фронте» (1936), посвященная его деятельности на этом поприще.

Вне всякого сомнения, А.П. Серебровский человек неординарный, обладавший фантастической работоспособностью, неумемной энергией, целеустремленностью, инициативой. Почти ежегодно на шесть и более месяцев уезжал он в Сибирь и на Урал, вдоль и поперек изъездил и исходил золотопромышленные районы, посетил множество рудников и приисков, где познакомился с сотнями работников различных рангов: от управляющих трестов до бригадиров и ударников, старателей. «Командующий золотым фронтом» изучал людей не по отчетам и анкетам, а наблюдал их в деле, встречался с ними в забое, на драге и собрании, в семейной обстановке. Он выделял среди них наиболее профессионально подготовленных, деятельных, энергичных, перспективных, успешно справлявшихся с порученной работой. И заменял ими «неисправимых бюрократов и чиновников, не способных по-сталински драться за выполнение программы». Будучи «бойцом партии», творил суд и расправу, «чистил» административно-технический аппарат предприятий, изгонял из него «чуждый элемент», требовал от подчиненных вести решительную борьбу за дисциплину со злостными прогульщиками, жуликами, «сознательными и бессознательными вредителями».

Если в начале своей карьеры в золотой промышленности Серебровский посещал рудники и прииски в одиночку, добираясь до них в любую погоду то верхом на лошади, то в бричке, то в лодке, то в последующие годы он приезжал на предприятия уже с бригадой специалистов — геологов, технологов, механиков, экономистов, бухгалтеров, — которая изучала положение дел на месте. Выяснялась потребность предприятия в оборудовании, материалах, продуктах и товарах, состояние техники, внутри приискового планирования, хозрасчета, организации труда, борьбы за снижение себестоимости металла, увязки роста производительности труда и зарплаты. Сам же «бригадир» успевал побывать на закладке промышленных сооружений, жилых поселков, объектов соцкультбыта, определяя темпы развития предприятий, места установки драг, корректировал производственные задания, т.е. увеличивал их, принимал решения о разведке и освоении новых месторождений, и тут же, на месте издавал приказы по главку, выделял ассигнования на те или иные цели. Попутно «подтягивал и вытягивал из прорыва» отстающие рудники и прииски, нередко приглашая для помощи им в качестве «буксиров» специалистов от преуспевающих соседей.

Теперь в его распоряжении был большой четырехосный вагон, реконструированный и приспособленный под передвижной командный пункт. На местах его именовали таеж-

ным штабом. Часть вагона отводилась под секретариат, мощную радиостанцию для связи с предприятиями даже самыми дальними приисками и экспедициями геологов-разведчиков. Здесь же имелась «гостиница» для руководителей приисков, которые издалека прибывали на встречу с «командующим». Тут они могли обогреться, отдохнуть, поесть и собраться с мыслями. Серебровский заслушивал их доклады и принимал решения по назревшим вопросам. Бывало и так: вагон ставился в тупик, а его владелец по старой привычке отправлялся на предприятия, иногда за сотни километров от железной дороги, стараясь немедленно повернуть ход событий в нужное русло, на месте изменить ситуацию к лучшему.

Да и сам Серебровский изменился внешне неузнаваемо. Худощавый, невысокий, он запомнился ветеранам в короткой дошке и загнутых фетровых бурках, в шикарной меховой шапке и кожаных с натуральным мехом перчатках. Одевался уже как типичный госпартноменклатурщик того времени. Положение обязывало.

Его именем уже называют шахты, рудники, прииски, фабрики. Одна из шахт комбината «Березовзолото» носила его имя. Его самого уже навеличивают «наш друг и учитель товарищ Серебровский». Хотя и посмеивался над льстецами, но не возражал. Работал по-прежнему много, истово, не щадя себя, как, впрочем, и других. И надорвал здоровье. Болезнь помешала ему участвовать во Всесоюзной конференции работников золотой промышленности зимой 1936 года, и, видимо, она вынудила его в конце этого же года оставить пост начальника «Главзолото», сохранив за собой должность заместителя наркома тяжелой промышленности, руководившего всей цветной металлургией. Но задачу свою Александр Павлович выполнил. Под его началом золотодобыча в стране утратила промысловый кустарный характер и превратилась в крупную механизированную отрасль индустрии, из года в год наращивавшей объемы производства, превзойдя даже «старорежимные».

Правда, заслуги в ее успехах сам Серебровский приписывает Сталину.

Разумеется, Сталин играл ключевую роль в развитии золотоплатиновой индустрии. Недаром в своей книге Серебровский изображает вождя как «вдохновителя золотой промышленности», а самого себя деятельным, инициативным исполнителем воли партии. Однако именно Серебровский, а не кто-либо иной был лидером, душой и двигателем всего золотоплатинового дела в стране. Говоря образно, Александр Павлович своим профессионализмом, притягательными личными качествами, обаянием очеловечивал безжалостную систему и сумел приобрести тысячи единомышленников и последователей, преданных общей работе, которая их всецело поглощала. Эти энтузиасты были для него той архимедовой точкой опоры, при помощи которой он поднял и поставил на ноги лежавшую почти бездыханно добычу валютных металлов в СССР.

Образцом для подражания был у Серебровского Серго Орджоникидзе, который «показал настоящий сталинский стиль работы: требовательность и твердость в деле, и вместе с тем чуткость и сердечное отношение к человеку и нуждам его и его семьи».

При всех своих достоинствах и недостатках Серебровский принадлежал к той категории большевиков, которых в недалеком прошлом уважительно называли «ленинской гвардией», «пламенными революционерами».

Народный комиссар тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе и его заместители Ю.Л. Пятаков и А.П. Серебровский среди работников золотой промышленности.

Слева направо: 1-й ряд: — Таль (ответственный редактор газеты «За индустриализацию»), Борисов (главный инженер «Главзолото»), Лидсман (помощник начальника «Главзолото»), Берзин (начальник «Колымзолото»), Пятаков, Орджоникидзе, Серебровский, Коннер (помощник начальника ГУМПа), Богин (помощник начальника «Главзолото»), Субботин (начальник «Стройкрасмаша»), Бергман (директор «Аффинажзолото»); 2-й ряд — Мовсесян (управляющий Тауйским сельхозкомбинатом «Колымзолото»), Пуллериц (начальник санупра «Колымзолото»), Заборонок (начальник управления строительства Магаданского района «Колымзолото»), Бочков (главный инженер «Аффинажзолото»), Семенов (начальник лагпункта и 4-го участка строительных работ дороги «Колымзолото»), Лапин (начальник управления морского транспорта «Колымзолото»), Корытный (секретарь Алданского райкома ВКП(б)), Селиховкин (главный инженер треста «Лензолото»), Баранов (управляющий трестом «Алтайзолото»), Полинский (управляющий Ленинским приисковым управлением); 3-й ряд — Рабинович (инженер-геолог «Колымзолото»), Волков (рабочий завода «Аффинажзолото»), Семенов (инженер-дорожник «Колымзолото»), Эпштейн (начальник планово-финансового сектора «Колымзолото»).

Из своих поездок за рубеж А.П. Серебровский вывез твердое убеждение: «Я уверен, что вообще никакое государство, даже такое богатое, как США, не сможет по-настоящему развить свои национальные богатства и построить как следует свою жизнь, пока банки, захватившие в свои руки промышленность и торговлю, будут продолжать существовать. Этот финансовый капитал, безусловно, погубит страну и уже в настоящее время является задержкой ее дальнейшего развития».

Середина 30-х годов была счастливой для Серебровского. Страна пожинала плоды его усилий по подъему валютной отрасли, которая стала давать обильный урожай. Командующий золотым фронтом был в почете, чувствовал себя востребованным и не жалел здоровья, чтоб закрепить достигнутые результаты. В 1934 году его вместе с «железным наркомом» за успехи в развитии золотоплатиновой промышленности удостоивают высшей награды государства. Это был уже его четвертый орден как признание его заслуг, и он гордился им.

Смирнов Владимир Павлович

«Кадры решают все» - хороший, но к сожалению, забытый лозунг страны Советов. В тридцатые годы прошлого столетия он помог России из отсталой, аграрной страны вырваться вперед и в годы Великой Отечественной войны одержать победу над самой сильной и коварной армией - фашистской Германией.

На руководящие посты в промышленности, строительстве, транспорте и других отраслях ставили не по отношению к какому-либо сословию или клану, не по нажитому богатству и не по благу или знакомству, а по способностям человека руководить людьми, по преданности к своей Родине и своему народу.

К руководству промышленными объектами пришли люди умные, трудолюбивые, дерзкие и смелые. В работе, не жалеющие себя и других в решении сложных вопросов, в достижении поставленной перед ними за-

дачи, совершенно не стремящиеся к личному благополучию.

Шли туда, где он нужен, куда пошлют. Об одном из таких людей и пойдет речь ниже.

1. На Урале. 1931-1933 гг.

В январе 1931 года, после окончания Уральского института цветных металлов и золота (ныне Свердловская горная академия), горный инженер Смирнов Владимир Павлович, в возрасте 20 лет, был направлен в Нижнетагильские золотоплатиновые прииски (Красный Урал, Висим).

Там работало несколько драг, старательские артели и одиночки старатели. Там и началась его трудовая деятельность.

Владимир Павлович - человек выше среднего роста, крепкий, крупная голова, строгие черты лица, проникновенный строгий взгляд и зычный голос.

Жить стал в Висиме, руководил бригадой студентов, ремонтировали оборудование драг во время зимнего отстоя.

380-литровая драга №11, проработавшая на Висимском пруду в суровых климатических условиях Урала круглый год, была отремонтирована студенческой бригадой в рекордный срок, за 25 дней. В этой бригаде работал и студент Шемякин, будущий заместитель министра цветной металлургии.

В марте 1932 года Смирнов был направлен в Северо-Заозерский платиновый комбинат, в должности заведующего эксплуатацией двух драг.

В начале 1933 года он уже заместитель главного инженера комбината, одновременно начальник шахтоуправления, на три работающих шахты и две в стадии строительства. В каждой шахте по двести человек. ИТР и служащих шахтоуправления десять человек. Глубина шахты 15-20 метров, добыча один-два килограмма в день. Охрана слабая, самородки воровали. Здесь пристрастился к охоте. Заимел два ружья. В тридцатые годы под руководством начальника Главзолото Серебровского шло бурное строительство новых мощных электрических драг. Изготовление их было освоено заводами: Мотовилиха в городе Перми, Путиловским, Куйбышевским и позднее Иркутским.

2. Лензолото. Бодайбо. 1934 год

Осенью 1933 года по приказу наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе всех заместителей главных инженеров Урала направили на Восток главными инженерами приисков и других предприятий. В Москве лично от Серебровского Смирнов получил направление в Бодайбо. Выехать приказали немедленно. Возражать Серебровскому нельзя. В нем и власть, и жестокость, и в то же время какое-то обаяние. В заместители к Орджоникидзе Серебровского в свое время порекомендовал Ленин. До этого он поднимал нефтяную промышленность. По стране постоянно ездил в личном вагоне. Обладал большой властью и возможностями. Секретари крайкомов и обкомов шли к нему на поклон просить денег. Дыр у всех было много, срывать жестокие пятилетние планы нельзя.

Трудное, но интересное тогда было время. По всей стране шло строительство промышленных объектов, жизнь кипела, был энтузиазм, напор в работе.

Управляющим треста Лензолото работал Александр Ильич Ганин. Главным инженером Виктор Васильевич Селиховкин. В 1937 году оба были расстреляны.

Владимира Павловича назначили главным инженером Васильевского прииска в Нижнебодайбинском приисковом управлении. Ближе к Бодайбо было еще два приисковых управления, а за Нижнебодайбинским на расстоянии 300 километров Светлый и Кропоткинский прииска. Это Дальняя тайга.

Всего трест давал десять тонн золота в год, в том числе две тонны Нижнее Бодайбо. В это управление входили: Константиновский, Андреевский, Александровский, Прокоильинский (Красноармейский) и Васильевский прииски.

Здесь трудность состояла в постоянной нехватке крепежа в шахтах, его везли издалека.

Долго работать не пришлось. Пришла повестка идти служить в Красную армию. Но по прибытии в полк, там дали отсрочку на год.

3. Качкарьзолото. г.Пласт. 1934 год

В Главзолото дали направление на Урал в Качкарьзолото. Работал начальником шахт глубиной до пятисот метров.

В качестве консультантов работали американцы. Серебровский, объезжая свои владения, увидел Смирнова: «А ты что тут делаешь? Как здесь оказался? Ай-яй-яй!»

В ноябре 1934 года все же взяли в армию. Служить попал в город Горький, в саперный батальон, затем в связь. В ноябре 1935 года был уволен в запас.

4. Минусазолото. Артемовск. 1935-1937 гг.

Все кадровые вопросы решались в «Главзолоте». Оттуда получил направление начальником открытых работ в руднике «Минусазолото». В Артемовск приехал в декабре 1935 года ночью, в мороз. С трудом устроился с жильем. Сначала назначили заведующим техники безопасности комбината. Упирался, но ни в какую. Хотел отработать аванс и уехать, но назначили главным инженером рудника, который давал 1500 тонн золотоносной породы в сутки и в пять раз больше пустой породы в отвал. Несколько сот человек рабочих и ИТР. Оклад 1200 рублей и несколько окладов премия.

В июле установили всесоюзный рекорд, вручную за месяц прошли шестьдесят метров. При этом использовали американские перфораторы.

Приехал Серебровский, он всегда старался внедрять новую технику и передовую технологию, передовые приемы в работе.

В шахте увидел Смирнова, подвел к забойщику и спросил: «Ты главный инженер, умеешь работать? А ну покажи!» Смирнов показал. Он и говорит: «Молодец! В Америке все инженеры могут работать, потому и учат рабочих».

Вскоре по приказу Серебровского Владимира Павловича отправили с бригадой в

Балей (Читинская область) для передачи опыта. Показали хороший результат и всю бригаду привезли в Москву. Там их принял Орджоникидзе и Серебровский. Всем выдали стахановские значки и Почетные грамоты. Два месяца отдыхали в люксах Метрополя. Смирнову тогда было 24 года.

В 1936 году директор комбината взял с собой Смирнова для встречи с Серебровским в Ачинске. Зашли в его вагон и едут дальше в Красноярск. Из своего купе вышел Серебровский, угостил всех яблоками, спросил у управляющего Хакасзолото Доменюка: «Как дела?». Тот замялся: «Александр Павлович, мы не дотянули до плана только один процент». «Как не дотянули! И как это один процент!» У Серебровского был помощник Вася. Он ему и говорит: «Вася, отбери у хакасцев яблоки и выгони их из вагона. А этим ребятам дай коньяк и закуску».

В 1937 году застрелился Орджоникидзе, арестовали и расстреляли Серебровского и некоторых управляющих комбинатов. Допрашивали и В.П.Смирнова, но все обошлось благополучно.

Начальником Главзолото стал Мильчаков. Вскоре его арестовали и начальником стал Бочков.

В декабре 1937 года Смирнова направили в Москву на курсы повышения квалификации.

5. Амурзолото. Свободный. 1938-1942 гг.

В марте 1938 года окончил курсы и попал на конференцию работников золотой промышленности, которую проводил Каганович. У него Владимир Павлович был дважды. Бочков порекомендовал Смирнова главным инженером треста «Амурзолото».

В Москве он познакомился с председателем коллегии Наркомата Целищевым, который шутя посоветовал ему жениться: «Вместо курорта даем тебе десять дней на женитьбу. Хватит ходить холостяком по Сибири и Дальнему Востоку». Так он и сделал. Разыскал свою знакомую по работе на Висиме - Елену Михайловну, которую не видел семь лет и предложил ей свою руку и сердце. Времени мало. На второй день уже в Загсе были зарегистрированы, а еще через день поехали на вокзал. Позвонил в Главзолото Мильчакову, что задание выполнено, женился. Тот отвечает: «Давай быстро и без задержек в Свободный».

В мае приступил к работе. В то время в Свободном кроме треста «Амурзолото» работало еще управление строительством БАМа. В нем работали, в основном, заключенные.

Дорога БАМ - Тында была действующей, ее разобрали во время войны, когда в битве за Сталинград срочно потребовалось возвести окружную железную дорогу.

Трест «Амурзолото» занимал территорию с радиусом 1000 километров. Его объекты находились в Читинской и Амурской областях, в Хабаровском крае и в Еврейской автономной области. Хозяйство насчитывало двадцать драг, два рудника, подземные и открытые работы на россыпях. Всего насчитывалось более ста

приисков. Так что за три года работы Смирнову не удалось даже побывать на всех. Там у Смирнова произошла опасная стычка с уполномоченным ОГПУ и он случайно избежал ареста.

Добыча золота росла, планы становились все жестче. Но была слаженная работа всех звеньев. С началом войны все стали работать с большей отдачей сил. Смирнов подавал неоднократно заявления об уходе на фронт. Но отказали категорически.

6. Минусазолото. Артемовск. 1942-1945 гг.

В октябре 1941 года в числе других специалистов был вызван в Москву для участия в эвакуации столичных предприятий. При наркомцветмета Ломако была создана оперативная группа во главе с Чугуевым Юрием Вениаминовичем.

Смирнову было поручено оказать помощь директору аффинажного завода по золоту Орлову в эвакуации завода в Новосибирск. Платиновые аффинажные заводы тогда были в Свердловске и Красноярске.

17 октября из Москвы был отправлен последний эшелон завода, а 17-18 октября в Москве поднялась паника. Порядок был наведен очень быстро, мародеров стреляли на месте.

Главзолото перебралось в Новосибирск. В конце апреля 1942 года нарком Ломако назначил Смирнова директором комбината Минусазолото. Ему был тогда 31 год. Три года работал в этом комбинате, который был в те годы в числе лучших, хотя многие другие золота давали больше, но там в несколько раз было выше содержание.

Здесь же объемы переработки горной массы были очень большие, но было хорошее техническое оснащение и было больше подсобное хозяйство - два совхоза, 5000 га посевов, много скота. В войну можно сказать жили на самообеспечении. В 1943 году секретарь крайкома Аристов собрал руководителей заводов, трестов. Из политбюро ЦК был Маленков с заместителем председателя Совнаркома Сабуровым. Разговор шел о том, что люди устали и ослабли и другие текущие вопросы.

В 1944 году он присутствовал на коллегии у Ломако, там уже присутствовал и Микоян, всего было около сорока человек управляющих трестами и комбинатами со всей страны, с Уралзолото Петр Шмаков, начальник Главзолото Малинин. Решали текущие вопросы. Перед отъездом Смирнов зашел к Микояну.

В этом же году он был представлен к ордену Трудового Красного знамени. Окончание войны встретил в Минске и обратился к Ломако и Аристову с просьбой о переводе в Красноярск, получил «добро».

7. Енисейзолото. Красноярск. 1945-1947 гг.

Работать начал главным инженером треста, который не выполнял план. Отношения с управляющим Королевым Сергеем Васильевичем стали портиться. В мае прииски остались без горючего. Королев поручил Смирнову завозку его авиацией. Авиаторов

пришлось поить водкой. Королев воспользовался этим и дал телеграмму в Главзолото о том, что Смирнов пьянствует.

В Красноярск приехала ревизионная комиссия и выявила, что допущена переплата бонами старателей. Кроме того приискам не завезли и хлеб. Для перевозки бензина и хлеба со стороны наняли автотранспорт у Союзсовхозтранса, с руководителями расплатились по указанию Смирнова четырьмя кожаными пальто.

Колонну машин до Енисейска возглавил он сам. Дорога оказалась труднопроходимой, ушло пятнадцать дней. Никто не верил, что дойдут. Людей кормили за счет золотоскупки. Это опять оказалось нарушением финансовой дисциплины.

Обстановка накалялась и Смирнов стал проситься на Урал в Березовск. Поехал в Москву, там поссорился с начальником Главзолото генерал-лейтенантом Харитоновым (Главзолото к тому времени перешло в подчинение МВД). Подал заявление об уходе из отрасли. В это время там встретился со знакомым, который предложил поехать директором Ториевого комбината №55 в районе города Канска Красноярского края.

8. Ториевый комбинат. 1947-1948 гг.

Красноярский край, Таракский комбинат по добыче Тория. Апрель 1947 год. До конца года надо добыть несколько десятков тонн монацита -окси тория, минерала в виде зерен пшеницы.

Торий предполагалось использовать при реализации ядерной программы на предприятиях второго главка, возглавляемого Курчатовым. Возникла масса проблем. Главная - нет людей.

Секретарь крайкома КПСС Аристов Аверкий Борисович сразу спросил, чем помочь. Он ответил, что надо триста человек. Подобрал людей со всего края: инженеров, бухгалтеров, снабженцев, врачей, учителей. Сперва жили в палатках. К осени построили настоящие дома. Люди свое дело сделали. Заработала школа и больница, пустили электростанцию. Пустили комбинат и отгрузили два вагона монацита. Курчатов торием был обеспечен. Многих представили к правительственным наградам. Смирнова к ордену Ленина и к званию Горного директора третьего ранга. Орден получить не успел.

К тому времени Главзолото работало в системе МВД. Многие специалисты ушли и добыча золота стала падать. Смирнов хотел пойти на добычу золота на Урале, но Сталин лично утвердил список в пятнадцать человек специалистов для передачи в Дальстрой. В этом списке был и В.П.Смирнов, против его фамилии стояла согласующая подпись Берии. Даже министр Ломако был бессилен воспрепятствовать этому.

Ему предложили должность директора Тонькинского горного управления по добыче золота с подчинением Дальстрою. Он был подобен тресту, но по объемам больше. Владимир Павлович согласился. Но человек предполагает, а судьба располагает.

9. Арест. Красноярск. Бодайбо. 1948-1950 годы

В августе 1948 года дела о финансовых нарушениях 1946 года в тресте Енисейзолото снова было поднято. Организовано повторное расследование, проведено с обвинительным уклоном против Смирнова.

В августе был вынесен приговор: десять лет строгого режима и пять лет поражения в правах с конфискацией имущества. При этом были изъяты и правительственные награды. В обвинительном заключении сформулировано: расплата бонами со старателями за дрова, с рабочими за подвоз горючего на отдельные прииски и выделение из золотоскупки четырех кожаных пальто авиаторам.

Повезло в том, что работники НКВД хорошо знали его. Начальник тюремного управления края А.Д.Мусаев сказал: «Над тобой все время издевался прокурор, но теперь после суда его власть кончилась. Куда ты хочешь? Рекомендую аффинажный завод в Красноярске».

Работать начал начальником плавильного отдельного цеха номер 7. Затем перевели в Бодайбо начальником шахт №№ 20 и 21 Артемовского управления. Помогли товарищи из Москвы.

В июле 1950 года по ходатайству ряда руководителей Постановлением Верховного суда СССР приговор отменили, судимость сняли.

Два тяжелейших года пришлось пережить жене и двум дочерям.

10. Лензолото. После освобождения. 1950-1953 гг.

Работать остался в Артемовске на шахте №31. Затем возглавил разведочную партию. Потом с семьей переехал на прииск Васильевский начальником строительства и одновременно главным инженером будущей Васильевской россыпи. Нужно было отвести русло Бодайбинки на десять километров, пройти четыре шахты и восемь километров вассерштольни. Работа огромная. После окончания работ был награжден значком МВД «Отличник соцсоревнования» и был назначен начальником Васильевской россыпи.

Его приглашали работать в Магадан, с перспективой получения квартиры в Москве, отказался. Предложили должность главного инженера Лензолото, тоже отказался. Стал проситься на Урал. Заместитель министра Шемякин Николай Васильевич распорядился отправить в отпуск с последующим новым назначением.

О Н.В.Шемякине следует немного рассказать. До войны был директором Исовского прииска. Во время войны управляющим Уралзолото, затем «Приморскзолото». При Хрущеве был назначен главой Читинского Совнархоза, но с работой не справился, был переведен в Москву Главным специалистом в комитете по науке и технике. В газете «Известия» раскритиковали, его разбил паралич, отнялось полтела и вскоре умер.

11. Исовской прииск. 1953-1966 гг.

В июне 1953 года в Москве предложили должность главного инженера Норильского Никелевого комбината. Все понимали, в том числе и он сам, что может работать на любом участке «...от командира взвода, до маршала». Он отказался и от такого большого предприятия, кроме Урала не хотел нигде больше работать и тогда ему предложили должность главного инженера Исовского прииска треста Уралзолото.

Здесь им много было сделано по продлению срока службы отдельных объектов и в целом всего прииска. Он решал массу больших проблем и малых, вопросов по модернизации оборудования, улучшению и изменению технологии добычи металла, решал кадровые и социально-бытовые вопросы трудящихся прииска. Все, кто работал с ним, на всю жизнь запомнили его как делового человека. О работе В.П.Смирнова на Ису подробно пишут в своих воспоминаниях бывший начальник драги, затем долгие годы работавший главным механиком прииска Константин Иванович Мосин и начальник проектного отдела Аркадий Григорьевич Буторин. На Ису дочери его с медалями окончили среднюю школу, затем УПИ и работали в г.Лесной. Здесь В.П.Смирнов был восстановлен в партии.

12. Уралзолото. 1966-1972 гг.

В 1966 году он назначен был главным инженером треста «Уралзолото». Будучи пенсионером несколько лет работал там начальником отдела. Отсюда и ушел на заслуженный отдых.

Умер 10 апреля 1996 года в возрасте 85 лет.

Заключение

Яркую, достойную примера для подражания, прожил жизнь Владимир Павлович Смирнов. Жил и работал в годы бурного развития промышленности Советского государства.

По его биографии можно изучать историю развития добычи золота и платины в стране в середине двадцатого века, когда у руководства этой отраслью стояли такие замечательные, преданные своему делу и своему народу люди, как Александр Павлович Серебровский, Серго Орджоникидзе, Александр Иванович Мильчаков, Анатолий Александрович Грибин и многие другие специалисты из старой гвардии большевиков.

ВОСПОМИНАНИЯ

бывшего начальника драги № 29 К.И. Мосина он же позднее гл. механик прииска

Платина на Ису была открыта в 1824 году и с этого момента началась ее добыча. Исовское месторождение в конце 19 и первой половине 20 века было крупнейшим по добыче этого металла не только в России, но и во всем мире.

К началу 20 века добыча достигла свыше четырех тонн в год, но к середине столетия наиболее богатые месторождения выработаны и добыча к концу пятидесятых годов снизилась до полутора тонн. Драги по отдельным месторождениям пошли вторично, перемывая свои старые отвалы и прихватывая бортовые, бедные по содержанию, целики.

Над прииском нависла угроза закрытия целого ряда добычных объектов и сокращения рабочей силы, что было чревато своими последствиями.

Встал вопрос о принятии конкретных мер по сохранению его жизнедеятельности. Он обсуждался на всех инстанциях, начиная с Иса и кончая Свердловском.

Директором прииска был Попков Павел Петрович, в 1950 году переведенный сюда с Кировского платинового же прииска.

Это был серьезный, высококвалифицированный специалист, техник по образованию, хороший администратор, но ему в качестве помощника нужен был грамотный специалист-горняк высокого класса.

В это время в трест «Уралзолото» из Сибири приехал известный в кругах золотодобытчиков В.Я. Смирнов, ранее судимый и исключенный из партии специалист.

Ему предложили должность главного инженера Исовского прииска. Трудолюбивый, требовательный к себе и подчиненным, на Ису он с первых дней в полную силу взялся за работу.

На прииске за многие десятилетия сложился крепкий коллектив. Этому способствовали льготы, которые существовали тогда в этой отрасли промышленности. В цехах и управлении работали добросовестные, трудолюбивые инженерно-технические работники, но многие из них не имели горного образования, особенно высшего, и в силу своих слабых теоретических знаний, не могли решать сложные технические вопросы. В памяти у людей были примеры тридцатых годов, когда за неудачно принятое решение приходилось расплачиваться свободой, поэтому не рисковали чрезмерно проявлять инициативу, чтобы не наделать ошибок.

Ознакомившись и изучив предприятие Владимир Павлович решительно и смело взялся за коренную перестройку предприятия, хотя и понимал, что на это потребуется годы упорного труда, а единомышленники всегда найдутся и он не ошибся.

Автор этой статьи в августе 1958 года, после окончания Свердловского, горного института приехал работать на Исовский прииск. В управлении меня принял главный инженер.

Смирнов с первой встречи произвел на меня неизгладимое впечатление. Выше

среднего роста, широкий в плечах, крупные черты лица и зычный голос (когда он говорил по телефону при открытых в кабинете окнах, его голос слышен был на проезжей части дороги) придавали ему внушительный вид и вызывали невольное уважение к нему.

По его рекомендации я был определен на работу техруком 250-литровой драги № 29, работавшей в четырех километрах от посёлка Валериановский вниз по течению реки Выя.

Драга отработала месторождение и встал вопрос о ее остановке и разборке на металлолом. Основная часть коллектива жила на поселке Бушуевка в десяти километрах от поселка Ис и рабочих предполагалось распределить по другим цехам прииска вдали от дома, где они имели огороды, свои дома, покосы и так далее. Это рабочих и их семьи не устраивало. В это время поблизости началось строительство Качканарского ГОКа. По предложению Смирнова в проектно-сметной документации по модернизации этой драги с целью подачи из дражного разреза на берег песчано-гравийной смеси для строительства объектов ГОКа, а платину, сколько получится, получать попутно.

На драге была произведена модернизация оборудования, установлен мощный землесос ЗГМ-2М, который по плавучему пульповоду диаметром 350 миллиметров, выдавал материал на берег. Стоимость его ГОКУ обошлась в два раза ниже против ранее запланированной, а коллектив драги на несколько лет был обеспечен работой.

Мне, как техническому руководителю, пришлось принять в этом деле самое активное участие. При этом возникала масса вопросов и я постоянно обращался с ними напрямую к главному инженеру Владимиру Павловичу. Он в свою очередь внимательно следил за ходом работ и всячески поддерживал меня морально, давая толковые советы и указания. Эти первые годы работы в инженерной должности на всю жизнь врезались у меня в памяти неотрывно от Смирнова. Он очень внимательно выслушивал и принимал решения, не отправляя меня с вопросами и замечаниями к другим службам предприятия, как это зачастую делают некоторые другие высокопоставленные руководители.

Вообще с ним было легко и интересно работать, хотя по-молодости я побаивался его, так как он был очень строг.

Владимир Павлович был внимательным к нуждам людей, при необходимости старался помогать им.

На Бушуевке в первое время с женой-учителем математики мы жили в комнате 12 квадратных метров в длинном старом бараке. В это время освобождалась квартира в нормальном жилом доме. Я обратился к коменданту ЖКХ с просьбой отдать ее мне, но тот отказал. Узнав об этом, Смирнов позвонил заместителю директора прииска и в довольно строгой форме попросил удовлетворить мою просьбу. Вопрос тотчас был решен.

Примерно то же самое получилось с квартирой молодого инженера—механика центральных механических мастерских, приехавшего на Ис по направлению. Вопрос с жильем затянулся и сразу был решен после вмешательства Смирнова, хотя это официально и не входило в его обязанности.

Известна масса других примеров его вмешательства в личную жизнь трудящихся прииска именно с хорошей стороны. Он помогал рабочим с оформлением на учебу в Исовский техникум, на курсы повышения квалификации, без проволочек перемещал по просьбе трудящихся на другую работу, помогал в ремонте жилья, в оказании медицинской помощи больным и так далее.

На прииске его считали хозяином в хорошем смысле этого слова.

Он сам не пил и не любил пьяниц и лодырей. Люди это хорошо знали и говорили: «Смирнов даже по телефону слышит, кто выпивши».

На совещаниях и техсоветах у него не было пустых разговоров. Решая производственные вопросы первым делом заслушивал главного геолога о приросте разведанных месторождений, требуя опережения по сравнению с фактически отработанным за год. Таким образом на прииске всегда была перспектива на будущее.

Анализируя прожитую жизнь и работу на прииске в течение 36 лет я с удовольствием вспоминаю те восемь лет, которые я проработал под руководством Владимира Павловича Смирнова. В моей жизни много было хороших руководителей и командиров во время службы в армии, но этот был один из всех, о котором я особо вспоминаю с благодарностью, что мне сильно повезло в этом отношении. Я научился у него работать честно и добросовестно, правильно организовать свой труд и время, работать с перспективой на будущее и многое достиг в этом.

Владимир Павлович Смирнов был настоящим коммунистом (на Ису его восстановили в партию), руководителем Сталинской эпохи. С его уходом с прииска дела на предприятии сами по себе пошли как-то хуже, уже не стало того боевого настроения борьбы за каждую минуту и часы чистой работы на добычных объектах.

Нас, соратников Смирнова В.П. в живых на Ису осталось мало, но все мы вспоминаем его с любовью и уважением.

ВОСПОМИНАНИЕ

бывшего начальника проектного отдела прииска Аркадия Григорьевича Буторина

Вспоминая В.П. Смирнова, он рассказывает:

— В пятидесятые и шестидесятые годы прошлого века я одиннадцать лет бок о бок проработал с Владимиром Павловичем Смирновым и редкий день у нас не было с ним встреч. Прииск переживал тяжелые времена. Разведанные наиболее богатые дражные и гидравлические полигоны были отработаны. Стоял вопрос об остановке ряда добычных объектов и резком снижении добычи золота и платины. Нужно было срочно принять меры по продлению срока службы предприятия и обеспечению работой трудящихся прииска. Этим вопросом вплотную занялся В.П.Смирнов. Его энергия и работоспособность были неистощимы. По моему понятию этот человек мог возглавить Главк

или даже Министерство, может быть впоследствии так и произошло бы, если бы он не был осужден и, очевидно, пострадал тоже за чрезмерное усердие на производстве и никак не из-за личных интересов.

Благодаря ему на несколько лет был продлен срок работы драги № 29 и 33. Первая из них была переведена на добычу песчано-гравийной смеси с попутной добычей драг-металлов, на второй драге, оказавшейся в трудномывкой глинистой породе, для улучшения обогащения породы и увеличения извлечения металла были убраны поперечные шлюзы и установлены корытные мойки, а на бочке дырчатые листы заменены на литые с продольными отверстиями.

До сих пор ничего подобного на драгах не делалось. И все это по чертежам проектного отдела прииска из деталей наготовленных в механическом цехе своего предприятия. Проектный отдел решал вопросы свойственные институту.

— В 1962-63 годах по чертежам этого отдела с речки Косья в реку Нясьма, за 40 километров была перенесена и модернизирована 150-литровая драга № 40. От старой драги мало что осталось, по существу был создан новый агрегат с современным оборудованием. Прежде всего управление драгой полностью механизировано путем монтажа электропневматической системы. Устранен ручной труд на сполоске. Заменено большинство подшипников скольжения на подшипники качения. Смонтировано достаточное количество грузоподъемных механизмов. Созданы хорошие бытовые условия для обслуживающего персонала. Грамотно был выполнен расчет плавучести драги.

— В 1964-65 годах 250 литровая драга к 29 тоже по чертежам проектного отдела была модернизирована и перенесена с реки Выя на реку Нясьма. Проект и работы настолько хорошо были выполнены, что драга производительно могла работать круглый год, в том числе и в зимний период с кратковременной остановкой летом на ремонт, в результате ее производительность по переработке горной массы достигла двух миллионов кубических метров, то есть почти в два раза выше проектной мощности. Можно себе представить насколько высоки были ее экономические показатели в тот период.

— Впервые гидравлические подкачные насосные станции были переведены на автоматический режим работы. Низкопроизводительные землесосы 8 НЗ на гидравликах были заменены на ЗГМ-2М.

Все это делалось под непосредственным руководством и контролем Владимира Павловича.

По его предложению (уже после его отъезда), на полигоне драги № 26 для вскрыши торфов был смонтирован и пущен в эксплуатацию шагающий экскаватор ЭШ-10/70, что позволило значительно увеличить производительность драги по добыче драгметаллов.

В.П.Смирнов был требовательным, порой жестковатый в достижении целей и некоторые работники прииска в первое время были недовольны. Начались жалобы и кляузы в партком и городской комитет партии, но вскоре с этим разобрались, поняли его правоту и все его начинания и указания стали приниматься, как должное. Здесь его восстановили в КПСС.

Такая же, по-видимому картина получилась и в управлении комбината «Уралзолото», куда его в 1966 году перевели в качестве главного инженера.

Хорошо зная обстановку в этом предприятии и будучи настойчивым, твердохарактерным, по многим вопросам он не был согласен с главным инженером «Главзолото» Цветной Металлургии Лобовым. «Коса нашла на камень». Строптивный характер Смирнова не понравился последнему и когда в 1969 году комбинат «Уралзолото» получил новое название, объединение «Уралзолото» он не был утвержден в старой должности, о чем сильно переживал, и у него обострилась болезнь сердца. Вскоре вышел на пенсию и уже будучи в преклонном возрасте в 1997 году умер в Екатеринбурге, оставив о себе у товарищей по работе самые лучшие воспоминания.

Попков Павел Петрович

Родился в 1907 году в поселке Теплая гора Чусовского района Молотовской (ныне Пермской) области. Образование средне-техническое. В 1927 году окончил Нижнетагильский металлургический техникум по специальности горный техник.

Женат, имел семерых детей, из них трое не родные.

По службе имел звания: в 1940 году - горный директор II ранга административной службы. В 1952 году - горный директор I ранга административной службы.

Занимаемые должности по службе:

1. Кытлымский прииск Исовского района. 1928 - 1942 годы - помощник заведующего драгой, техник при техническом отделе. В 1931 году назначен начальником горного отдела, затем заместителем главного инженера прииска.

В 1936 году и.о. главного инженера прииска, но через два года понижен в должности до техрука горного отдела, затем назначен начальником горно-старательского отдела.

В 1931 году командирован в Сибирь для изучения гидравлической добычи драгоценных металлов. В 1940 году становится главным инженером Кытлымского прииска.

2. Теплогорский прииск. 1942-1944 годы - главный инженер - заместитель директора прииска. Поселок Усть-Александровский Чусовского района Молотовской области. Прииск занимается добычей ювелирных алмазов.

3. Кировский прииск. Поселок Красный Урал (ныне «Уралец») Висимского района Свердловской области. 1944 - 1950 годы. Главный инженер, с 1948 года директор прииска имени С.М.Кирова. Это предприятие, после Исовского прииска, являлось в стране вторым по количеству добываемой платины. В сороковые годы здесь работало семь драг. Широко была развита старательская добыча металла открытым и подземным способом. Работало несколько разведочных шахт на добыче рудной платины в Соловьевых дунитовых горах. Директором Кировского прииска в начале сороковых годов работал И.В.Малышев, в 1948 году его сменил Павел Петрович Попков.

Управляющий трестом «Уралзолото» Шмаков дает ему такую характеристику: «Товарищ Попков имеет большой практический опыт работы в золотоплатиновой промышленности и достаточные технические знания по работе на россыпных месторождениях. Дисциплинированный, но недостаточно требовательный к подчиненным».

В 1949 году за безупречную работу и выслугу лет был предоставлен к награждению орденом Трудового Красного знамени. Но по неизвестным причинам эту награду не получил.

В характеристике по этому поводу говорилось: «Тов. Попков за время своей работы на предприятиях «Уралзолото» проявил себя квалифицированным специалистом и опытным администратором. К исполнению служебного долга относится добросовестно. Систематически работает с коллективом рабочих и ИТР, мобилизуя их на выполнение производственных задач. Среди коллектива пользуется авторитетом».

Таких и подобных ей характеристик в личном деле П.П.Попкова несколько штук. Подписаны они такими управляющими треста «Уралзолото» или их заместителями, как Шмаков, Фурщик, Татарин, полковник Сенатов.

4. Исовский прииск. 1950-1969 годы. С 23 января 1950 года П.П.Попков из Кировского прииска переводится директором в Исовский прииск треста «Уралзолото». Это крупнейшее в Советском Союзе предприятие по добыче платины. Расположен в Исовском (ныне Нижнетуринском) районе Свердловской области. В прииске в те годы постоянно работало 9-11 драг, 2-3 из них маломощные паровые старого типа, остальные 250 и 380-литровые современные электрические драги.

На прииске широко развит гидравлический способ добычи металла. Крупные, мощные гидравлики появились с 1950 года в связи с прекращением старательской добычи.

Предприятие пополняется новой техникой. В управлении и в цехах работают квалифицированные, технически грамотные, имеющие большой опыт работы, инженерно-технические работники, способные решать любые вопросы, связанные с добычей золота и платины. Но основные месторождения выработаны, отрабатываются ранее оставленные, из-за низкого содержания участка. Драги начинают вторичную переработку своих отвалов с прирезкой бортовых целиков. Встает вопрос о продлении срока службы предприятия за счет повышения производительности труда и снижения затрат на добытую продукцию. Главная задача - не допустить преждевременную ликвидацию прииска и перевода его в разряд карьера или участка.

Для решения этой задачи необходимо было принять смелые, решительные меры по модернизации оборудования, внедрения новой техники и технологии, коренного изменения организации труда. Но кто возглавит эту работу?

Попков имеет большой опыт работы, но недостаточно решителен в изменении установившихся порядков на производстве. Он привык к спокойной, ритмичной работе, без скачков и потрясений. Кировский прииск, где он работал директором был ликвидирован в 1951 году, якобы из-за того, что там выработаны все месторождения и дальнейшая эксплуатация драг и гидравлик стала экономически нецелесообразной.

Против такого заключения руководители прииска не выступили и не попытались доказать обратное, хотя драги по месторождениям прошли один раз, в бортах и на плотике русла рек осталось немало участков, где содержание было вполне приличное для экономически целесообразной работы некоторых драг. На увалах рек и в логах тоже остались месторождения, где могли бы работать небольшие гидравлики. Доказательством тому служит работа нескольких старательских артелей близ поселков Висим и Уралец.

Директор прииска предпочел спокойно перебраться на другое более крепкое предприятие.

Человек, способный на смелые, коренные изменения в производстве на Ису нашелся. В 1953 году главным инженером прииска был назначен, приехавший из Сибири, инженер Владимир Павлович Смирнов. Он и взвалил на свои плечи всю работу. Его инициатива была подхвачена многими специалистами прииска, а директор за «широкой спиной» Смирнова мог спокойно наблюдать за ходом событий. В.П.Смирнов на Ису сделал то, чего не смог бы сделать никто другой из числа известных в «Уралзолото» специалистов. И орден Ленина, которым П.П.Попков был награжден в начале семидесятых годов, по праву принадлежал Смирнову.

Павел Петрович, если правильно выразиться кабинетный работник, очень осторожный и нерешительный в принятии нестандартных решений, не любит рисковать. Решения не только сложных, но и простых вопросов старается переложить на плечи своих заместителей. Об этом хорошо выразился Аркадий Григорьевич Буторин, долгое время работавший с Попковым в качестве начальника производственного, а затем проектного отделов прииска, есть и другие примеры.

Павел Петрович хорошо изучил и понял роль партийного комитета и Горкома КПСС. В райкоме и райисполкоме он свой человек, там его знают и ценят.

Получается так: если предприятие выполняет и тем более перевыполняет план, то заслуга в этом директора. Если что-то не ладится, то конкретные виновники находятся ниже.

При строительстве драги № 40 на речке Каменушка встал вопрос об установке дополнительных поплавков к понтону драги, так как не выдерживался фриборт и драга при работе зимой, при обледенении, могла затонуть.

Смирнов был в отпуске. Решить вопрос об установке поплавков было не с кем, пуск драги задерживался. Когда конструктор обратился к Попкову, тот только сказал:

«Вот еще, какие-то поплавки!» И вопрос был отложен. Его решил Смирнов в течение 10-15 минут в первый же день выхода на работу из отпуска.

Автор этой статьи, будучи еще молодым специалистом и только что приступившим к обязанностям начальника драги однажды в выходной день позвонил Попкову на квартиру по срочному вопросу. Павел Петрович, не выслушав до конца, сказал: «У меня есть заместители» и повесил трубку. Второй подобный случай, нужно было решить вопрос с директором. Я, не долго думая, открыл дверь его кабинета и хотел зайти. В кабинете кроме Попкова никого не было. Он довольно резко сказал: «Я занят».

А мог бы и поинтересоваться, как дела на драге, как живется, может ли молодому специалисту, недавно приступившему к работе начальником драги.

После этих случаев у меня отпало желание обращаться к директору прииска по любому вопросу. Кстати сказать, квартиру на поселке Бушуевка я получил при содействии Смирнова, а не директора прииска.

На Исовском прииске Павел Петрович проработал девятнадцать лет, до выхода в 1969 году на пенсию. За это время получил два ордена Ленина. Возможно он вел себя и правильно, взвалив всю работу и ответственность на других, а сам проводил совещания в своем кабинете, заседал в парткоме и приисковом комитете, постоянно посещал горком партии и горисполком.

В его личной жизни был случай, который может служить для многих других примером для подражания. Первая жена умерла в 1943 году, оставив на его попечении четырех малолетних детей. В это же время на фронте погиб его хороший знакомый, некий Чистяков. Его жена осталась с тремя малыми детьми. Попков и Чистякова поженились и всю жизнь вместе воспитывали семь человек детей не деля их на своих и чужих. Все дети выросли, выучились и получили специальности и работу.

Умер Павел Петрович в Нижней Туре в возрасте 82 года.

к Исх № 432с

25/VII-47 г

119

Я, нижеподписавшийся, *Попков Павел Петрович* состоя на службе или будучи уволенным, настоящим обязуюсь хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе органов войск НКВД, ни под каким видом не разглашать их и не делиться ими даже со своими ближайшими родственниками и друзьями. Если я буду заниматься литературной и сценической деятельностью, обязуюсь ни в коем случае не разглашать прямым или косвенным путем, а также в печати (периодической и не периодической), сценариях, литературных и т. п. диспутах и отдельных выступлениях, сведений об агентурно-оперативной работе ВЧК, ОГПУ и НКВД, в прошлой и настоящем, а в тех случаях, когда вышеуказанные материалы уже имеются в виде рукописей, подготовлены к изданию—не продавать издательствам, без согласия на то соответствующих органов НКВД, передавая все перечисленное на предварительный просмотр и санкцию вышеуказанных органов.

Неисполнение всего изложенного грозит мне ответственностью по соответствующим статьям Уголовного Кодекса.

« 22 » июля 1947 г.

Собственноручная подпись:

Такие обязательства подписывали все ИТР, когда золотоплатиновая промышленность находилась в подчинении и под надзором НКВД в сороковые и в начале пятидесятых годов 20 века.

Ершов Илья Семёнович

В 1935 году награды получает большая группа золото- и платинодобытчиков. Кавалером ордена Ленина стал управляющий трестом «Уралзолото» Илья Семенович Ершов (1894—1938), возглавивший это вновь образованное предприятие в мае 1933 года. Происходил он из рабочих, с 17 лет состоял в компартии и до Октябрьского переворота 1917 года трудился на различных заводах. За революционную работу подвергался административной высылке. В 1917 году стал одним из организаторов отряда Красной гвардии в Туле. Затем долгое время находился на ответственных должностях в военных органах этого же города, а также в ВЧК и ОГПУ.

Окончив Промакадемию, перешел на работу в цветную и золотоплатиновую промышленность, где руководил Риддеровским полиметаллическим и Карабашским медеплавильным комбинатами. После этого служил заместителем управляющего объединением «Севцветметзолото», руководя цветной металлургией и золото- и платинодобычей. В послужном листе отмечается, что орденом Ленина награжден за образцовую и исключительно четкую работу по развитию золотой промышленности Урала.

В качестве управляющего трестом «Уралзолото» широко развернул золотодобычу, увеличив ее за четыре года в 8 раз, умело наладив старательские методы работы. Лично руководил монтажом драг и их эксплуатацией.

С похвалой отзывался об управляющем «Уралзолото» А.П. Серебровский: «Особенно я отмечу работу Ершова Ильи Семеновича, создавшего новый Урал. Это человек исключительной работоспособности, дисциплинированный, хорошо знающий технику, с большим кругозором. Он выдвинул молодых работников, он же внедрил настоящую дисциплину на Урале». Ершов настолько понравился Серебровскому, что он взял его к себе в Москву заместителем, чем погубил его.

1937 год превратил «друга и учителя» золотодобытчиков в «шпиона иностранной державы», а «создателя нового Урала» в «презренного врага народа», хотя Ершов в своей анкете писал: «В других партиях не состоял, в оппозиции не участвовал». Трудно сказать, погибли ли они с Серебровским вместе, так как дата смерти последнего в различных литературных источниках разноречива. То указывается 1938 год, то 1940-й, то даже 1941 г.

СТАРЕЙШИЙ РАБОТНИК ПРИИСКА Александр Николаевич Гордеев

В мае 2004 года старейшему работнику Исовского прииска, участнику Великой Отечественной войны, Александру Николаевичу Гордееву исполнилось девяносто лет. Александр Николаевич выглядит моложе своих лет. Ходит прямо, без палочки, имеет нормальный слух и зрение, хорошую память. Начав трудовую деятельность в 1929 году, в возрасте пятнадцать с половиной лет, закончил ее в 2001 году, имея общий стаж работы семьдесят один год, в том числе почти пятьдесят лет на приисках Урала и полтора года на фронтах ВОВ. Добычу драгоценных металлов начал в 1938 году в системе «Башкирзолото» в качестве начальника участка. Ему исполнилось тогда двадцать четыре года, возраст для такой должности не велик. В 1940 году по направлению руководства «Уралзолото» становится начальником крупного старательного участка «Леба» в прииске «Тагилзолото».

Обстановка на участке сложная. Месторождение золота богатое. По логу обрабатывается отдельными старательскими артелями методом шахт глубиной десять — пятнадцать метров. Старатели отовсюду прибывают своим конным транспортом. Им нужно отвести место, помочь с благоустройством, решить массу организационных вопросов. Артели с прииском заключают договоры. Сами изыскивают паровые котлы, насосы, трубы, рубят лес, строят казармы для жилья. Каждая артель, а их одиннадцать, работают самостоятельно. Им отводилось по сто погонных метров вдоль простирания месторождения (лога). Ширина металлосодержащих песков сто двадцать метров. Основная струя металла в центре лога, в сторону бортов содержание падало, но по закону месторождение должно обрабатываться полностью, на всю ширину, Хищнический метод, когда выбирается богатое, а бедное остается категорически запрещен. Это старателям не нравилось, но приходилось мириться, так как существовал строгий горнотехнический надзор и строгая ответственность за отработку всей площади месторождения. Старатели с первого дня начинали бить ствол шахты и проходку подземных выработок. Над стволом ставили вороток с конным приводом для подъема породы и откачки воды из шахты самодельными поршневыми насосами.

Работа кипела от зари до зари. Люди стремились максимально использовать световой день. Вашгерды для промывки породы и улавливания металла стояли рядом с шахтой. Воду для сполоска брали из шахты, но ее не хватало, поэтому тут же

копали ямы для сбора отработанной мутной воды. Она немного отстаивалась и сквозь песок и породу снова, уходила уже осветленной а шахту. Таким образом осуществлялся водооборот. Электрической энергией и двигателей внутреннего сгорания не было. Все работы велись вручную с применением конной тяги. Намывки были не плохие, старателей удовлетворяли. В середине лет на участок приехал директор треста «Уралзолото» Чуб. Собрал специалистов, председателей артелей и предложил увеличить добычу золота так как положение с выполнением плана в тресте создалось критическое. Тут же на поляне разложили планшеты с геологическими картами. Он спросил: —Что требуется для увеличения добычи?— Старатели ответили что есть один выход—отступить от бортов, брать породу на промывку прямо из струи пролегания песков с богатым содержанием. Директор согласился и добыча металла возросла. К осени богатые пески были перемыты и намывка резко пошла на убыль. Всего было взято около шестисот килограмм с пятидесяти тысяч кубометров горной массы, то есть двенадцать граммов с кубометра. Это очень хорошее содержание. В бортах металла осталось еще много, но наступили холода, работы были прекращены и больше не возобновлялись. Месторождение оказалось заброшенным, Александр Николаевич считает, что при современной технике и наличии электроэнергии работы возобновить было бы целесообразным. Летом 1941 года Гордеева назначили начальником участка на восстановление заброшенного демидовского подземного рудника вниз по течению реки Тагил. Там были две глубокие шахты с подземными выработками в несколько этажей. Электроэнергии тоже не было и все работы велись вручную и с помощью конной тяги. После откачки воды и грязи открылись довольно большие выработки хорошо укрепленные деревянными стойками диаметром до тридцати — сорока сантиметров. Все выглядело довольно прочным, в руднике нашли глыбы кварца с содержанием свинца. Об этом немедленно доложили в геологическое управление области. В дальнейшем намечалось строительство обогатительной фабрики и добыча золота, но началась война и работы были прекращены, а Александра Николаевича, имевшего в то время уже богатый опыт ведения горных работ, в декабре 1941 года перевели в Кировский прииск Висимского района в качестве начальника Захаровского горно-старательского участка на добычу платины. Директорами в военные и послевоенные годы там работали И. В. Малышев, П. П. Попков, И. В. Шубин. Прошло не более двух недель когда вечером вызвали в Висимский райком партии. Там собралась группа коммунистов района. Секретарь райкома Лукин сообщил что в области объявлен набор добровольцев-коммунистов на фронт. Кто согласен может написать заявление. Написали все. На сбор отвели шесть часов. Отправка в Нижний Тагил поездом по узкоколейке в два часа ночи. Жена и дочь у него проживали еще в Нижнем Тагиле. Директор прииска дал хорошего коня и он уехал. Расстояние от Висима до Тагила пятьдесят километров. С семьей провел три часа.

С сентября 1941 года по январь 1942 года проходил обучение в пятом батальоне политбойцов при Свердловском пехотном училище.

В январе 1942 года был откомандирован в город Шадринск в Московское Краснознаменное училище, где находился в качестве курсанта по апрель месяц. Здесь был присвоено звание младший политрук и откомандирован в Москву, в резерв Главного политического управления Красной армии. В мае получил назначение на Центральный фронт в 32 гвардейский стрелковый полк 132 Гвардейской стрелковой дивизии на должность политрука роты автоматчиков.

Дивизия входила в состав 16 армии, вела бои с фашистами в районе между городами Козельском и Белевом. В боях на подступах к городу Белеву в августе был ранен. За выполнение боевых заданий в этот период был награжден орденом Красной звезды. Лечение проходил в эвакуационном госпитале в городе Горький. После излечения в сентябре месяце попал под Сталинград в состав первой Гвардейской армии, в частях 227, затем 259 стрелковых дивизий в должности политрука роты противотанковых ружей (ПТР). Затем в должности заместителя командира батальона по политчасти принимал участие в боях под Сталинградом в районе станции Котлубань и при прорыве немецкого фронта в районе станции Н-Чирская.

Бои развернулись жестокие, и первого декабря 1942 года снова был ранен. За эти бои был награжден орденом Красное знамя и медалью «За оборону Сталинграда». Лечение проходил в городе Нижний Тагил.

В мае 1943 года по состоянию здоровья был уволен в запас.

Вернулся на родину и с мая 1943 года в Кировском прииске приступил к работе начальником ГСУ на месторождении Чауж. Здесь работала одна из крупнейших старательских артелей в количестве трехсот человек. Председатель артели Иван Алексеевич по прозвищу «лиса». Его сменил Шик. Месторождение открыл местный (приисковый) геолог В. И. Кузнецов, за что получил денежное вознаграждение. Содержание оказалось богатым — до шести грамм на одну тонну породы. За два с небольшим года работы артелью добыли четыреста пятьдесят килограммов. Пески в нижних слоях оказались цементированными. Это усложнило технологию отработки месторождения.

Первоначально был вырыт разрез пятьдесят на пятьдесят и глубиной шесть метров. В его бортах пройдены под землей штольни глубиной от шести до двенадцати метров. По периметру месторождения пройдены шахты для вентиляции выработок, откачки воды из них и подачи леса для крепления подземных выработок. Порода из забоев по штольням вручную на тачках подавалась в разрез. Из него вагонетками по железной дорожке к двум бегунам, где разрыхлялась и во взвешенном состоянии подавалась на шлюзы. Однажды в чаше бегунов был обнаружен самородок платины весом три килограмма. Известие быстро облетело весь прииск. Такого на Урале давно не было.

В 1945 году приказом по тресту «Уралзолото» для укрепления кадров Гордеев был переведен начальником горно-старательского отдела в Южно-Заозерский прииск. Как человек исполнительный и дисциплинированный он беспрекословно выполнял приказы о новых назначениях, хотя они часто и не совпадали с его планами и желаниями. Следует учесть также и тот факт, что золотоплатиновая промышленность в те годы находилась в ведении НКВД на полувоенном положении.

Наконец в марте 1948 года окончательно обосновался в Исовском прииске сначала начальником Артельнинского, затем Глубоковского ГСУ. К началу пятидесятых годов Александр Николаевич становится одним из лучших специалистов гидравлической отработки месторождений драгоценных металлов на Урале.

В 1952 году, после отмены старательских работ, его назначили начальником самой крупной на Ису гидравлики номер 43. Здесь в полную силу развернулись его способности как специалиста и опытного руководителя по гидравлической отработке россыпных месторождений. С этого момента на гидравлике начинает интенсивно внедряться новая техника и передовая технология. Маломощные землесосы 8НЗ заменяются на ЗГМ-2 к ЗГМ-2М, внедряются гидромониторы с дистанционным управлением, появляются высокопроизводительные насосные установки и мощная землеройная техника. В эти годы А. Н. Гордеев без отрыва от производства кончает вечернее отделение Исовского горно-геологического техникума. К 1957 году производительность гидравлики достигает рекордного результата в объединении «Урал-золото» по переработке горной массы—918 тысяч кубометров за добычный сезон. На гидравлике сложился крепкий коллектив ИТР и рабочих. Долгое время мастерами работают М. В. Огибенин, О.З. Спиридонова, Красных, Логинова; гидромониторщики Г. Д. Данилов, А.И. Нечкин, А. Дурницин.

С 1971 года Гордеев работает заведующим горными гидравлическими работами прииска. В эти годы решается ряд важных вопросов о переносе действующих и строительстве новых гидравлик на вновь открытых месторождениях золота и платины. Продолжается совершенствование работ и организации труда на гидравликах.

В служебных характеристиках руководители предприятий всегда давали высокую оценку Александру Николаевичу за его отношение к работе, отмечая его исполнительность, способность хорошей организации производства, требовательность к себе и своим подчинённым. Он много уделял внимания повышению своих знаний и технического уровня.

В 1989 году в связи с уходом на пенсию он увольняется из прииска, оставив о себе хорошую память как умного, добросовестного и исполнительного специалиста. В его трудовой книжке свыше восьмидесяти поощрений в том числе медаль «За добросовестный труд», знаки «Ударник 9-й пятилетки» и «Ветеран труда». На этом трудовая деятельность Гордеева не кончается. Александр Николаевич еще долгие годы работал экономистом в фирме «Кедр» и ООО «Магистраль». В этих организациях о нем так же сохранились наилучшие воспоминания.

Ляпцевы

Наиболее именитой и многочисленной в истории добычи платины в Висиме является, пожалуй, династия Ляпцевых. Кого только нет среди них: драгеры, гидравлисты, забойщики, председатели старательских артелей, горные мастера, инженеры, руково-

дители предприятий. Не существовало, наверное, ни одной профессии золото-добытчика, которой бы они не владели.

Афанасий Иванович Ляпцев, от которого в последние 250 лет произошла вся многочисленная родня Ляпцевых, родился в 1759 году, умер в 1817, проживал в селе Михайловском, Бородицкого уезда, Тульской губернии, крепостной графа Бабжинского, был мастеровым кузнецом и занимался хлебопашеством.

Его внук, тоже Афанасий Иванович, с женой и пятерыми детьми в 1828 году были куплены Демидовыми и переселены в Нижнетагильский железоделательный завод, где он стал работать кричным мастером.

Всего в Нижний Тагил из Тульской области было переселено восемь семей Ляпцевых. В 1847 году две семьи были переселены в Черноисточинский железоделательный завод, две в Висимо-Шайтанский, остальные остались в Тагиле. Так свершилось расселение фамилии Ляпцевых по Уралу.

Работали кричными мастерами на заводах, углежогами и на других работах.

Один из потомков, - Прохор Прохорович, с тремя сыновьями и их семьями, после отмены крепостного права в 1861 году, ушел с завода и занялся заготовкой дров и леса, выжигом древесного угля, попутно занимались хлебопашеством, скотоводством, огородничеством, подсобным промыслом: ткали льняное полотно, половики, рогожки, конские попоны, изготавливали сельхозинвентарь. Совместно держали десять - пятнадцать лошадей. Вели трезвый образ жизни и были трудолюбивы.

Бабушка Фекла рассказывала, что всю зиму, в любую погоду мужики, вместе с подростками, вставали в пять часов утра и совершали две поездки за десять - пятнадцать километров. В лесосеке по колено в снегу загружали на десять - пятнадцать дровней метровые дрова или плетеные короба с готовым углем и подвозили к дровяным и угольным сараям завода. К приезду мужиков их жены выходили из дома и разгружали дрова, укладывая их в поленицы. Мужики на одной подводе уезжали домой на обед. Дома мать их кормила, и они снова уезжали в лес. Второй рейс опять разгружали вместе с женами и возвращались все домой. За ужином собиралось пятнадцать - двадцать человек.

Весной, летом и осенью валили лес, пилили его на дрова и жгли уголь. Заводским рабочим давали земельный надел - кулигу. На трехполье сеяли овес, рожь, ячмень.

После смерти отца жить стали раздельно. Каждый построил себе добротный дом со всевозможными надворными постройками.

У старшего сына, Григория Прохоровича с бабушкой Фёклой было три дочери и шесть сыновей. В Гражданскую войну один из них, - Иван, воевал в Белой армии и погиб в Сибири, второй, - Василий, воевал в Красной армии.

Три младших брата с молодых лет и до смерти работали на старании, мыли золото и платину, имели славу, как профессионалы. Жили обеспеченно, исправно. Самый старший из шести братьев, Иосиф Григорьевич, после окончания церковно-приходской школы, в подростковом возрасте стал молотобойцем в кузнице, а позднее профессиональным кузнецом, жестянщиком и лудильщиком. В 1906 году женился на дочери известного

висимского старателя - покосника, Петрова Василия Николаевича, который получил по наследству покос на р. Сисимке. Золотопромышленник Н.А. Шурыгин посоветовал Петрову провести на этом месте разведку на белое золото, в результате которой была выявлена платиносодержащая россыпь. Шурыгин и предложил покоснику сделку. Я, дескать, куплю котел, паровую машину, насосы и поведем добычу платины на паях. Так и поступили. Наняли рабочую силу. Одни занимались вскрышными работами, другие отвозили породу на промывку. Трудились сдельно и получали с квадратной сажени промытых песков. Платину хозяева сдавали по договорной цене. Вскоре В.Н. Петров разбогател, какой-то пай покоса отдал сыну Илье, четвертинку пая пожаловал зятю Иосифу Григорьевичу Ляпцеву, да столько же «отвалил» другому зятю А.Н. Ковальчуку. Деньги бросал налево и направо. Приедет домой, а ботфорты в глине. Кричит жене: «Старуха, наливай коньяк в тазик», — та выльет бутылки три-четыре, а он недоволен. «Мало! Плесни еще!» Та выльет еще пару бутылок — «Старуха мой мне сапоги!»

Дурачился таким образом. Был у него отличный жеребец, так он погнал его в лес прямо на деревья. Тому и выбило зубы. Отдал после этого коня зятю.

Дом себе отгрохал на берегу пруда, на площади, возле церкви, но ходить в нее не любил. Людей же привечал. Возвращаются прихожане из церкви в воскресенье, аль в праздник, а Петров к этому времени на площади уже столы накрыл. «Люди православные! Заходите, я вас сегодня угощаю!»

Так и прожил до октябрьских событий 1917 года. Россыпь к тому времени отработали и он снова стал бедным. Приходил в гости к зятьям, те его подкармливали. Два сына Василия Николаевича до конца своей жизни трудились старателями-шлюзниками.

Иосиф Григорьевич на паевые построил хороший дом с надворными и хозяйственными постройками. Всё это покрыл двумя продольными и одним поперечным коньком. Железо крыши проэфелил и покрасил малахитовой зелёной краской. С тех пор прошло девяносто лет, а крыша стоит без замены. В это же время на берегу речки Висим была построена новая кузница. Иосиф Григорьевич в Висиме считался лучшим кузнецом, но рано ушел из жизни, в сорок семь лет.

Все пять сыновей Иосифа Григорьевича — Павел, Александр, Виктор, Сергей и Борис пошли по стопам не отца, а своих дядей. Старший, Павел, 1915 года рождения, окончил семилетку, затем школу ФЗУ и стал машинистом паровой драги на Кировском прииске. Проработав два года, был назначен драгером драги № 5, а затем и № 6. После службы в армии стал чекистом. Дослужился до должности начальника одного из отделов КГБ, курировавшего ракетные части.

Александр Иосифович 1917 года рождения, окончив в 1934 году горпромучилище, трудился слесарем, машинистом на паровой драге № 12. Толковый, сообразительный парнишка быстро рос в профессиональном отношении, в 17 лет заняв место драгера на «комсомольской» драге № 5. Он самый юный драгер за всю историю отрасли. В архиве сохранился документ, свидетельствующий, что в сентябре 1935 года драгер драги № 5 Александр Ляпцев заработал 335 рублей, а в октябре, сократив простои агрегата за

счет лучшей организации труда, получил 635 рублей совзнаками и 49 рублей золотом, что в переводе на советские деньги означает 1450 руб. Чтоб подтянуть отстающие коллективы Александра Ляпцева переводили на драги № 6 и 7. Работал драгером до 1940 года, когда был отозван в райком комсомола. Позднее был политруком в управлении НКВД, заведующим центральной сберкассой и до конца войны заместителем начальника висимского отдела Тагилторга. В 1946 году снова переведен в распоряжение Кировского прииска.

Ляпцевы: Братья (слева направо: Борис, Сергей, Павел, Александр, Виктор). Сестры: Нина, Валентина.

Первый парень на Висиме баянист Виктор Ляпцев начал свою трудовую биографию в 1942 году в возрасте 15 лет. Был мотористом подъемного водоотлива, механиком на гидравликах в крупных старательских артелях. После ликвидации Кировского прииска три года работал у Александра Иосифовича в экспедиции по разведке алмазов. Затем начальник гидравлики Невьянского прииска. - Виктор Иосифович Ляпцев стал организатором одной из первых старательских артелей на Урале уже в период так называемого развитого социализма.

В 1977 году под его руководством в Невьянске начинает работать артель «Нейва». Хорошо зарабатывал, пользовался авторитетом. Всю жизнь посвятил золотому промыслу. Его жизнь оборвалась в 1988 году. ИТР и рабочие за глаза называли его ласково «тятей». Под его руководством артель добыла чуть более 4 т золота. Это истинно уральская артель, успешно работающая и сегодня.

Сергей Иосифович в большой семье Ляпцевых был четвёртым сыном. Родился в 1931 году, рано остался без отца, его воспитанием занималась мать и старшие братья, особенно Александр, который после смерти отца в семье остался за хозяина.

Сергей рано приучился к труду. Старшие братья с молодых лет пошли мыть золото и платину, а он с матерью и старшей сестрой косил сено, заготавливал дрова, ухаживал за скотиной и огородом. В голодные военные и послевоенные годы с ребятами-подростками ходил на лесные поляны за диким чесноком, которого вокруг Висима росло много. Чеснок возил на продажу в Нижний Тагил, на вырученные деньги покупал школьные принадлежности: учебники, тетради, ручки и прочее.

Рос большим и сильным. После окончания средней школы пытался поступить в военное авиационное училище, но по состоянию здоровья не прошёл. Поступил в Нижнетагильский металлургический техникум. Во время производственной практики побывал в «столице» золотодобывающего предприятия Сибири, - «Лензолото», в городе Бодайбо. После окончания техникума мечтал попасть туда на работу, но по семейным обстоятельствам пришлось отказаться от этой затеи.

Трудовую деятельность начал на Украине сменным мастером в предприятии «Дзержинскруд».

В 1954 году вернулся в родные края, поступил на работу в Кировскую алмазную экспедицию в поселке Уралец, и отныне навсегда связал свою судьбу с работой по добыче драгоценных металлов на Урале.

После ликвидации экспедиции был направлен в Салдинский прииск треста «Уралзолото». Там работал мастером, затем инженером по рационализации и изобретательству, вёл активную общественную работу. В 1956 году трудящиеся избрали его председателем профсоюзного комитета прииска, а ещё через два года был назначен заместителем директора прииска.

Так, благодаря своему трудолюбию и серьезному отношению к порученной работе, поднимался по служебной лестнице.

После ликвидации Салдинского был направлен в Исовский прииск начальником отдела материально-технического снабжения, где и проработал семнадцать лет, до выхода на пенсию.

У трудящихся Иса остались о нём самые наилучшие воспоминания, как о честном, доброжелательном и культурном человеке. Умер Сергей Иосифович в 2000-м году после тяжелой и продолжительной болезни, оставив после себя три сына, которые с достоинством продолжают его дело.

Младший из братьев, Борис, долгое время председательствовал в Висимском поссовете. Все братья — здоровые мужики, высокие, косая сажень в плечах.

Александр Иосифович Ляпцев проработал в золотоплатиновой промышленности без малого полвека, из них 26 лет начальником гидравлики. За это время «перелопатил» около 13 млн т породы и намыл 600 кг платины и 1,8 т золота. Все еще бодр для своего возраста, крепок, сохранил цепкую память. Не потому ли, что изучает родословную своей семьи. Многое он помнит.

Рассказывает, что в 20-х годах водку продавали по рецепту врача литровыми бутылками и четвертями. Возили ее зимой в санях в коробах, сплетенных из гибких черемуховых веток. Как только завидят в Висиме подводу с водкой, по всему поселку крик: «Вино белое везут!», и бежал народ в магазин. Подавали «злодейку» через окна-амбразуры, перед которыми были врыты в землю столбы наподобие тех, которые употреблялись для коновязи. Помогали, видимо, от давки, создаваемой толпой страждущих.

«Шалили» тогда старатели платиновым песочком. Припрятавали его, сдавали не в контору прииска, а в Торгсин, в котором закупочные цены были повыше, или продавали скупщикам еще дороже. Был один такой по фамилии Тамаров. Убили его в Диких ложках около дер. Бобровка, когда он ехал в санях. Платину скупщик прятал в оглоблях, просверливая отверстия в их торцах и заколачивая незаметно дырки колышками. Кто-то прознал его тайну, навел убийц. Те у саней оглобли-то и отпилили. Иосиф Ляпцев после смерти Тамарова купил его жеребца за 250 руб. серебром где-то в 1927 году.

В 1930 году ОГПУ провело широкую операцию по конфискации золотого и платинового песка у населения приисков Урала. Оно «замело» всех прежних более или менее крупных покосников (старателей, ведших разработку россыпей на своих покосах, находившихся у них в частной собственности) и в пос. Висим. Арестованных отвозили в Нижний Тагил, где чекисты выбивали из них платиновый песочек. Среди них оказались знаменитые покосники Н.С. Лисин, В.Н. Петров, а также старатели Липины, Кочневы, Сырковы, Черемных. Последние — все кержаки, большие труженики, мужики состоятельные, но самолюбивые скупые. Даже жены не знали о размерах их богатства.

Один из Сырковых, а также его друг Рассадников, оба молодые, под два метра, «положили глаз» на женщину, жившую около дер. Большие Галошки по соседству со старцами-отшельниками. Одинокая, красивая, сильная, кровь с молоком она самостоятельно вела хозяйство: пахала, сеяла, содержала скотину. Похотливых «женишков» и близко к себе не подпускала. Друзья и решили взять ее силой. Жили они хорошо, отцы их баловали, силы девать было некуда. Вот и поехали к ней. Слезли с коней, стали заигрывать. Красавица взяла их за шиворот, приподняла, треснула лбами и приказала: «Езжайте, откуда приехали».

Вернемся, однако, к прерванному рассказу.

Николая Саввича Лисина брали чекисты несколько раз и немало вытрясли из него «металла». Да и у других платиновый песок изымали бутылками. Некоторые из ограбленных сходили с ума.

Более двух месяцев просидел в кутузке и кузнец Иосиф Григорьевич Ляпцев, который, по слухам, брал за работу платиновой крупчаткой. Но вытрясти из него ничего не удалось. Тогда гэпэушники подговорили освобожденного Кочнева передать жене кузнеца: «Мария Васильевна, Иосиф просил, чтоб ты снесла в ОГПУ золото и платину». Та достала шкатулку, вынула из нее золотые кольца, броши, суперик (кольцо со вставкой) и принесла чекистам, которые подняли шум, что украшения де не берем, тащи песок. Допросили ее основательно, но отпустили, а вскоре и мужа освободили. На нет и суда нет.

В 1938 году 150-литровая паровая драга № 6, на которой работал А.И. Ляпцев,

дошла до верховья речки и начала знаменитой «ушковской канавы», соединявшей р. Черную с Черноисточинским прудом системой дамб и шлюзов, обеспечивая работу трех заводов. За эту уникальную гидросистему в 1849 году Демидовы даровали крепостному Климентию Ушкову и его семье свободу. Драга отработала запасы и ее нужно было сплавить вниз по канаве на 12 км. Для этого соорудили плотину-водосборник и в период паводка добавляли в «канаву» воду. На драге сняли черпанную раму, стакер, обезводили паровой котел, оставив большой вертикальный котел для работы маневровой лебедки. Когда драгу прибывало к берегу, ее использовали. Агрегат сплывали за двое суток до станции Черноисточинск на узкоколейной железной дороге. Там драгу вновь собрали. Это мы к тому, что добротную построил Ушков «канаву», на века. Послужила и тем целям, на которые не рассчитывалась.

Вернулся Александр Иосифович в 1946 году с хлебной должности в Висим и пошел работать в старательскую артель, которую возглавляли его дяди Михаил и Анатолий. Хитрованы были, кого попало в артель не брали, в основном по родственному признаку. Его взяли да еще несколько фронтовиков. Боевые были ребята. Всего в артели состояло 10 человек. В летний период работали проносами, а в зимнее время вели добычу в шахтах и дудках иногда без крепежа. Бывало, что старателям сопутствовала удача, и чтоб никто, кроме своих, не знал, что намыли много металла, председатель артели задерживал сдачу его в приисковую контору.

Рядом, в пос. Горняк, был кулацкий колхоз имени 7-го съезда Советов. На его земле по увалам прошла в свое время поисковая партия. Кто-то из родственников Александра Иосифовича работал в ней, и они скрыли фактические запасы платины. Теперь дяди пошли к председателю колхоза Ковину с просьбой разрешить им пробить на увале шурф. Тот им отказал, так как там была пашня. Вот тогда-то дяди и пригласили племянника в свою артель, поскольку он был другом Ковина.

«Пожалуйста, бейте», - ответил председатель колхоза Александру, обратившемуся к нему все с той же просьбой. Пробили шурф, промыли первую пробу и получили 120 г платины. Небывалое дело! Шурф сделали в виде дудки, т.е. круглый. Сколько в одну сторону ни шли, все платина и платина. Целый месяц вкалывали, а в конце его произвели общий подсчет. Делили платину между членами артели равными долями. Много ее намыли, а все же 5 кг хотели попридержать. Председатель артели Михаил Григорьевич обратился к старателям: «Решайте, что с платиной делать, куда ее девать». Александр Иосифович высказал свое мнение: «Дело это подсудное, мою часть сдайте, а мне боны. Остальное — как хотите. Я никому не скажу». Крестный даже подскочил: «Я говорил, что ему доверять нельзя!»

Дядя Миша пошел сдавать платину в контору прииска. Там у всех глаза на лоб полезли. Дошло до начальства. Приехало все руководство прииска, секретарь райкома ВКП(б). Артели как первооткрывателю выделили большой участок земли и дали в качестве рабочей силы десять колхозников, мальчишек и девчонок, одетых и обутых кое-как. Наехали знаменитые старатели. Им тоже предоставили участки, но в 2 раза поменьше, прикрепили подростков из разных колхозов. Так всю делянку и разделили. Было это в 1948 году.

Тогда же Александра Иосифовича избрали председателем старательской артели «7-й съезд Советов» в 30 человек. Она построила искусственную гидравлику, затем механический пронос. Это была, видимо, первая гидравлика на Кировском прииске. Народу потребовалось более 40 человек. С этого времени Ляпцев считает себя гидравлистом.

Перешли на оплату трудоднями, работали в три смены, а так как электричества не было, то в ночное время для освещения разреза жгли смолье. Выработка возросла в 5 раз, до 15 м³ на человека в смену. Для круглогодичной работы старатели пробили на Надеждинском увале капитальную шахту с содержанием платины 3 г/м³ породы, установили лебедку, насосы, гидровашгерд. Летом эксплуатировали гидравлику, а зимой работали в шахте, кормились ею. Каждый день она давала 100 г платины. Сдавали ее по 1 руб. 80 коп. за грамм. Весь доход старатели и колхозники делили поровну. Девчонки приоделись, любо на них стало посмотреть. Да и ребята приобрели костюмчики, рубашки, обувь.

В 1949 году артель завела первый на прииске новый землесос 8НЗ. Г.Д. Бутлицкий (много позднее работавший в артели «Нейва») предложил отрабатывать участок, заброшенный в свое время знаменитым старателем Корнилом Сергеевичем Федуловым. Вначале платина не «шла» и Корнила Федулов, щеголявший по праздникам в красной бархатной рубашке с поясом, ворчал: «Это не насос, это кровосос». Но вот артели удалось намывать ковшом 150 г платины, а из зумпфа вручную взять ее 4 кг. Оказалось, что и в головке шлюзов вся поверхность покрылась металлом и артель за один сполоск сняла его 18 кг, а за весь месячный цикл в июле — 22 кг.

Обрадовались старатели, хорошо заработали. Пора сенокосная, а никто в отпуск идти не хочет. Зачем, когда можно косарей нанять.

Капитальную шахту на лето затапливали. Работала она три года, а гидравлики все наращивали «обороты». Численность артели достигла 70 человек. В 1950 году прииск впервые стал предлагать землесосы. Этот год запомнился и тем, что именно тогда запретили старательство. Да и мехпроносом работали до той поры.

В 1951 году А.И. Ляпцев становится начальником государственной гидравлики № 68. Проработал сезон и его направили на шесть месяцев в Благовещенск на ускоренные курсы для повышения квалификации практиков, занимавших должности инженерно-технических работников. По возвращении он - начальник гидравлики № 65 до закрытия Кировского прииска (1954 год). С 1955 года все последующие 23 года начальник гидравлики № 67, участвовавшей в деятельности алмазной геолого-разведочной экспедиции, добившейся однажды рекордной производительности в отрасли. Уже будучи на пенсии, несколько лет избирался секретарем парткома прииска, не получив ни одной копейки пенсионных денег. Не положено было.

За многие годы работы понял Александр Иосифович, что председатель старательской артели и начальник госгидравлики — вещи абсолютно разные. В артели он царь и бог, берет в нее только людей проверенных, испытанных, надежных в деле, которые не подведут, не продадут. На гидравлику же отдел кадров нанимает зачастую

людишек случайных. В артели вокруг председателя ходят, чуть ли не на «цыпках», он авторитет, уважаем, а начальника гидравлики только ленивый не пинает. И руководство, и работяги. Попробуй, наведи тут железную дисциплину.

Слышал, что В.И. Ляпцев, будучи председателем старательской артели, давал своим мужикам в конце изнурительного месячного рабочего цикла дня три на отдых, чтоб расслабились, отдохнули, сняли стресс.

Александр Иосифович знает о гидромеханизированной добыче золота и платины все, может говорить о ней часами. «А вы видели гидравлику в работе?» — спрашивает он. «Только в «кине», — отвечаю с улыбкой. «А знаете, какая сила у струи из монитора?» — не успокаивается Ляпцев. — Ломом ее перебить невозможно, он от струи отскакивает, как мячик от пола».

Эстафету братьев Ляпцевых подхватили их дети, племянники, всего около десяти человек. Сын Александра Иосифовича, Геннадий, закончил Свердловский горный институт, «остепенился» и преподает на кафедре экономики и менеджмента Горной академии, готовит специалистов для золото-платиновой промышленности.

Сергей Викторович стал техническим руководителем участка на прииске, а его брат Геннадий работает гидромониторщиком в старательской артели «Нейва».

Двойняшки Александр и Михаил, дети Сергея Иосифовича, вместе служили в армии, окончили Исовский техникум. Первый из них работал механиком автотранспортного цеха Исовского прииска, а второй — техническим руководителем гидравлики того же прииска, работал в свое время гидромониторщиком у дяди Виктора в артели «Нейва».

Игорь Борисович «старался» в артели «Нейва» и уже много лет работает токарем на прииске.

Племянник Александра Иосифовича по сестре Николай Александрович Ерохин на Салдинском прииске известен был как тракторист-универсал, освоил различную технику. Кавалер ряда орденов. Другой племянник Виктор Алексеевич Ерохин был там же гидромониторщиком, вышел на пенсию, но не сидит без дела, работает в коммунальном хозяйстве.

Впрочем, род Ляпцевых из Висима довольно многочисленный. Ясно, что все, кто носит эту фамилию, родственники, дальние или близкие, но корень у них общий. Есть среди них и золотоискатели, хотя большинство уже занято другим делом.

Евгений Георгиевич Кузнецов

Родился 3 марта 1924 года в поселке Артельный Исовского (ныне Нижнетуруинского) района Свердловской области в семье рабочего. Образование средне-техническое.

Трудовую деятельность начал в июне 1941 года в качестве ученика слесаря, затем на драге №28 работал верхним, кормовым и старшим машинистом.

В августе 1942 года был призван в Красную армию и направлен учиться в Свердловское пехотное училище.

В марте 1943 года окончил его и, получил звание младшего лейтенанта, направлен на Северо-Кавказский фронт в качестве командира стрелкового взвода.

В этот период началась ожесточенная борьба за освобождение Крыма, который имел огромное военно-политическое и стратегическое значение.

В боях под Новороссийском, в мае 1943 года был тяжело ранен и направлен на лечение в госпиталь города Краснодар, затем в Баку. В сентябре того же года по состоянию здоровья уволен в запас. Вернулся домой. Несколько месяцев работал военруком в артелинской средней школе.

В августе 1944 года поступил на горно-электромеханическое отделение Исовского горного техникума (ИГРТ). В июне 1948 года окончил его и приступил к работе в качестве механика дражного отдела Косьинского прииска треста «Уралзолото». С этого момента и до конца трагически закончившейся его жизни, Кузнецов постоянно связан с драгой - плавучей фабрикой, добывающей драгоценные металлы.

Автор решил описать трудовую деятельность Е.Г.Кузнецова, как человека исключительно увлеченного и преданного своему делу.

В Косьинском и Исовском приисках, и вообще на Урале, за всю историю появления дражного флота, с 1900 года, работали десятки драг, на них трудились сотни человек заведующими, затем их называли начальниками драг. Должность не высокая, все драги примерно одинаково устроены, и казалось бы не стоило уделять особое внимание этой профессии.

Но Е.Г.Кузнецова из этой категории людей следует выделить особо. Этот че-

ловец был «одержим» драгой, он «родился» дражником и страстно влюблен был в свою работу.

На драгах трудовую деятельность начал с должности техрука 380-литровой электрической драги № 41. В 1949 переведен техруком тоже мощной 380-литровой драги № 27. Начальником драги в то время работал Иван Федорович Моксунов, один из опытейших специалистов дражного дела, у которого многому можно было научиться, чем и воспользовался Евгений Георгиевич.

За три года работы на двадцать седьмой упорно изучал техническую часть драги, горное дело, методы драгирования. В 1952 году переведен был на работу в управление Косьинского прииска в качестве заместителя главного инженера по технике безопасности. Вроде и работа спокойная и ответственность не велика, проверяя других и пиши предписания, но не таков характер у него. Упорно стал вникать в работу каждого цеха.

Знакомился с людьми, находил и впитывал все полезное, что увидел и услышал в день. Сама по себе работа трудная, люди встречают такого рода специалистов без энтузиазма, считают его замечания и предписания придиркой.

Кто был связан с этой работой тот знает, что появление работника техники безопасности встречают в цехе без энтузиазма.

В 1952 году Косьинский прииск присоединили к Исовскому, должность эта была ликвидирована и он с удовольствием принял предложение - пойти работать техруком драги №28. через год снова вернулся на драгу №27, в этот раз надолго.

Почти десять лет работы в Косьинском прииске не пропали даром. Всякое бывало. Директор прииска А.Батов мужик серьезный, строгий, лишний раз не похвалит, а если уж похвалит, так значит заслужил. Недаром первая характеристика данная Кузнецову Батовым, не лестная: «честный, скромный, но не всегда дисциплинированный. Недостаточно требовательный к своим подчиненным и сам неисполнительный». Прямо скажем характеристика плохая, но справедливая. В следующей характеристике А.Батов пишет: «... мало читает технической литературы и не передает свои знания подчиненным. Осознает свои ошибки, но не торопится их исправлять сразу. Настойчив, порой даже упрямый. В должности заместителя главного инженера по технике безопасности работает слабо, безинициативен. Слабо требует с руководителей цехов в области соблюдения правил техники безопасности. Много времени уделяет общественной работе, являясь не освобожденным секретарем комитета комсомола прииска. В быту ведет себя хорошо, общителен с окружающими, выдержан, морально устойчив».

Что правда, то правда Евгений всегда в движении, всегда среди молодежи. А как иначе, симпатичный парень на вид, отличный баянист и танцор, весельчак, не глупый.

Начиная работать в Исовском прииске учел старые ошибки, взял на вооружение все хорошее и с удвоенной силой и энергией взялся за работу.

С 1955 по 1961 года он начальник драги №27, по показателям работы драги можно судить о работе ее начальника.

(Показатели взяты выборочно).

Год работы	Кубаж, т. м ³	Металл, кг	Суток работы в году	Часы работы в сутки	Часовая производительность, м ³ /час
1955	2121	181	340	16,3	384
1957	1891	137	250	18,3	414
1959	2120	216	254	18,3	455

А вот результаты работы этой драги в девяностые годы:

1991	1575	46,8	210	17,2	436
1994	820	18,3	149	15,5	355
1996	1038	28,4	201	15,0	344
1998	1242	74,7	234	—	—
2000	981	52,6	203	—	—

В 1961 году он переведен начальником драги №25. Драга шлюзовая, электрическая, свайная, скорость движения черпаковой цепи 21 черпак в минуту. В цепи 65 черпаков емкостью 380 литров. Как и на других драгах прииска здесь модернизируется оборудование, совершенствуется технология, ведется борьба за увеличение часов чистой работы.

Здесь он показал себя в полной силе. Драга стала школой для обучения техруков и начальников драг. Стало нормой посылать сюда молодых специалистов, поступающих на работу в Исовский прииск, пройти стажировку техрука у Кузнецова.

Драга №25 в шестидесятые - семидесятые годы стала одной из лучших по технико-экономическим показателям. По культуре производства и трудовой дисциплине не только на Ису и в объединении «Уралзолото», но и на Урале, не были известны случаи такой работы и в стране. На Урале опыт работы ее был распространен и обобщен центральным бюро технической информации Средне-Уральского Совнархоза.

Позднее коллективу драги вполне заслуженно было присвоено звание коммунистического труда. На драге отработан четкий распорядок дня. Каждый четвертый рационализатор. Из шести-десяти человек десять имеют высшее и среднетехническое образование. Многие успешно сочетают производственную работу с учебой в заочных и вечерних учебных заведениях. Члены коллектива соблюдают нормы общественного поведения, являются дружинниками.

На драге можно было наглядно ознакомиться с процессами труда, с высокими технико-экономическими показателями.

Согласно проведенных в 1963 году наблюдений и анализа, затраты рабочего времени распределялись следующим образом: драгирование - 85,7, вспомогательные работы - 14,3 процента. Норматив предусматривает соответственно - 84,8 и 15,2 процента. Сокращение простоев достигается за счет хорошей организации труда и качественного проведения планово-предупредительных ремонтов оборудования.

На драге часы чистой работы в зимний период в ноябре 1962 года составили 20 часов 40 минут, в декабре 19,4, в январе 1963 года 20,35. Суточная производительность зимой, по сравнению с летней составила от 75 до 90 процентов. Это очень хороший показатель работы драги в осенне-зимний период.

В декабре 1975 года драга не была остановлена на зимний отстой и ремонт, как обычно, а продолжала работать всю зиму. И, как по заказу выдалась на редкость морозная зима. В феврале температура опустилась до минус 50 градусов, а на драге кругом вода от работающих насосов и сквозняки. Срок службы драги к тому времени составлял уже сорок пять лет и естественно обшивка стен ослабла. Утеплитель сгнил и выветрился, рамы окон и косяки дверей рассохлись, их перекосило.

Две недели часы чистой работы не превышали 8-10 часов. Люди бились со льдом, опаривая и окалывая механизмы и в схватке с морозами победили. Весь прииск и жители Иса с волнением наблюдали за этой битвой.

Большая заслуга в этой победе принадлежала начальнику драги Е.Г.Кузнецову. Это он сумел организовать работу по борьбе со стихией и морально воодушевил людей.

Капитальный ремонт оборудования в этом году был проведен в мае ускоренными темпами. Но больше такие эксперименты со старыми драгами не проводились, слишком велика была физическая и моральная нагрузка на людей, при низких показателях работы, но было доказано, что хорошо подготовленные, новые драги вполне успешно могут работать в зимний период, что и доказал в семидесятые годы коллектив драги №29 при работе на реке Нясьма.

Драга №25 с момента постройки и до середины восьмидесятых годов была флагманом дражного флота Исовского прииска.

Технико-экономические показатели работы драги №25:

Год работы	Кубаж, т. м ³	Металл, кг	Суток работы в году	Часы работы в сутки	Часовая производительность, м ³ /час
1950	1901	171	334	16,9	336
1955	2081	206	342	16,4	330
1959	2570	166	288	19,6	456
1970	2357	168	287	19,5	421

Год работы	Кубаж, т. м ³	Металл, кг	Суток работы в году	Часы работы в сутки	Часовая производительность, м ³ /час
1975	2332	142	285	19,0	430
1980	1913	97	280	17,3	394
1988	1703	83	271	18,2	345
1993	924	38	200	15,3	301
19969	484	17,7	224	11,0	196

Евгений Георгиевич будучи отличным производственником отнюдь не был замкнутым человеком. Скорее наоборот, это один из самых веселых, доброжелательных людей в поселке Ис. У него хороший характер, общительный с людьми любого возраста и общественного положения. На вечерах, где присутствовал Кузнецов, всегда была музыка, песни и танцы. С ним приятно было поговорить на любую тему.

Евгений Георгиевич трагически погиб в 1980 году в возрасте 56 лет в автомобильной катастрофе. Весь поселок был потрясен нелепой смертью этого замечательного человека.

Чайки

Не менее интересна история еще одной династии золотодобытчиков из Висима, о которой поведал еще в 30-х годах XX столетия уральский литератор Н. Санников, известный под псевдонимом Н. Куштур. Ее основателем стал черниговский крепостной крестьянин Григорий Чайка, которого помещик отдал Демидову в обмен на породистого щенка. Разлучили парня с любимой девушкой, родиной и увезли на далекий неведомый Урал. От двойной утраты стал он угрюмым и неразговорчивым.

В те времена действовал в Висиме уже упоминавшийся листопрокатный завод, руду на который доставляли с горы Высокой, а чугун — с Нижне-Тагильского завода. На конном дворе предприятия и работал конюхом Григорий Чайка. Жил в дер. Елизаветинская (позднее Бобровка). Здесь и женился на крепостной девке. Умер молодым, оставив сиротой 9-летнего сына Ивана.

Тяжелое тому выпало детство. Батрачил у богатых, но вырос на редкость здоровым и сильным парнем. На пользу, знать, пошло смешение «хохляцкой» и уральской кровей. Старожилы сравнивали его с дубом — высокий, кряжистый и сильный. Никто не мог устоять от его медвежьей хватки. В 18 лет стал он старателем, да так до самой

смерти и бродил по дремучей уральской тайге в поисках золота. Там же, в тайге, женился он на дочери старого старателя. Было у них пятеро сыновей, таких же сильных и высоких — дубок к дубку. И все пошли по отцовским стопам. Много золота и платины прошло через руки Ивана и его сыновей, но счастье ускользало от них, как вода меж пальцев протекает.

Когда внук Василий в свою очередь обзавелся семьей, свершилась большевицкая революция. Навряд ли принесла она ему достаток. Умер Василий в 1923 году, потеряв, по словам Н. Куштума, здоровье в окопах германской войны. Но советская власть не дала пропасть его сыновьям. В деда пошли в этом отношении.

Старший сын Василия Виктор закончил горпромучилище, получив специальность электромонтера 6-го разряда. Шесть лет проработал в энергоцехе Кировского прииска и в 1934 году стал начальником этого цеха, будучи уже студентом-заочником. Через год его назначают главным энергетиком приискового управления.

Братья Виктора тоже получили профессию в Висимском горпромучилище. Иван позднее станет командиром Красной Армии в Алма-Ате, Михаил отработает три года машинистом на местной узкоколейке, а затем перейдет на электродрагу. Несколько десятилетий спустя он уже начальник железнодорожного цеха Исовского прииска. Павел Чайка имел заветное желание получить высшее образование и подобно брату Виктору стать инженером. Но мечте его не суждено сбыться. В годы войны электромонтер Павел Васильевич Чайка вошел в число лучших стахановцев Кировского прииска. Умер совсем молодым, бездетным.

В военную пору «гремело» на Кировском прииске имя начальника драги № 44 Ивана Семеновича Чайко, еще одного из внуков деда Василия Чайки. Коллектив возглавляемой им плавучей фабрики неоднократно завоевывал переходящее Красное знамя предприятия, а сам он становился лучшим начальником драги прииска. Только почему его фамилия Чайко, а не Чайка? «Очень просто, — поясняет его сын Григорий Иванович. — Во время паспортизации 1936 года все Чайки, жившие в Бобровке, получили документы на фамилию Чайко. Это дело рук Витьки Вороны. Он был секретарем сельсовета и приемным сыном одного из Чаек».

Ярким детским впечатлением Гриши стало посещение драги, во время которого отец показал ему блестящий обкатанный самородок золота. Помнит это событие до сих пор Григорий Иванович. Живет он сейчас в Челябинске, подготовил рукопись по истории с. Бобровка, некогда знаменитого своими золотоискателями. Только издал ли ее?

На золотых и платиновых приисках Урала Чайки, Чайко конкурируют по своей численности и известности с Ляпцевыми.

Валерий Васильевич Бахеркин

В 1954 году окончил Свердловский горнометаллургический техникум по специальности техник - обогатитель. Работать приехал, по направлению, в посёлок Кытлым, да так и остался здесь навсегда. Женится. Имеет двух сыновей.

В.В. Бахеркин с верной лайкой Бимом

Место работы — Кытлымский прииск: мастер по опробованию, секретарь партбюро Кытлымского прииска. После присоединения Кытлыма к Южноозерскому прииску, — техрук 380-литровой драги № 32, затем начальник драги № 39 и снова драга № 32.

Знатный охотник. Не раз ходил на медведя, валил лосей, не говоря уже о мелком таёжном зверье. В его квартире на стене распласталась широкая медвежья шкура, тут же висит сухая голова огромного тайменя, который живет только в северных реках и отличается большой хитростью и коварством.

— Ну, как же можно после Свердловска сюда, на край света?!

— Наверное, в прошлой жизни я был охотником, - улыбается Валерий Васильевич.

Его внешность колоритна. Красивая окладистая борода под старость поседела. Этаким русский мужик, в самом хорошем смысле слова, с присущей силой, мудростью и внутренней основательностью.

Когда он приехал в Кытлым в 1954 году, после окончания Свердловского горного техникума, посёлок был совсем иным. Он строился, развивался. На реке Катышер работала своя электростанция, добывала платину драга № 35, только что была смонтирована новая № 34 в посёлке Тылай.

В Кытлыме платина уникальная, особо ценная, с содержанием циркония, такого месторождения больше не было нигде в стране.

Трудовая деятельность на прииске у него проходила, в основном, на 380 - литровой драге ОМ - 431 № 32. Первоначально несколько лет работал на 250-литровой драге в посёлке Тылай. К 1968 году уже имел приличный опыт ведения дражных работ, и когда в Катышер стало поступать оборудование для строительства новой драги № 32, был направлен на неё в качестве куратора.

Директором Южно-Заозерского прииска был тогда Столбов. Опытный руководитель с замашками комиссара времён Гражданской войны. Простой в обращении с рабочими, умел подчинять людей своей воле и повести их за собой. Его любили и уважали. Бахеркин многие черты характера и методы работы перенял у него.

Валерию Васильевичу вообще повезло с руководителями. В то время на прииске работали такие опытные специалисты как Манин М.А., Жлудов В.И., Высоков Г.А., Грядун В.П., Выдрин А.К., Молтушкин Д.Е. и другие. Было у кого поучиться.

Строительством занималось Нижнетагильское монтажное управление (НТМУ). Бахеркин с первых дней упорно взялся за изучение оборудования, вникая в устройство и назначение каждой детали.

В эксплуатацию драгу пустили в 1969 году. Он был назначен её начальником.

Качество сборки оказалось не на высоте, коллектив набран новый, никто из рабочих и ИТР на драгах такого типа раньше не работал, поэтому с первых дней столкнулись с массой проблем.

Драга ОМ - 431 изготовлена в Мотовилихинском машиностроительном заводе города Перми и значительно отличалась от 380-литровых драг, работавших с 1930 года в объединении «Уралзолото». Была громоздкая, предназначалась для работы на большой глубине залегания драгоценных металлов с установкой 120 черпаков, но здесь такая глубина не требовалась, поэтому черпаковая рама была укорочена до 95 черпаков. (На старых Исовских и Нижнетагильских драгах черпаков было установлено по 65 штук). Был укорочен и понтон. Всё это повлекло к некоторому изменению в размещении оборудования.

После пуска драги в эксплуатацию, механизмы часто стали выходить из строя, при драгировании имели место ошибок со стороны обслуживающего персонала, всё это снижало производительность, и было далеко до параметров, предусмотренных паспортом драги.

Для устранения причин плохой работы, и усиления руководства, начальником драги был назначен Манин Михаил Александрович, а Бахеркин Валерий Васильевич переведён техруком этой же драги. Манин занимал в тот период должность начальника Кытлымского участка, где было две драги, механический цех, автогараж и ряд соцкультобъектов.

Михаил Александрович был опытный, добросовестный специалист, умевший работать с людьми, был в меру строг, но справедлив, рабочие его уважали. С приходом его на драгу Бахеркин полностью посвятил себя работе с механическим и электрическим оборудованием, а общими вопросами организации труда, заработной платы, экономикой и хозяйственными работами занимался Манин, и дело пошло на лад.

Цельнолитые черпаки были заменены на черпаки с отъёмными козырьками. Сначала крепить их стали болтами, но драга работала на скальном грунте, порода абразивная, их быстро изнашивало и обрывало, поэтому стали производить дополнительное крепление путем электросварки к корпусу черпака.

Вплотную занялись восстановлением быстро изнашиваемых деталей методом электронаплавки твердосплавными электродами, что позволило значительно экономить на запасных частях.

Цапфы черпаковых роликов на раме выворачивало при работе цепи, их заменили на обычные оси, в результате работать стали целый год без остановки для их ремонта и замены.

Бахеркин с начальником механического цеха Новосёловым Сергеем Архиповичем внесли предложение и внедрили изменённую конструкцию ступиц больших шкивов на главном приводе, агрегат стал работать без сбоев и аварийных остановок.

Была решена проблема с устранением поломок прогонов на бочке и ликвидацией зазфеливания шлюзов, ведущих к длительным простоям драги по этой причине.

Выполнено было ещё целый ряд работ, позволивших улучшить работу драги.

После ухода Манина на пенсию Валерий Васильевич снова был назначен начальником драги, и теперь уже надолго. К тому времени механизмы были отремонтированы и модернизированы. Технология отработки забоев отлажена, коллектив накопил опыт работы. Всё это дало положительные результаты.

Будучи начальником драги большое внимание уделял вопросам организации труда, обучению кадров передовым методам работы; хороших, сообразительных и трудолюбивых рабочих продвигал по служебной лестнице. Уделял большое внимание укреплению трудовой дисциплины. На драге ежемесячно стали проводить рабочие собрания по подведению итогов работы за месяц. Рабочие почувствовали себя хозяевами цеха и ответственными за производство.

Валерий Васильевич внимательно относился к замечаниям рабочих и принимал меры по устранению выявленных недостатков в работе. Находил общий язык с рабочими, руководителями и главными специалистами управления прииска, но не шел на поводу у случайных людей.

Итоги не заставили себя долго ждать. Драга постоянно стала выполнять и перевыполнять плановые задания и вышла в число передовых по прииску, а Бахеркин стал отмечаться как лучший начальник цеха. Следует отметить, что он был человек весёлый, не лишенный чувства юмора. Однажды произошел случай, ставший анекдотом на прииске. На конном дворе умер конюх, нужно было его срочно везти в морг на обследование, но под рукой не оказалось транспорта, полдня ломали голову, на чём увезти труп в Краснотурьинск? В этот день из управления прииска по служебным делам на «Волге» приехали специалисты из прииска. Их было три человека, к вечеру собрались домой. Бахеркин шутя и говорит:

- Ребята, захватите с собой мужика-то. На заднем сиденье у вас одно место свободное, посадите в средину его, обнимите и довезете.

Вокруг Кытлыма дремучие леса, в них много зверя. Валерий Васильевич по-настоящему увлёкся охотой и втянул в это дело некоторых сослуживцев. Однажды группой пошли в лес. С ними был и директор прииска Виктор Иеронович Жлудов. Ходили долго, умаялись. По пути к дому сели отдохнуть. Жлудов повесил ружьё на сук дерева, а когда встали и пошли дальше, забыл его. Бахеркин заметил это, улыбнулся, но ничего не сказал. Прилично отошли, тогда он и говорит:

— Директор, а где твоё ружьё?

Тот спохватился и кинулся обратно. Сослуживцы долго подшучивали над незадачливым охотником насчёт забытого на охоте ружья. Вспоминая прошлую жизнь, Валерий Васильевич говорит:

— Работу на драге, наверное, можно сравнить с жизнью на корабле. Во всяком случае, в те времена так было, когда я, начальник, вместе с рабочими ел за одним столом, потом вместе с ними тянул силовой кабель, когда перестраивать работу драги нужно было, а он прилично весит. Я не мог оставаться в стороне, когда весь мой коллектив выполнял самую тяжелую работу. Я могу гордиться тем, что совершил в жизни единственный подвиг, проработав больше 35 лет на горном предприятии, в том числе двадцать в качестве начальника драги, не допустил ни одного несчастного случая с последствиями для здоровья людей, никого не искалечил.

Понимаете, - говорит Валерий Васильевич, - на драге, практически каждый имел доступ к драгоценному металлу, но никто даже не мог позволить себе подумать о том, что можно взять платину - ценнейший металл! Вспоминая сегодня тех, кто работал рядом, я могу сказать, что все были разные: трудяги и не очень, выпивохи и непьющие, пожилые и молодые, но всех отличало одно качество - порядочность. Это то, что во многом сегодня утрачено. Кроме опыта, навыков, профессионализма, на производстве вообще, а на драге в большей степени, требовались нравственные качества человека.

Валерий Васильевич обозначил это одним словом - порядочность. Он не помнит плохих людей, утверждает, что их просто не было.

Однажды журналистка местной газеты писала о драге № 32, начальником которой в то время был Бахеркин. Собственно собиралась писать о драге, а получился рассказ о Кытлыме и о Бахеркине, потому что, и на драге, и в посёлке, и в поселковом совете все в голос говорили только о нём, представляя его неким символом. И как же важен такой человек в посёлке, оторванном от мира всего. Он был, и судьёй, и советчиком, и почётным гостем, и наставником, и человеком, по которому сверяли свои дела и поступки. А ещё шесть лет он был секретарём Кытлымской парторганизации. Самым главным человеком, олицетворяющим всю власть в посёлке. Да и как же с этим поспоришь если мир ограничен горным хребтом, а Валерий Васильевич хлопотал, и насчёт дров для стариков, и бился за телефонную связь с районным городом Карпинском, и за автобусное сообщение, и за строительство дорог, и за вторую телевизионную программу, которой в конце восьмидесятых годов радовались искренне, событие было поселкового масштаба.

Своего партийного прошлого Валерий Васильевич не стесняется. Говорит об этом с присущей ему уверенностью.

— Если бы «наверху» нашей партии стояли такие же люди, как в первичных организациях, с ней бы не случилось того, что случилось. Тогда бы не позволили жить так, как мы живём сегодня.

Трудно спорить о том, что и тогда его жизнь не соответствовала цене его труда, цене того металла, который добывал он для государства. Трудно потому, что он искренне любит свой горный край, своих людей и свой посёлок, во благо которого работал.

Валерий Васильевич оторванности от мира не ощущает. Много читает, ездит к сыну в Краснотурьинск, по старой памяти в родной Екатеринбург и вновь возвращается в Кытлым. Всё органично соединилось в нём, и охотником стать, и человеком, и геологом, и добытчиком цветных металлов.

Примечание: В рассказе о Бахеркине В. В. использована статья из газеты «Алюминщик» № 38 (2193).

Кузнецов Василий Иванович

В июне 1941 года окончил пятый курс Воронежского государственного университета по специальности геология. Их готовили к преподавательской и научной работе. На три месяца отправили на преддипломную практику.

Группа шестнадцать человек уехала в Донбасс. Василий Кузнецов с первого курса занимался научной работой, поэтому его направили на Урал в трест «Уралзолото». Оттуда в Кировский прииск Висимского района, где кроме рассыпной платины в дунитовой породе Соловьевых гор была и рудная платина. Ей интересовались многие учёные.

Дунит является наиболее глубоинной из изверженных пород. Цвет темно-зеленый со слабым блеском. В нём заметны вкраплины хромистого железняка (черные). Минералогический состав - оливин, к нему примешивается в небольших количествах хромистый железняк (около 0,66-2,29 процента). Наблюдается полное замещение оливина змеевиком. Хромистый железняк вкраплен в дунит в виде значительной величины выделений, так называемых шлиров, в виде густой и крупной массы, или сплошные выделения в форме гнёзд и прожилков.

Платина в коренном месторождении расположена неравномерно, в некоторых местах становится видимой простым глазом. Коренные месторождения платины были открыты и в логах, расположенных близ Соловьёвых гор. Сюда и попал на практику Кузнецов. Война застала его здесь. В конце июля написал в университет письмо с просьбой вызвать на экзамены и на защиту диплома. За это время подготовил отчёт, куски шлифованной породы. В общем подготовился хорошо. Вскоре пришла ответная телеграмма с вызовом на экзамены.

Вечером собрались друзья, чтобы отметить проводы. Выпили и решили играть в очко. Раньше он никогда не играл на деньги, а тут повезло. Прилично выиграл, но деньги не взял, вернул проигравшим. Молодые геологи достали махорки, папирос и отдали ему. Брат не хотел, но его уговорили и не зря. В дороге убедился, что за махорку можно выменять и получить многое.

Пассажиры поезда ходили очень редко, на запад везли оружие и воинские части, оттуда раненых. Из Нижнего Тагила выехать не мог, поэтому поехал в Свердловск. Так как «Уралзолото» входило в состав НКВД, ему устроили билет до Перми и пароходом до Сталинграда, а дальше нужно добираться поездом до Воронежа.

В Перми сел на пароход, людей битком. Какой-то парень, оказался лётчиком, посадил рядом в лодку. По дороге торговали махоркой - пять рублей за закрутку. В Сталинграде людей тоже битком, пробиться к кассе не возможно. Сел на чемодан и закурил папироску Беломорканал. Подошел милиционер, попросил закурить, потом подошел второй, тоже дал папиросу. Разговорились, Василий предложил обоим по пачке махорки, если помогут купить билет. Сказали: - Жди, крикнут твою фамилию, заходи вон в те двери.

Так и получилось. Доехал до Воронежа, там суматоха. В квартире брата, где жил будучи студентом, окна выбиты, брата нет, на улице холодно. Знакомый посоветовал немедленно стать на учёт в военкомате, а то посчитают дезертиром. Порядок в городе такой, при воздушной тревоге все бегут в бомбоубежище, а при выходе из него требуют документы.

На другой день пошел в университет, там во дворе уже жгут бумаги, готовятся к эвакуации. Увидели его и удивились: - Откуда ты!?

Он показал телеграмму и подробный отчёт по практике. Вызвали профессора, тот задал один вопрос, поставил оценку. Защиту диплома проводить не стали, некогда, да и кто сейчас будет этим заниматься? Диплом выдали без защиты. А ребята, которые уехали в Донбасс, так и затерялись где-то.

Кузнецову поручили сопровождать до Урала ещё четырёх студентов. Выдали проездные документы и они на открытой платформе поехали на Восток. Перед мостом через Волгу поезд был остановлен. Стали проверять документы. У ребят они оказались не в порядке и их ссадили, а Василий с трудом, но добрался до места назначения, то есть до посёлка Красный Урал. Туда ехал месяц, обратно тоже месяц. На Красном Урале все удивились, что он вернулся жив и здоров.

В прииске работало восемнадцать геологов. Его, как самого молодого не женатого, посылали в отдалённые и наиболее трудные участки. Был молодой, настойчивый, грамотный. Работал добросовестно, с огоньком, имел весёлый, доброжелательный характер, и вскоре стал пользоваться авторитетом среди товарищей по работе и у руководства предприятия. Получил «бронь» от призыва в армию.

В 1943 году главного геолога Кировского прииска направили на работу в Сибирь. Кузнецова назначили на его место главным геологом. Вскоре женился, появились дети. Работал в этой должности до 1953 года, пока прииск не был ликвидирован, как не рента-

бельный. Сделано это было поспешно, не обдуманно. На заседании Висимского горкома КПСС Василий Иванович и ряд других специалистов прииска выступили против, так как месторождение не было отработано полностью, технически оснащено всем необходимым, коллектив трудящихся укомплектован. Но их обвинили в консерватизме. Позднее жизнь доказала, что они были правы.

За годы работы в Кировском прииске на посёлке Уралец при его прямом участии было добыто более десяти тонн платины. За хорошую работу Василий Иванович имел правительственные награды и массу производственных поощрений. Одну из наград получил за открытие залежей «Чаужинских конгломератов», отработанных с 1942 по 1945 годы Шиковской шахтой. Здесь добыто было 480 килограммов платины с содержанием металла от двух до десяти граммов в кубометре породы. Здесь же был найден самородок платины три килограмма, и более ста штук мелких самородков.

После ликвидации Кировского прииска Кузнецов, там же был назначен начальником Кировской алмазной экспедиции, которая занималась поисками алмазов в реке Шайтанке. В окрестностях было построено несколько временных обогатительных установок, появилась техника, коллектив трудящихся. Но развернуть работы по-настоящему не успели. В пятидесятых годах в Сибири было открыто богатейшее Якутское месторождение алмазов, поэтому на Уральце в 1956 году экспедиция, как не перспективная, была закрыта.

Василий Иванович продолжил работу в системе «Уралзолото» в качестве начальника Лангурской партии, затем геологоразведочной партии №5, партии №3 в Ивдельском районе. С 1959 по 1962 год старшим геологом капитальных разведок Кытлымского прииска и, наконец, с 1964 по 1989 год главным геологом Исовского прииска в посёлке Ис, Нижнетуринского района, где много приложил усилий в решении вопросов по приросту запасов, что позволило на долгие годы продлить жизнь этому предприятию.

В личном деле Василия Ивановича имеется такая характеристика:

«Систематически работает над выполнением плана по приросту запасов на прииске. Правильно организует работу геологов по контролю за отработкой месторождения. Читает техническую литературу, знакомится с достижениями отечественной и зарубежной техники. Проявляет принципиальность в решении производственных вопросов».

Июль 1974 г.

Директор Исовского прииска А.Коротков.

За долгие годы работы в Уральских месторождениях платины Кузнецов накопил огромный опыт работы. Едва ли найдётся ещё такой специалист - геолог, так хорошо знающий платиновые месторождения этого края.

Жить окончательно обосновался в посёлке Ис, но отдыхать пришлось не долго. Вскоре после выхода на пенсию его пригласили работать геологом в старательскую артель «Кедр». И вот снова добыча платины близ посёлков Висим и Уралец. Идёт девятый десяток лет, но Василий Иванович продолжает трудиться по своей специальности. Не редко к нему обращаются за советами специалисты и руководители высокого ранга.

О некоторых других руководителях

После окончания гражданской войны и установления Советской власти на Урале первым директором Исовских приисков, в 1919 году, был назначен Климов Степан Федорович, бывший драгер драги «Талисман» (позднее драга № 58). Умный, трудолюбивый рабочий, активный участник Октябрьской революции. В конце 1918 года, когда Белогвардейский фронт приблизился к Нижней Туре и Красная армия вынуждена была отступать, он возглавил работу по демонтажу основных дражных деталей и приборов и с эшеленом наиболее активной части рабочих вывез их в сторону Перми. После возвращения, организовал восстановление и пуск в работу этих драг.

Вторым директором Исовского прииска был Гойер, но о нем, к сожалению, сведений не сохранилось.

В первой половине тридцатых годов, отмеченных бурным строительством мощных электрических драг, и началом развития гидравлической добычи металла директором прииска работал Кабаков Арефий Иванович. Годы его деятельности в качестве директора отмечены модернизацией горного производства. Это были годы широкого развития культурно-бытового строительства на прииске.

В предвоенные и первые годы Великой Отечественной войны директором Исовского прииска работал Шемякин Николай Иванович. С марта 1944 года он назначен директором объединения «Уралзолото», его место занял Савельев Александр Сергеевич.

Оба отличались хорошими знаниями производства и организаторскими способностями, в результате чего были переведены в центральные государственные органы.

В пятидесятые-шестидесятые годы директором прииска работал Попков Павел Петрович, главным инженером Смирнов Владимир Павлович. Специалисты высокого класса, руководители Сталинской закалки беззаветно преданные своему делу.

Под их руководством прииск, несмотря на падение содержания металла, процветал и развивался. Они сумели сплотить вокруг себя крепкий, трудолюбивый коллектив рабочих, ИТР и служащих.

В конце шестидесятых начале семидесятых годов с Южноозерского прииска (г.Краснотурьинск) было направлено несколько человек квалифицированных специалистов для работы на Исовском прииске.

Первым, после ухода на пенсию П. П. Попкова, в качестве директора, прибыл В. М. Сидоров. Сравнительно молодой, культурный человек. Вслед за ним приехал главным инженером А. Р. Коротков.

Валентин Михайлович Сидоров доброжелательным отношением к людям быстро завоевал авторитет среди коллектива предприятия, но проработал недолго.

Во время ливневых дождей на реке Нясьма, где работали драги номер 28 и 29, стало рвать плотины, угрожая затоплением нижележащих населенных пунктов.

Сидоров выехал на место прорыва одной из плотин, увидел угрожающее положение и прямо в лесу с ним случился инфаркт. Насколько дней врачи оказывали помощь прямо на поселке, не решаясь сразу везти его в больницу. После такого потрясения работать на ответственной должности он уже не мог и, подлечившись, снова уехал в Краснотурьинск, где через несколько лет умер.

Александр Романович Коротков-прямая противоположность Сидорову. Метод работы с первых дней выбрал командный, к служащим управления прииска и начальникам цехов относился грубо, оскорбительно, всем своим видом и действиями показывал, что он здесь хозяин.

Руководство объединения «Уралзолото» и горком партии Нижней Туры долго не решались утвердить его директором прииска, но он лестью и обещаниями сумел убедить их и был назначен на эту должность.

На место главного инженера прииска из Краснотурьинска же прибыл Юрий Александрович Запевалов, ранее работавший с Сидоровым в объединении «Лензолото». Это был на редкость энергичный и добросовестный специалист, к тому же мастер спорта по лыжам. Как и Сидоров он быстро завоевал авторитет у трудящихся Исовского прииска. К нему запросто можно было зайти в кабинет, обратиться с любым вопросом или просьбой и получить обстоятельный ответ. С ним легко было работать. Свои обязанности и ответственность за дело Запевалов не перекладывал на других, умел поддерживать дружеские отношения с людьми и в нерабочее время. Будучи сам спортсменом сумел это организовать и на Ису. В каждом цехе появились команды лыжников, в центре поселка был сооружен корт для любителей коньков, на берегу пруда появился пляж и лодочная станция. Запевалов стал уважаемым человеком на поселке. Но тут нашла «Коса на Камень». Между ним и директором прииска возникли недомолвки, а потом и вражда. Запевалов, лучше разбираясь в горном деле, особенно в вопросах эксплуатации дражного флота, по многим вопросам был не согласен с Коротковым, а порой вообще стал игнорировать его указания. Время шло, обстановка накалялась. Руководство объединения «Уралзолото» и в частности его генеральный директор Компанейцев в первый момент не могли разобраться - кто тут прав, кто виноват? «Не пойму, кто из них больше дурак!» - говорил он.

Запевалов не стал ждать развязки, уволился и уехал в Ярославль директором завода строительных материалов. Но работа не понравилась и через пару лет он появился в Сибири на предприятии «Якуталмаз». Там стал продвигаться по служебной лестнице.

С Коротковым наконец-то разобрались, уволили с прииска и вообще с «Уралзолото». По слухам некоторое время он работал в «Сибцветметавтоматике», затем в «Амурзолото» и наконец в центральной части России, но отовсюду уходил со скандалом или просто увольняли. Умер от сердечной недостаточности.

След от Ю.А. Запевалова для исовчан на многие года был утерян. В апреле 2003 года в газете «Совершенно секретно» появилась статья «Секреты бизнеса»,

которая потрясла старых работников, ныне уже пенсионеров», Исовского прииска.

В ней говорилось следующее:

«30 января 1993 года приказом президента акционерной компании «Алмазы России-Саха» была образована дочерняя компания «Инвест-Алмаз». Работники алмазодобывающего комплекса и члены их семей, все как один, понесли свеженькие приватизационные чеки прямиком в «Инвест-Алмаз», которая совместно с Канадской фирмой наметила построить в Ярославле завод по производству панелей и блоков. При этом «Инвест-Алмазу» был представлен заем в 8 миллионов долларов, в том числе 7,5 миллионов в виде бриллиантов Кусинского завода. Заем был представлен на три года. В начало лета 1994 года в адрес Канадской фирмы со счета «Инвест-Алмаза» уходят почти 6 миллионов долларов США. На этом следы деятельности совместного Российско-Канадского предприятия, вместе с тусклым мерцанием бриллиантов теряются. А с ними и без малого шесть миллионов американских денег. Бывший директор компании «Инвест-Алмаз» Юрий Запевалов, говорят, отбывает куда-то на новое место жительства, на его место приходит новый начальник В.А.Дук. Оглядевшись он пишет заявление, что «трудами» его предшественников компании причинен ущерб на сумму почти 850 миллионов рублей и шесть с лишним миллионов «зеленых». Прокурор республики Саха (Якутия), опираясь на заключение следователя о том-то в данных действиях не усматривается хищение денежных средств и основания для привлечения к ответственности не имеется, дело прекращает.

Почти миллиард рублей и несколько миллионов долларов бесследно исчезло и дело благополучно закрывается. В то же время, под Москвой, решено было построить для трудящихся «Якуталмаз» 540-квартирный дом, который тянул на 6 с лишним миллионов долларов. Магическая цифра. По словам одного из «счастливых» переселенцев, к декабрю 1995 года президент «Инвест-Алмаз» Юрий Запевалов заключил договор на реализацию 450 квартир. Оставшиеся 90 он был намерен без проблем пристроить в Москве. В 1996 году особо любознательные съездили в Балашиху, постояли на краю уже зарастающего травой котлована стоимостью 700 миллионов рублей и возвратились домой, осененные догадкой - кинули!

Труженики Севера пытались понять, куда делись деньги, которые они внесли на строительство дома. А у кого спросить?

К тому времени генеральный директор А.К. «Инвест –Алмаз» Юрий Запевалов уже уехал. По всем этим запутанным делам принимается масса решений прокуратуры и суда Якутии о привлечении к ответственности виновных и наоборот, отмены этих решений. Чем все это закончится? – Неизвестно».

В девяностые годы директором прииска оказался случайный человек, слабо разбирающийся в делах добычи драгоценных металлов, некий Беляков Николай Иванович. В хаосе событий, которые творились в те годы, он оказался «как рыба в воде». При отсутствии контроля со стороны разваливающегося объединения «Урал-золото» (директор Н.В.Новак), и руководства Нижнетуринского района, Беляков

творил всё, что вздумается. На драгах и гидравликах, из-за крайне низкой дисциплины и плохой организации труда, начались аварии и внеплановые простои оборудования. В течение короткого срока утонуло сразу три драги. Во всём Союзе в прежние времена такого явления не было десятки лет.

Производительность добычных объектов упала в несколько раз. С базы технического снабжения стало исчезать дорогостоящее оборудование и материалы, его склады быстро опустели.

Появилась безработица. У трудящихся резко упала заработная плата.

Прекратился ремонт старого и строительство нового жилья, стали закрываться соцкультобъекты.

Николай Иванович увлекся употреблением спиртных напитков, по несколько дней не появлялся на рабочем месте.

Наконец Исовский прииск окончательно обанкротился и прекратил своё существование, хотя другие два прииска Урала - Южнозаозёрский и Невьянский, благодаря крепкому руководству, сумели выжить, сохранить коллектив и технику, в той сложной обстановке.

Часть 3

О жителях поселка Ис

Манаковы

(Из воспоминаний Юрия Николаевича Манакова)

Свой рассказ начал с прадеда – Платона Семёновича Манакова, приехавшего на Урал из Вятской губернии в восьмидесятых годах 19 века. В родной деревне земли не хватало, часто бывали неурожаи. Этим страдало много жителей вятских деревень и крестьяне кроме земледелия вынуждены были заниматься ремеслом. По всей России ходили на заработки. Лучше вятских плотников никто не мог срубить хороший дом. Большие мастера были по изготовлению домашней мебели и сельскохозяйственного инвентаря: телег, саней, кошевок, дуг и прочего.

Платон Семёнович родился в 1836 году, жил долго, умер в 1928, на девяносто третьем году своей жизни. В молодости слышал рассказы о привольных, к тому же богатых драгоценными камнями, землях Верхотурского уезда Пермской губернии. При очередном неурожае, с такими же смелыми, отчаянными мужиками, подался в те края. Добирались со скотом и домашним скарбом полгода, в дороге изголодались и обносились.

На правом берегу реки Ис, близ Николае – Святительского прииска (ныне посёлок Журавлик) облюбовали участок земли. Сейчас там котельная посёлка Ис и база кооператива «Кедр». Вырубили лес и кустарник, обработали землю для пашни, построили дома, занялись хлебопашеством и скотоводством. Позднее завели табун лошадей, стали промышлять извозом, коней давали местным старателям на прокат, при этом наказывали, чтобы лошади были сыты и ухожены.

Из печати известно, что посёлок Конюховский (Ис) зародился в конце восьмидесятых – начале девяностых годов девятнадцатого века, с постройки конных дворов и казарм, в которых жили люди, занимающиеся извозом. Поэтому можно предположить, что Манаковы были одними из первых основателей нынешнего Иса.

Платон Семёнович выкорчевал крепкий берёзовый корень, насадил на него железный наконечник и пахал им землю. Доходы не велики, а семья росла. Видел, как по соседству живут старатели, решил сам попытать счастья и сыновей приучить к этому, не знакомому крестьянам делу.

Конюховский прииск, на территории которого они работали, вскоре перешел к иностранной анонимной компании. Хозяевами стали французы и другие зарубежные капиталисты. Старатели сдавали намытую платину, по установленной компанией ценам.

Платон Семёнович высокий, коренастый, физически развитый человек, и умом бог не обидел. Драться не любил, хотя в те годы, бывало, сходилась молодежь стенка на

стенку. Однажды шел с бойни, нес целую коровью ляжку мяса. Ему повстречалась группа подвыпивших местных парней. Стали над ним куражиться, смеяться и задевать. Он размахнулся этой ляжкой и троих уложил на землю. Парни сразу подобрили, уговаривают его: - Что ты, Платон, мы ведь только пошутили.

Вообще он был весёлый, любил побалагурить. Его уважали. Любимая поговорка у него была - «кибитка – повозка», так его и звали.

Умер Платон Семёнович уже при советской власти в доме, который сам построил и жил. Теперь эта улица называется - «имени Артёма». Дом стоял против нынешнего управления прииска.

У Платона Семёновича два сына: Василий старший и Василий младший. В народе их звали: Васька - большой и Васька - маленький. Жили рядом друг с другом, в своих домах, держали скотину. У каждого по шесть человек детей. Работали одной артелью. Оба хорошо знали старательское дело, с малых лет к нему были приучены. Умели по виду породы и по местности определить, где можно взять металл. Бывало, конечно, и ошибались. У старателей это бывает, песок в земле рассыпан не равномерно, «где густо, а где и пусто».

В молодости братья жили хорошо, но много пили, в основном брагу, которая в доме не переводилась. Любимая поговорка: - «Мри душа неделю, гуляй день». Многие старатели вообще не стремились разбогатеть, оставить хорошее наследство детям, прожили день и ладно. Дома строили не большие, с маленькими окнами у самой земли, спали вповалку на полатах или на полу, летом на сеновале. Гуляли весело, между собой жили дружно. Драки бывали, но зло друг на друга не держали

Все сыновья и дочери Платона были старателями, по натуре весёлые, смелые и буйные. Сам он говорил: - дома я хозяин, и все остальные должны слушаться меня. Все они были неграмотные. Учиться их дети пошли уже при советской власти.

Василий Платонович старший.

Родился в 1884 году, умер в 1944 г. Хороший старатель, очень любил лошадей. Работал одиночкой, иногда в артелях. В пожилом возрасте устроился конюхом в конном дворе прииска. Ростом не высокий, но коренастый и сильный, очень смыслённый и любитель выпить. Однажды гулял в соседнем доме. Сын соседа – молодой парень Анатолий стал придирается к нему, а дед был уже не молодой, сила не та, не справиться с парнем, но не растерялся, схватил ухват и шеей прижал обидчика к стене. Надавил сильно, тот захрипел и упал. Дед пришел домой и пожаловался внуку, что его обидели. Юра был молодой ещё, но тоже очень сильный. Кинулся к соседям, те закрылись на крючок и не пускают. Рванул дверь, она слетела с крючка. Когда ворвался в дом, соседний парень, хотя и был старше его на три года и выше ростом, стал перед ним на колени и просил прощения. Злоба прошла и Юра, плюнув, вернулся домой.

Василий Платонович в 1905 году принимал участие в войне с Японией. Был ранен и вернулся домой с больным желудком. С тех пор здоровье было слабое. Два его старших сына в 1941 и 1942 году ушли на фронт. Остался с женой и четырьмя детьми. Жить

стали очень плохо, впроголодь, он постоянно болел, физически работать уже не мог. К несчастью потерял свою хлебную карточку, а она не восстанавливалась. О потере детям и родным не сказал. Так и умер от болезней и голода, едва дожив до шестидесяти лет. Похоронили в одной рваной рубашке. Гроб сколотили из горбыля.

Василий Платонович младший.

Семья у него тоже большая, детей шесть человек. К работе приучать их стал с детства, брал с собой на старание. Однажды пришли на место, где он копал «дудку» - небольшая шахта старателя – одиночки. Спустился в неё и стал углубляться вдоль штрека, а им велел ждать команду на подъём бадьи с породой. Силёнки у ребят мало, поэтому на воротке работали двое, а то и третий помогал.

Они спросили: - Можно на речку сбегать искупаться? – Речка была рядом.

— Можно, но не долго.

Убежали и про отца забыли. Прошёл час, второй, их всё нет. Стал кричать громче, его услышал проходящий рядом мужик и вытащил наверх. Второй раз при подъёме верёвка оборвалась, и бадья упала ему на голову. Хорошо, что был в шапке и высота не большая, очнулся только в больнице. Был и такой случай: - спустился в дудку, а там газы скопились, стал терять сознание, успел дёрнуть за верёвку, бадью стали поднимать, уцепился за неё и выбрался на поверхность.

Глубина дудок у старателей – одиночек обычно не большая 2-4 метра, редко, но бывает и до 8-10 метров. Более глубокие отрабатываются артелью, они достигают 20-30 метров. Если намывки шли богатые, тогда и жить становилось веселее. Набирали в торгсине продукты, одежду и вина. Гуляли, ходили друг к другу в гости. Молодые ребята и мужики выпьют и начинают куражиться, хвастать, кто сильнее. Берут гирию и на спор кидают через ворота. Но когда удача уходила, неделями вся семья питалась только картошкой и хлебом.

Василий Платонович тогда говорил своим: - Терпите, земля труд любит, она в долгу не останется, когда-нибудь рассчитается с человеком.

Так и вышло. Однажды кто-то из местных старожилов пришел к деду домой, попросил запрячь лошадь и поехать с ним на гнилые озера. Долго кружили они вокруг сопки, пока нашли то, что нужно — озеро, заросшее камышом и затянутое слоем ила не менее чем на два метра. «Сумеете откачать воду из этого болота, возьмете большое золото, — сказал старик уверенно. — До революции здесь начинали французы, но не успели», а местные про эти места забыли».

Легко сказать «возьмете» — озеро далеко в лесу, нужны мощные насосы и стальные трубы, которых нигде не достать. Дед подобрал артель из десяти человек, стал ее бригадиром. Работали дружно, одержимо, за три месяца построили насосную станцию, собрали старый мотор, уложили отливы. Когда наконец стали откачивать воду, вскрыли ил на небольшом участке и провели пробную промывку песка, даже выдавшие виды оцепенели: только за один день намыли пятьсот граммов чистого золота! Вскоре рассчитались с государством за кредит, и пошло веселье с утра и до утра, даже о промывке

песка забыли. «Мри душа неделю, царствуй день! Гуляй, пока Москва не проведала!» Тут-то и наложил НКВД запрет на дальнейшую добычу золота частным порядком. Короткое счастье деда-золотишника кончилось, однако семья успела приобрести двадцать пять мешков первосортной муки, два ящика масла, пять мешков сахара и другие продукты. Остальные деньги промотали до последней копейки...

— Самое главное в человеке его воля, — любил повторять отец. — Если нет ее, на судьбу не надейся. Сам старайся делать свою жизнь, иначе трудно, безрадостно будет она складываться.

Однажды у себя в огороде, на грани с соседней усадьбой, вырыли дудку глубиной несколько метров. Дошли до песков, а жила пошла в сторону соседнего дома. Тот узнал и запротестовал. Пришлось бросить, хотя металл был не плохой. Случаи работы жителей в собственном огороде были не редки, особенно это практиковалось в годы войны. Старики утверждают, что посёлок Ис стоит на металле, особенно часть жилых домов, управление прииска и база продснаба на улице Артёма, которые ближе к реке. Когда драга №25, в конце сороковых годов прошлого века, шла вверх по реке Ис, мимо посёлка, намывала очень много. У Дружелюбного повернула и пошла обратно, и снова намывки были высокие.

В 2005-2006 годах, в этом же месте, прошла такая же мощная драга №27. Добывала до 12-14 килограммов в месяц. При высокой стоимости платины в этот период она давала предприятию десятки миллионов прибыли.

В тридцатые-сороковые годы вокруг Иса были нарыты десятки шахтёнок – дудок. Много их осталось под постройками, которые появились позже. Дудки мелкие, сами собой обвалились и сравнялись с землёй.

В первой половине двадцатого века таких старателей – одиночек, как Манаковы, было много. Они то появлялись, то исчезали. Беда их состояла в том, что работали без оформления трудовых книжек, жили одним днём, и, впоследствии, остались без пенсии. Так получилось и у Василия Платоновича. Когда он не смог работать и подошел срок, пенсию стал получать только двенадцать рублей в месяц, а его друг – Иван Фёдорович Поскрёбышев, – председатель старательской артели, получал сто двадцать рублей, так как был оформлен.

В военные сороковые годы платина стоила один рубль сорок копеек за грамм бонами, то есть «золотыми рублями». Золото стоило девяносто копеек. Боны старатели продавали по цене 20-25 рублей за один бон. Люди покупали, так как на них можно было купить в торгсине любые продукты и товары. Когда, в 1950 году, частное старание отменили, цена осталась та же, но уже не бонами, а обычными рублями.

Жили старатели не унывая. Не было большого стремления к накопительству и приобретению дорогих вещей. Была такая весёлая артель Трофимова, человек тридцать. У прииска арендовали технику, платили за электроэнергию. Намывали хорошо, жили весело. Подвозка грунта к шлюзам производилась одноконными таратайками. Коновозчики с утра выпьют бражки по кружке и едут на Песчанку – таратаек пятнадцать друг за другом. Народ молодой, весёлый. Едут стоя с песнями, многие красными

кушаками подвязаны, такая мода была. Добрый старатель даже на телеге едет стоя, чтобы все видели – вот он какой смелый да ловкий.

Впереди на телеге едет «мамочка» - повариха артели. Она сидит на бочке с бражкой. Здесь она главная, никто не смеет её обогнать. Приедут на место, снова выпьют по кружке и за работу. Тут уж их подгонять не надо. Если металл пошел, работать будут день и ночь. Сдадут платину и снова в загул.

Старатели народ не грамотный, образование в лучшем случае два-три класса, а некоторые даже писать и читать не умеют. Не стремятся понять, что жить можно экономнее и лучше.

Василий Платонович после смерти жены остался один с шестью человеками детей. Один работал, стирал, стряпал и всех вырастил. Они жили лучше, чем семья старшего брата, все выжили. Был строгий. Каждому из детей, уходя на работу, давал задание на день, вечером проверял и устраивал разборку. В годы войны и после неё, когда в артели работать уже не мог, ходил с ковшом и лопатой по дражным отвалам и старым, заброшенным старательским участкам, за день намывал полграмма- грамм платины и был доволен, все же в доме лишний кусок хлеба.

Молодое поколение

У Василия Платоновича старшего четыре сына и две дочери. Старший – Иван, до войны старался в артелях, был женат. В первые же дни после начала войны был взят в армию. Прошел почти всю войну, погиб в 1945 году в Венгрии.

Второй сын – Николай Васильевич в начале тридцатых годов был ещё холостой, работал десятником в лесоотделе Исовского прииска. Зарплата не высокая, был молод, хотелось одеться по моде, погулять. С двоюродным братом Сергеем, во время очередного отпуска решили заняться старанием. Участок земли получить было не сложно. Надо только дать заявку на приглянувшееся место, за это заплатить небольшую сумму денег, застолбить его и указать срок отработки участка. С утра нарыли породы из-под дерников, а как взять пробу, и что дальше делать не знают? На это дело пошли первый раз. Сели отдохнуть. Мимо шел знакомый старатель. Они и попросили его: - Дядя Ваня сделай нам пробу. Накопали вот, а что делать дальше, не знаем, и вообще стоит ли здесь работать? Может пусто?

Старатели народ хитрый. Бывает надо сбыть свой пустой участок кому - либо, договорятся на завтра устроить смотрины, дома подсыплет в табак платинового песочку. На другой день при встрече возьмут в ковш пробу, сядут покурить, разговорятся, а хозяин участка курит, и пепел из папиросы вместе с платиновым песком сыплет в ковшик с пробой. Промоют в ковше, а там явно видимая платина. Покупатель заплатит деньги, потом работает вхолостую, не понимая, куда же делся металл?

Дядя Ваня поступил иначе. Во время промывки увидел хорошую платину и решил

схитрить. Подливая в ковшик воду, и балагуря с ребятами, постепенно смывал платиновый песок на землю. Кончил и говорит:

— Пусто, ребята. Зря взяли это место.

А сам думает: - Бросят, а я возьму.

В это время подошел отец Николая, Василий старший.

— Ну, как дела?

— Да вот дядя Ваня говорит пусто.

Василий Платонович посмотрел. Порода вроде подходящая. Почему же пусто?

— Ну- ко дайте ковшик, проверим. Дядя Ваня, почуяв неладное, встал и ушел.

Отец сполоснул и ахнул!

— Ребята, да тут же голимая платина!

Стали мыть. За месяц заработали больше, чем за целый год на производстве. Набрали продуктов. Николай Васильевич купил швейцарские часы с цепочкой. Это было большой редкостью в те годы; одежду себе и младшим братьям. Двоюродный брат купил лошадь.

В январе 1942 года Николай Васильевич ушел на фронт. Их, двадцать два коммуниста с посёлка Ис, по рекомендации райкома партии, направили во вновь сформированную воинскую часть. Домой после окончания войны раненые и искалеченные вернулись только четверо. Немного найдётся даже из числа фронтовиков, кому за время войны пришлось под артиллерийским, миномётным и пулемётным огнём, форсировать десять рек, как это досталось ему. Воевал в Заполярье, на Украине, форсировал Днепр, где гибли тысячи, вода кипела от взрывов бомб и снарядов. При освобождении Кривого Рога из противотанкового ружья подбил тяжелый немецкий танк «Фердинанд». Освобождал Львов, воевал в Польше. На Одере ранило четвёртый раз. Перенёс девять операций. Домой вернулся калекой на двух костылях. Здесь начались новые трудности. Дома жена и малолетний сын, полусгнивший домик на улице Артёма. Денег нет, хлеб по карточкам. Трудно было воевать, но ещё труднее видеть, как страдают от недоедания родные тебе люди.

Помог директор прииска А.В.Соловьёв. Зная, что толку от искалеченного солдата будет мало, всё же дал указание оформить Манакова в лесоучасток прорабом. На работу и с работы возили на лошади. Жена умерла рано, сына воспитывал один.

Корни от Платона Манакова широко раскинулись по всей стране. Есть среди них учёные, врачи, военные, много рабочих и простых служащих. Один из них – Анатолий Михайлович, внук Василия Платоновича младшего, дослужился до звания полковника КГБ. Четверть века прослужил во внешней разведке, в основном в США, автор книги «Тринадцатый знак». В ней делится личными воспоминаниями о политических интригах Кремля и Белого дома, о премудростях тайной науки разведки.

Его отец - Михаил Васильевич Манаков, работал в охране Кремля в те годы, когда был жив ещё Сталин, и вплоть до Горбачёва. За тридцать лет всех там узнал. Вышел на пенсию и ему предложили работать в библиотеке Ленина начальником отдела секретных документов. Там хранились записки членов ЦК партии, различные постановления

правительства и протоколы. Была и литература, запрещённая для общего пользования. Ей иногда пользовались секретари, члены ЦК и члены правительства.

Василий Платонович в годы первой мировой войны был ранен в правую руку, и всю жизнь носил её скрюченной. Его не демобилизовали, а оставили служить в качестве повара. Эту специальность хорошо освоил, и дома удивлял домочадцев и соседей своим искусством вкусно готовить обеды и печь пироги.

Его сын, Александр, в тридцатых годах отслужил действительную службу в Красной армии, зимой 1939 года принимал участие в войне с Финляндией. После службы в Исовском районе назначили комендантом выселенческого посёлка - Федино, а с первых дней Великой Отечественной войны ушел на фронт, с боями дошел до Берлина. Однажды при форсировании Днепра, на окраине города Никополь, во дворе дома услышал приглушенные женские крики о помощи. Они шли из-под земли. Осмотревшись, увидел погреб, заваленный землёй от взрыва снаряда. С разрешения командира роты откопал и освободил женщину с двумя детьми. Она оказалась вдовой, погибшего командира Красной армии. Женщина сказала ему: - Кончится война, и если некуда будет ехать, приезжай к нам. Примем, если даже будешь калекой. После войны из любопытства решил съездить, да так там и остался. У них родилась ещё дочь и семья счастливо дожила до старости.

Юрий Николаевич Манаков

Его детство было не только трудным, но и бесшабашным. Отец в 1941 году ушел на фронт, когда Юрке минуло три года. С этого момента и начались его мытарства, которые в немалой степени определили его дальнейшую судьбу.

Мать вела вольную жизнь, ходила работать по найму, по несколько дней где-то пропадала, воспитанием сына не занималась, он был предоставлен самому себе. В 1943 году с голоду чуть не стал рахитиком. Мать посадила его на печку, сама ушла. Несколько дней на печи сидел один. Изредка заходили соседи, совали что-нибудь пожевать и уходили, шла война, у каждого своих забот хватало.

Когда мать появилась и сняла его с печи, он не мог ходить и даже стоять. Мать донесла Юрку до Журавлика, там знакомый старатель жил. Дали ему жиденького мясного супа с вермишелью. Этот суп запомнил на всю жизнь, такой он показался вкусный и сытный. Отъелся немного и стал ходить. С матерью поехали на сенокос к этому старателю, но поссорился с его детьми и убежал домой. Было ему в то время пять лет. Рос упрямым и непослушным, от матери за это часто попадало. Отлупит, он бежит в посёлок Троицкий, к деду Кузьме Дмитриевичу – отцу своей матери. Дед не любил свою дочь за лёгкое поведение. Юру тоже невзлюбил за его упрямство, непослушание и просто за то, что он был сыном его нелюбимой дочери, и тоже бил. При этом называл «сукиным сыном». Специально для внука сделал плётку-треххвостку. Она для устрашения всегда

висела над дверью, чтобы видел её и боялся, но последнее на поведение внука не действовало. Юрку дед не кормил. Только бабушка приносила с огорода гороху или бобов, а то и сам тайком выдёргивал морковку и съедал где-нибудь в огороде.

Однажды бабушка сварила суп и оставила горячий горшок на шестке, сама ушла во двор. Юрка засунул руку в горшок, захватил горстью, что там попало, но сильно обжег руку.

Однажды дед снова начал бить, Юрка вырвался и голой рукой выбил стёкла в дедовом доме, руку поранил и убежал на Ис. Рядом с посёлком Троицким большое кладбище. Вечером ходил туда, с могил собирал оставшуюся пищу и мелкие монеты денег, которые родственники умерших оставляли на крестах. В престольные праздники с ребятами ходили по домам, просили милостыню.

Одно время дружил с Венькой Макаровым. Он на два года старше. Парень «крутой», смелый. С ним ходили на базар, воровали у женщин стряпню, яйца, картошку и другие продукты, которые попадутся под руку. Однажды на виду у всех схватили по шаньге и побежали. За ними гнались, но поймать не могли.

В детстве Юру влекло желание покинуть дом, посёлок, где родился и рос и посмотреть, что там за его пределами. Выбрал момент и уехал по узкоколейке с Иса на Выю. Там его поймала родная тётка. Она работала на Вые стрелочником. Беглеца привезла на Ис.

В военные и послевоенные годы, в дошкольном ещё возрасте, с дедом Василием младшим ходил на рыбалку, в лес за грибами, ягодами и шишками. Часто ходил за ним по отвалам, наблюдал, как тот старательским ковшом брал пробы и промывал их. Намывал полграмма – грамм, а если подфартит, то и больше. Вечером нёс в золотоскупку, там же и отоваривался. В молодости мыл платину по-настоящему. Бил дудку, углублялся до металлосодержащих песков, находил жилу, и тогда работа кипела. На верху у ворота стояли его сын – Сергей и Дочь – Анна. Поднимали бадью с песком кверху, сваливали тут же в кучу у ствола дудки, затем везли на промывку. Много не намывали, но на харчи и одежду хватало. Орудия труда: лопату, кайлу, насос, колоду и ковш везли с собой на тачке. Юра, как хвостик, целыми днями ходил за дедом, наблюдал за его работой, но старателем не стал. Талант позднее у него выразился по другой профессии.

Дед когда делал доводку платины, в конце дня, взвешивал её на очень маленьких, примитивных весах. Вместо гирек применял спички. Десять спичек весили один грамм. Никогда не ошибался.

Летом Юра ходил босиком, в одной рубашке. На ногах ссадины, рубашку продувало и мочило дождём. Лес и воду полюбил, хорошо изучил окрестности посёлка.

В возрасте пяти лет в посёлке Троицкий Юру определили в детский садик, расположенный на берегу Иса. Пробыл в нём только один день. Утром вместе с другими позавтракал. В обед дали манную кашу и кружку компота. Всё это ел первый раз в жизни и запомнил на всю жизнь, так вкусно никогда не едал.

После обеда воспитательница повела детей на берег реки, собирали цветы, играли. Юрку цветы не интересовали. Решил перебраться по воде на другой берег. На среди-

не реки сбило течением и понесло вниз, в сторону круговорота воды. Казалось жить осталось несколько минут, но воспитательница в чём была, в том и бросилась в воду, и как котёнка вытащила на берег. Из садика в тот же день за плохое поведение исключили.

Тонул ещё не раз. Осенью, когда учился в пятом классе, по первому, слабому ещё льду, любили кататься на коньках. Лёд прогибался, а ребята лихо мчались по нему. Первым провалился Селивёрстов. Юра вытащил его, но тут же сам оказался в воде. Одет был тяжело, долго карабкался, кромки льда при попытке выбраться крошились. Стал срывать с себя одежду и обувь, выбросил их на лёд. Селивёрстов мокрый убежал домой и сообщил, что Юрка в воде. Наконец голый вылез на лёд и пополз до островка, который был посреди реки. Стал замерзать, а на берегу всё больше и больше собиралось людей: милиция, пожарники, врачи, там были и отец с матерью. Попытка добраться до него ни к чему не привела. Лёд ломался, пробовали пробить, и подплыть на лодке, но тоже не удалась. И только когда привезли доски, разложили их на льду, к нему приполз одноклассник – Суворов, обвязал верёвкой и с берега притащили как бревно. У отца был принесён полушубок, в него и завернули. Юрка был без сознания. Отец стал бить его по щекам, когда очнулся, увидел, что на него – голого смотрят девочки – одноклассницы. Вырвался у отца и убежал домой. Залез на печку и снова потерял сознание.

Тогда река Ис была бурная, весной разливалась широко, бывал ледоход, льдины, шурша, лезли друг на друга. По реке плыл топляк – брёвна. Жители его ловили и использовали на топливо.

Девяти лет пошел в школу. С уроков сбегал, с учителями спорил, учился плохо. Из класса в класс переходил с трудом. Знал всю Исовскую шпану, дружил с ними. В марте 1953 года в очередной раз учитель выгнал с урока. Стал бегать по коридору, заглядывать в классы, где шли уроки, кривлялся, смешил ребят. Открыл дверь одного класса, а там все стоят. Учитель говорит: - Ребята, умер Иосиф Виссарионович Сталин. Юрка застыл на месте, стало очень стыдно. В школе в тот день многие плакали, заплакал и он, так как Сталина очень любил. Когда пропускал школу, ходил по соседям. Один дед ему говорит: — Ты, Юра, опять в школу не пошел? – Я не буду ходить в школу, буду учиться на Сталина. Если меня будут обижать, я ему письмо напишу.

Учиться Юрка мог хорошо, но не хотел. Много читал книг. Любил литературу, историю, географию, но не любил математику, физику, химию. Хорошо рисовал. Будучи ещё подростком нарисовал копию картины «Омут» Левитана. Она в хорошо оформленной рамке до сих пор висит у него в доме на стене. Срисовал картину Шишкина «Три медведя» и другие. По картине «Омут» можно судить о его таланте, как художника.

Любил и кино, но за неимением денег на билет, в зал лазил через окно или через чердак соседнего помещения.

Его друзьями в детстве были ребята – одноклассники: – Володя Нечкин, Володя Некрасов, Роберт Абакумов, Гера Осинцев, Селивёрстов, Рюрик .

Тяга к походам была постоянно. Шел пятнадцатый год, когда от старика – соседа узнал, что на речке Каменушке, впадающей в реку Нясьму, есть заброшенный посёлок

с одноимённым названием – Каменушка. Вокруг дремучие леса, большие кедровники, много всякой дичи и ягод. Летом и осенью там приволье и, как выразился старик, – рай!

Прошло немного времени и стало известно, что на Каменушку выезжает геологическая партия. Легко уговорил коновозчика взять его с собой. И вот, в лёгкой летней одежде и с булкой хлеба в сумке, отправился в неизвестность, почти за пятьдесят километров от дома. Было начало августа, тёплая летняя погода. Поехал, как думал, пока в разведку. Дорога конская, кое где в болотистой местности слань из сгнивших брёвен. Выехали утром, в Каменушку прибыли под вечер. В начале тридцатых годов в этот посёлок были привезены раскулаченные и высланные крестьяне. Через пару лет их перевезли в посёлок Лабазский. Сейчас в посёлке жил только лесник со своей женой. Коновозчик высадил Юру и сказал: – Иди.

Кедровник прямо за посёлком. Немного прошел, увидел дымок костра. Подошел. Это был стан шишкарей. У костра сидела семья: мужчина лет сорока, его жена и двое детей – подростков.

— Куда ты идёшь, паренёк? – Спросил мужчина.

— Приехал с Иса посмотреть и пошишкарить.

— По кедром лазить умеешь?

— Умею.

— Оставайся с нами. У тебя смотрю, не есть, не пить, а мы кормить будем, и жить будешь с нами в шалаше. – Он остался. Три недели по кедром лазил. Жена с сыновьями к первому сентября ушли домой в посёлок Федино, а хозяин эксплуатировал Юру в полную силу. В сентябре шишка поспела и при ветреной погоде падала сама, стала сухой, легко обрабатывалась. Орехов заготовили около тридцати мешков. Их оставили до снега, когда легко будет проехать на санях, у лесника.

К тому времени поспела брусника. Её уродилось очень много. За день вдвоём набирали по пять-шесть ведер. Хозяин тоже договорился с лесником и оставил до зимы у него, а Юре сказал:

— Когда всё это вывезем домой, рассчитаюсь с тобой сполна.

Дал ему ружьё с патронами, на бумаге нарисовал лесную тропу по Саранной горе до посёлка Вознесенский, и отправил домой. На прощанье сказал: — Ружьё принесешь в Федино. — Расстояние до Вознесенского по тропе двадцать пять километров. Дошел нормально, а дальше хорошая дорога до Иса.

Ружьё унес сразу и всю зиму ждал, когда хозяин с ним рассчитается, но не дождался. В ближайшие кедровники с ребятами ходил постоянно. Лазил по кедром, а когда шишка поспевала и падала сама, собирали в мешки и носили к стану, а ночью шелушили у костра. Позднее была изобретена мельница для обработки шишек, с ней работа спорилась, было значительно легче и быстрее.

Второй подобный случай произошел через два года, когда уже работал столяром.

Узнал, что близ посёлка Кытлыма есть богатые кедровники, туда шишкарям добираться трудно, поэтому они часто остаются не обранными, и орехов взять там можно много.

Август месяц, погода хорошая, поехал налегке, опять пока в разведку. Если шишек много, наберёт ватагу парней, и приедут капитально. До Старой Ляли доехал по узкоколейке, а дальше через Павду на рейсовом автобусе. Не доезжая до Кытлыма, на кардоне лесника Белоглазова из автобуса вышел. Кардон назывался Кушмянка, состоит из одной усадьбы. В ней добротный пятистенный дом, в ограде конюшня для лошади, стайка для коровы и овец, большой двор. Всё это огорожено плотным забором.

Вокруг на десятки километров нетронутые леса. В них много всякого зверя, птицы, грибов и ягод. Главное богатство лесов – кедровники.

Белоглазов здоровый, высокий мужик, очень сильный. Рассказывают, как однажды в лесу нос к носу встретился с годовалым медведем. Встреча для обоих произошла неожиданно. Медведь заревел, поднялся на задние лапы. Лесник знал, что нельзя попадать медведю под острые когти. Нырнул под передние лапы. Обхватил руками медведя за хребёт и стали ломать друг друга. «Мишка» по-видимому понял, что не справится ему с мужиком, опустил лапы, Белоглазов отскочил от него и оба разошлись каждый в свою сторону.

Вторая встреча с медведем тоже была неожиданной. С женой шишкарили в кедровнике. Ночевали в шалаше. Рано утром Белоглазов проснулся от шороха у его головы и обомлел, прямо перед ним стоял медведь, который не менее был удивлён, увидев лежащего перед ним человека. У лесника под руками всегда лежало заряженное пулей ружьё. Не растерялся, схватил ружьё, и выстрелил медведю прямо в голову. Жена спросонья соскочила и говорит:

— Ты что, Сеня, убить меня хотел?

— Смотри, - и он показал на лежащего медведя.

Насчёт «убить» у жены были некоторые основания так думать. Была уже не молода, а к нему из Старой Ляли постоянно приходила молодая женщина, и они втроём мирно уживались. Белоглазов мужик здоровый, видный, знакомых женщин вокруг у него было много. Их привлекала не только его внешность, но и богатство. Любил выпить и в таком состоянии становился буйным. Был не промах с шишкарей и охотников, которые приходили в лес, как правило, не имея на то разрешения, брал хорошую долю с их добычи. Дары природы вёз в Нижний Тагил или в Свердловск, продавал по сходной цене, и пировал в ресторанах.

Ночевать Юра расположился у костра, на берегу речки – Кушмянки. Наломал хвои, чтоб мягче спать было, вскипятил воды в котелке, попил чаю и уснул. Проснулся рано, развёл костёр и стал думать, в какую сторону пойти для разведки хорошего кедровника? Тут к нему подошел Белоглазов и спросил:

— Ты что один?

— Один.

— Зачем приехал сюда?

— Посмотреть, нельзя ли здесь пошышкарить.

— А лазить по кедром можешь?

— Хорошо могу.

— Оставайся у меня. Шишкарить будем вместе. Жить в моём доме, питаться вместе с нами. Набьем орехов, свой пай получишь сполна.

Участок в кедровнике лесник подобрал сам, деревья лазовые, шишек много. Посторонних близко не подпускал. Сам по кедром лазил редко, был тяжелый, неповоротливый. Этим делом занимался, в основном, Юра. А Белоглазов с женой таскали мешки с шишками на стан. Когда наносили достаточно, и ближайšie кедрь были обобраны, на специальном самодельном станке стали долбить их и сеять на крупном и мелком сите. Долбить шишки тяжело, работа не женская, поэтому выполнять её на пару с Белоглазовым пришлось тоже Юрию. На свежем воздухе, в лесу работалось легко и весело. За месяц заготовили свыше двадцати мешков чистого ореха. Вывезли в Кушмянку, сложили под замок в амбаре.

Стали делить. Белоглазов говорит: - одну долю мне, вторую жене, третью за лошадь, четвёртую за дом и пищу, и ещё назвал за что-то. - Седьмую долю, Юра, тебе. Юра знал, что у настоящих шишкарей тому, кто лазит по кедром, выделяют двойную долю, а здесь его решили ободрать, как липку. Почти всё себе, а ему за месяц самой трудной и ответственной работы только три мешка.

Все дальнейшие события Юра описывает так:

— Я понял, что он хапуга, но физически мне с ним не справиться. Мужик здоровый, чуть не два метра ростом, а мне только семнадцать и на голову ниже его. Но я не мог допустить, чтобы меня второй раз обманули с орехами. Тогда я был поцан, а теперь решил постоять за себя. Выждал момент, когда Белоглазов с женой ушли в лес. Взял ключ от амбара, перетаскал на себе все мешки с орехами в тайгу, прихватил и шишкарский инструмент. Амбар закрыл на замок, а ключ забросил в кусты.

Поблизости работала геологическая партия. Прибежал туда и говорю шофёру:

— Хочешь заработать пять мешков орехов?

— Хочу. - Ответил тот, с удивлением посмотрев на Юру.

В тайге быстро скидали мешки в кузов машины, и увезли в Старую Лялю, на базу этой геологической партии, которая была расположена во дворе, одиноко живущей женщины. Женщина была серьёзная, смелая, говорит:

— Белоглазов-человек буйный, в припадке бешенства может покалечить тебя. И тут он действительно ворвался в дом. Женщина стала перед ним и говорит:

— В моём доме драться не дам. Если считаешь, что он виноват, вызывай милицию и действуй по закону. Но учти, что орехи вы заготавливали не законно, без оформления документа. Ты был там старший, с тебя и будет спрос. Да ещё побьешь несовершеннолетнего. Всё это для тебя может плохо кончиться. Лучше решайте полюбовно. В милицию всё же позвонили, но там ответили, что приехать сейчас не могут.

Пригласили депутата. Договорились без обиды друг на друга. Принесли водки. Выпили. Юра не пил, а Белоглазов снова разбушевался и полез со всеми в драку. Юрий схватил его сзади и завернул руки за спину. Он снова успокоился. Мешки погрузили в ту же машину и привезли обратно в Кушмянку. Дома Белоглазов снова напился, разбушевался, схватил ружьё и давай стрелять. Юра и две жены убежали в лес. Утром верну-

лись и мирно обо всём договорились. Юра свой пай орехов, пять мешков, увёз в Старую Лялю и вернулся в Кушмянку. Отпуск его давно уже кончился, домой ехать боится. Белоглазов говорит:

— Не трусь. Всё уладим. Оставайся, будем собирать еловые шишки.

Сбор их входил в обязанность лесника. Собрали пятнадцать мешков. В первые дни, прежде чем идти шишкарить, он косил сено у Белоглазова. Всего в Кушмянке прожил почти три месяца. Белоглазов съездил в Кытлым, привёз оттуда Юрию на два месяца больничный лист, якобы болел пневмонией. Дома его потеряли, но слышали, что где-то живёт в лесу. Слух о нашем конфликте с Белоглазовым разошелся по округе.

— Наконец-то нашелся смелый человек, поставил Белоглазова на место, — говорили люди.

Юность

Работать Юрий Николаевич пошел с шестнадцати лет, учеником столяра в лесопилке Исовского прииска. Отец, Николай Васильевич, работал там мастером. Учеником нужно было работать шесть месяцев, его на самостоятельную работу перевели через три. В профессии столяра проявился его талант. По-видимому сказалась сноровка вятских предков. С радостью смотрел как из-под рубанка и деревообрабатывающего станка вьётся стружка и появляются детали разной конфигурации. Намётанный глаз и ловкие руки делали их не только красивыми, но и точными, плотно прилегающими друг к другу. Готовые изделия получались красивыми и прочными.

Платили сдельно, зарабатывать стал хорошо. Купил себе приличную одежду. Деньги зря не тратил, не пил и не курил, хотя друзья были всякие. Такое поведение осталось на всю его жизнь.

— Я очень люблю свою работу. — Скажет он позже. — Где бы я не был, где бы не работал, всегда старался выполнять её хорошо и по возможности быстро. На перекуры и на всякую болтовню время не тратил.

После работы стал оставаться в цехе. Точил на станке игрушки, делал различные стульчики, полочки для детского садика, не требуя за это дополнительной оплаты. Начальник цеха Иван Сергеевич Мамонов не прогонял из цеха после работы. Юру стали хвалить. Для него, бывшего полубеспризорника и мелкого хулигана, труд стал праздником. Сам себя кормил и одевал, но с родителями были конфликты. Мать ругал за то, что гуляет, ведёт себя вольно, хотя сама по себе и была хорошим человеком. С отцом ругался потому, что был слабохарактерным и невольно потакал матери.

От лесопилки однажды часть рабочих послали на Вогулку для очистки лесосеки от мусора. В те годы территорию леса, после рубки и вывозки древесины, чистили граблями. В этом отношении законы были очень строгие и лесники неукоснительно следили за их исполнением. На Вогулке в пятидесятых годах, в основном, рабо-

тали репатриированные немцы. Работали добросовестно. Особенно высокими показателями и хорошим качеством труда отличалась бригада Николая Яковлевича Шуллера. Но мелкий мусор в виде хвои и щепок оставался. На уборку его и посылали из подсобных цехов прииска рабочих. Прорабом в лесу работал опытный добросовестный человек, участник войны, Мефодий Маракулин. Начальником лесоотдела работал Пятин, а заготовкой древесины непосредственно руководил Петров. Люди исполнительные, добросовестные, но какой-то шутник сочинил про них: «Пятин и Петров – не лесу и не дров».

После выходного дня в лес Юра не вернулся, вышел на работу в столярку. Самовольный уход с работы раскрылся, и ему здорово попало.

На Юру Манакова обратил внимание руководитель, вновь созданного при клубе имени Артёма, музея – Василий Иванович Попков. Он стал поручать ему изготовление деревянных поделок: столов, стульев, шифоньера; особенно много потребовалось рамок для различных таблиц, схем, рисунков и портретов. Василий Иванович человек аккуратный, требовал чистоту и точность при выполнении работы. Чтобы всё было прочно и красиво. И тут Юрий Николаевич превзошел сам себя. Широкие и узкие, разной конфигурации, искусно покрашенные рамки радовали глаз.

В квартире Манаковых и сейчас, через пятьдесят лет после того периода, часть изделий имеется: табуретки, столы, сервант и всякие шкафы с точёными ножками, разными фигурными вырезками и украшениями. Они стоят как новые, без трещин и щелей, приятно радуя глаз. А изящно выполненная, широкая рамка с картиной «Омут» висит на стене как новая.

Столяров в цехе десять человек, у некоторых по два ученика. Готовили двери, оконные рамы для строящихся жилых и производственных зданий: столы, табуретки, скамейки и прочие изделия. Поступали заказы из продснаба для магазинов, киосков и столовых; с драг и гидравлик. Крупные заказы шли из соседних предприятий и учреждений города Нижняя Тура. Спрос опережал возможности цеха. На лесопилке в три смены работала пилорама. В четырёх сушилках постоянно сохли доски, брусья. В сороковых – пятидесятых годах на территории лесопилки имелся так называемый военный запас пиломатериалов – штабеля досок разных размеров. Это был неприкосновенный запас, его не трогали, лежал на случай войны.

Один-два вагона ежедневно шли на продажу, их везли по узкоколейке на станцию Выя.

В 1956 году уволился. На работу поступил в Качканар, где шла подготовка к строительству горно-обогатительного комбината (КГОКа). Бригада лесорубов пилила лес, его везли в Ис, готовили пиломатериал и отправляли в Качканар.

В 1957 году призвали в армию. Служить попал в войска межконтинентальных ракет стратегического назначения, но оказалось мало образование (семь классов), и из армии уволили. Приехал на родину и снова поступил в Качканар. Через пару лет уволился. На Ису поступил на прежнее место работы – столяром в лесопилку. Но поссорился с родителями.

Получил расчёт, и решил посмотреть на мир. Поехал в Сибирь, побывал в Алтае, Барнауле, Новосибирске, Красноярске, Ачинске, Абакане, наконец Дальний Восток. Узнал, что генеральный секретарь центрального комитета партии Н.С.Хрущев решил город Владивосток сделать лучшим портом в мире. Был брошен клич: - Сделаем Владивосток вторым Сан-Франциско!

Туда шли эшелоны со строительными материалами, оборудованием и рабочей силой. Но это был закрытый город, и въезд в него разрешен только по специальным пропускам.

Пристроился к группе вербованных комсомольцев. Те его, шутки ради, спрятали в ящик под нижним сиденьем, прошел контроль, его не обнаружили, благополучно прибыл в город. На набережной поразил великолепный вид порта. Множество отечественных и иностранных кораблей. Они блистали чистотой и разнообразием красок. Подошел белый японский военный корабль, на берег высыпали, в красивой парадной форме, в белых перчатках и кожаных куртках, японские моряки.

На работу без направления и пропуска не принимают. Жить негде. Ночевал на лавках в порту и на вокзале, в постоянной опасности быть пойманным милицией. Решил записаться на приём к начальнику краевого отдела милиции, в надежде чистосердечно-го признания и патриотических чувств, разжалобить столь высокого начальника. Двенадцать дней ждал приёма. Зашел. Был молод, терпелив и на вид ничего.

— Садись, рассказывай, с чем пришел. - Говорит начальник.

— Город Владивосток хороший, красивый, и я хотел бы тут остаться жить и работать.

— Ты кто?

— Я с Урала.

— А как сюда попал без пропуска? Юра признался, что приехал «зайцем».

— Тебя же надо арестовать, изолировать. Уезжай отсюда немедленно. В ста километрах от Владивостока есть станция Угольная. Поработай там годик, покажи себя, и если порекомендуют, приедешь снова.

Юра поехал туда, но не понравилось. Уехал до Хабаровска. По пути во всех почти городах останавливался, смотрел, знакомился. В Хабаровске кончились деньги и он завербовался на Чукотку.

Чукотка. 1962 год

Прилетели в Магадан. Временно их поместили в распределительный пункт, расположенный в бывшем лагере заключённых. Собралось около пяти тысяч человек в нескольких огромных бараках с трехъярусными нарами. Через день сто человек улетели в Чукотку, полторы тысячи километров севернее Магадана, в посёлок Анадырь.

Заключили договор на строительство города. Это было десятого мая, там ещё зима,

дома заметены снегом. Летели и мечтали, вспоминая разговоры, о том, что «за бутылку водки чукчи дают оленя, и вообще не жизнь, а рай, всё дешево, а зарплата высокая». Но там была пограничная зона, кругом солдаты и постоянно проверяют документы.

Пятнадцать человек поместили в недостроенном доме. Сами его быстро доделали. Наступило лето, кругом тундра, ни одного деревца. Берёзовые веники любители попариться везут на самолётах. Появились грибы, их тьма. Местные жители шутя говорят: - У нас грибы растут выше домов. Тучи комаров и мошки безжалостно лезут в уши, горло, нос. Вода болотная, коричневая.

В Анадыре вечная мерзлота, дома строят на сваях с «чёрным» полом - двойной, между верхними и нижними половицами положен утеплитель. В наиболее важных домах, например здание райкома партии, в качестве утеплителя положили оленьи шкуры, в обычных домах – шлаковата или опилки. Для свай в мерзлоте долбят глубокие лунки. После работы и в выходные дни, за приличную сумму денег, Юра ходил долбить их.

Весной на нерест пошла красная рыба, объявили путину и всё трудоспособное население пошло в рыбзавод на обработку её. Любый человек и в любое время приходил и записывался. Работал сколько мог, или сколько хотел, за количество отработанных часов тут же получал деньги или натурой – рыбой или икрой. Работать приходили пенсионеры, дети, рабочие в свободное от работы время. Платили хорошо.

На рыбзаводе познакомился с начальником паспортного стола. Он тоже ходил подрабатывать. Там никто не стеснялся этим заниматься. Работать устроились в икорном цехе, за два-три часа работы получали по литровой банке икры. Дома он ел её ложками, угощал соседей по общежитию. В столовой порция икры стоила десять копеек, банка - один рубль. Снабжение вообще было хорошее. В это время мать на него послала во всесоюзный розыск. Юру нашли в Чукотке, вызвали в милицию, поругали, и взяли подписку о том, что будет писать матери письма.

Был ещё один способ заработать деньги. Это погрузка и разгрузка океанских кораблей в выходные и праздничные дни. Сроки на проведение этих работ командованию корабля давались сжатые, поэтому капитан за хорошую зарплату вынужден был нанимать в порту добровольцев.

С бригадой заключался договор на погрузку или выгрузку определённого количества тонн. Условия жёсткие. Если бригада не справлялась в срок, сумма оплаты резко снижалась. В бригаде, если кто-то не выдерживал и уходил до окончания работ, то ему вообще ничего не платили. Набиралось человек двадцать- тридцать. Они «вкалывали» до победы и до изнеможения. Расчет получали щедрый. Люди обычно набирались молодые, физически здоровые, выносливые.

Из любопытства Юра посещал чукчей на стане, в забивочном пункте. Там лежали горы оленьих рогов, штабеля шкур. Всё это на материке представляло большую ценность, а здесь годами лежало и гнило, не успевали, да и не на чем было, вывозить.

Когда увидели первых чукчей, не могли отличить мужчину от женщины. Все в одинаковых шкурах, лица в наколках, обозначающих родовые знаки. На лицо не приятные, но очень добродушные, улыбаются, и все употребляют спиртные напитки. Из –

за них в посёлке был введён «сухой закон». Водку и вино продавали только по праздникам. У чукчей свой заводик по изготовлению какой-то «барматухи», а дома у себя варят брагу на кореньях. Все с детства курят. В целом народ хороший, даже талантливый. Из костей и рогов делают красивые, тонкие поделки: фигуры зверей, жилищ, собачьих упряжек и так далее. Они хорошие охотники, оленеводы и рыбаки. Многие молодые люди учатся и выходят врачами, учителями, артистами, писателями, юристами и даже учёными. Питаются рыбой, олениной, мясом моржей и тюленей. Тем же кормят и собак.

К концу лета из ста человек, прилетевших на самолёте, осталось мало. Вербованные разбежались кто куда. Народ сюда едет всякий: бродяги, романтики, любители больших денег. Большинство надеются на лёгкую наживу, а здесь, чтобы хорошо заработать, надо упорно трудиться, терпеть неудобства в быту и стойко переносить природные невзгоды. Многие улетели дальше на север, другие вернулись на Большую землю.

В комнате, где он жил по вечерам и в выходные дни сплошная пьянка, карты, тут же и разборки. На улице порядок, там пограничники и милиция разгуляться не дают. Юра один не пил, не курил и не играл в карты, много и упорно работал, много и зарабатывал. Поселился в углу и спокойно жил. Его не трогали и даже уважали. К осени из пятнадцати человек остался один. На работе был на хорошем счету, про него писали в местной газете.

Однажды с другом гуляя на берегу моря, увидели плывущую лодку. Она подошла к берегу полная рыбы. Из лодки вышел чукча в очках, культурно, по европейски одетый, видно, что не простой рыбак или оленевод. Попросил помочь вытащить лодку на берег. За это дал по большой красной рыбине. В разговоре узнали, что он секретарь крайкома партии, фамилия его Гаутегин. Сказал, что чукчам разрешено в море ловить рыбу, так как она идёт у них в пищу, и собак ей кормят. Позднее узнали, что он окончил в Ленинграде институт, стал журналистом, затем писателем, а потом и вообще продвинулся по партийной линии. Позднее Юра из его рук, за хорошую работу получил почётную грамоту.

В посёлке Анадырь, где работал Юра, была пограничная зона, строгий паспортный режим, но чукчи зимой, в пургу на собаках ухитрялись ездить даже в Аляску, там у них есть знакомые и даже родня.

Нация чукчей постепенно вымирает, так как их осталось мало, и они часто женятся на родственниках. Это отрицательно влияет на потомство.

Вторая причина вымирания - злоупотребление спиртными напитками и курение табака чуть ли не с пелёнок.

Белые люди испокон веков обманывали их. За водку забирали всё, особенно пушнину.

Свободно попасть туда было трудно, так как была пограничная запретная зона. Приезжали только вербованные и родственники по вызову.

Круиз. 1963 год

Осенью уволился. Решил сделать круиз – посмотреть Сибирь, западную, северную и южную часть страны. Сел в самолёт, долетел до Тикси. Последним пароходом проплыл всю Лену до Усть-Кута, порт Осетрово. Лена - река большая, могучая. Видел леса, притоки больших и малых рек. Пароход старый, трёхпалубный, назывался «Москва», колёса диаметром два с половиной метра с лопастями, но надёжный, сделан был на совесть, в нём стояли мощные паровые котлы. Часто делал остановки. На него грузили рыбу - нельму, осетра. Грузчики их носили на плечах, как брёвна. На пароход садились охотники, рыбаки, лесорубы. Было интересно наблюдать за пассажирами, за погрузкой и за природой.

Из Усть-Кута доехал до строящегося в то время Братска, дальше Иркутск и в Ленинград. В нём провёл две недели. Одет был по северному, в тёплой одежде, а здесь ещё тепло. Купил пальто, костюм, туфли, а свою одежду отдал на вокзале носильщику, который разрешил ему в своей конторке переодеться. В гостиницу устроиться не мог, поэтому спал на вокзале на скамейках, но милиция часто поднимала.

В Прибалтике посетил Вильнюс, Ригу и Таллин. Из Прибалтики улетел в Кишинёв, затем в Одессу, дальше - Симферополь, Севастополь, Ялта, Керчь, Тбилиси, Баку. На пароходе прибыл в Красноводск, затем в Ашхабад и Ташкент.

Охотск. 1964 год

Деньги кончились, и тут же завербовался в рыбную промышленность на Дальний Восток, в город Охотск. Здесь ему как столяру предложили пойти на строительство жилья в промбазу. Предприятие большое. Лес по морю возили «сигарами», по тысяче кубометров в одной «сигаре». Она круглая, с носу и в хвосте заострение. Чтобы больше заработать, однажды попросился на её разборку. Работа сложная, тяжёлая и опасная, но много платят, его интересовали деньги. Ни каких трудностей не боялся, был молод и силён. Опытные рабочие обманули, заставили одного от лебёдки к воде таскать тяжёлый стальной трос. Эту работу положено было выполнять двоим, а он таскал один, упираясь ступнями в землю. Заплатили хорошо, но к концу смены кожа на подошве обеих ног лопнула, долго лечился.

Продолжил работу столяром. Общежитие, в котором жил, в пятидесяти метрах от моря, купался зимой и летом. Процедура приятная и полезная, выйдешь из воды и не холодно, хотя на улице зима. Однажды попал в отлив. Не было силы удержаться на поверхности воды, человека тянет в море. Нырнул в воду и по дну карабкался к берегу навстречу течению, цепляясь руками за камни, траву и за всё, что попадёт под руки. Сорвал ногти и только благодаря тому, что был физически силён, хорошо плавал, и умел держаться под водой, выкарабкался на берег, долго лежал на песке, пока смог подняться и пойти в общежитие. Этот урок запомнился на всю жизнь.

Общежитие большое, и кто придумал в одном здании поселить мужчин и женщин, комнаты отделены друг от друга только коридором. Каждый день свадьбы, разводы и разборки с драками, не редко с поножовщиной. Не было ни одного дня, чтобы не приехала милиция. Тогда впервые у неё появились резиновые дубинки. Милиционеры, отчаявшись утихомирить дерущихся мирным путём, начинали безжалостно лупить их дубинками, неисправимых буянов увозили на «воронке».

В его комнате подобралось три человека непьющих, спокойных парней. Но в целом контингент крутой и буйный. Люди приехали на один сезон, который длится шесть месяцев. Среди вербованных восемьдесят процентов женщины, они на обработке рыбы, мужчины на тяжёлой работе. Юра и трое его товарищей на стройке. Однажды с хулиганами милиция по ошибке прихватила его знакомого, который в драках не принимал участие, к тому же был член партии. Юра в милиции пытался его защитить. У знакомого стали отбирать документы, в том числе и партийный билет, тот не отдавал, тогда милиционер несколько раз ударил его по спине и всё же билет забрали, а Юру выгнали из отделения милиции. На второй день обо всех безобразиях написал в газету. В письме покритиковал милицию и руководство предприятия, в том числе и своего непосредственного начальника. Статью не напечатали, а на него стали смотреть «косо», хотя до этого хвалили.

Однажды с колхозниками вышел в море для участия в рыбной ловле. В огромную лодку погрузили сеть длиной двести метров. В море её поставили перпендикулярно к берегу. Косяк сельди и другой рыбы идёт вдоль берега, упирается в сеть и начинает двигаться вдоль её, ища выход. Посреди сети ловушка - большое отверстие, соединённое с очень большим «кошелём» - сеткой, вроде мешка. Рыба устремляется в эту ловушку и не находит выхода. Её набивается иногда две-три тонны. В ловушке бьётся так, что вода бурлит, как кипятки в котле. Ловушку отцепляют от сети, рыбу выбирают в лодку, и везут в рыбзавод, или на продажу.

В те годы рыбы было очень много. После шторма и отлива берег весь иногда покрывается слоем её, - бери, сколько хочешь! Если с красными жабрами, то свежая ещё, пригодна к употреблению. Если жабры побелели, то к употреблению уже не годится. В первое время приезжие берут, варят и жарят её ведрами, но через неделю уже приедается. Для них было странным, просто так пойти, и бесплатно брать рыбу сколько хочешь.

В Охотском море сельди очень много. Японцы покупают её на удобрение. Местное население тоже излишки применяет в удобрение.

На берегу моря тогда стояло десять огромных деревянных чанов диаметром и высотой по три метра. В них, в соляном растворе, хранились сотни тонн горбуши. Это был неприкосновенный государственный запас на случай войны. Через определённое время, по низкой цене, её отправляли на продажу, а взамен закладывали свежую. На севере такие запасы различных продуктов хранились в гигантских амбарах. Они были трёх, пяти и десяти летней пригодности.

В некоторых местах рыбу истребляли почти полностью, и тогда на несколько лет

объявлялся запрет на ловлю её. Камчадалам (коренное русское население) в Охотске и на Камчатке был установлен порядок и количество ловли рыбы. Там её много шло на питание населения и на кормление собак. Некоторые жители ездовых собак держали помногу. Одна собака за сутки съедала примерно столько же, сколько съедал человек. На корм собакам кроме горбуши идет мясо тюленей, моржей и нерпы.

У Юры был друг, любитель - собаковод. Держал до двадцати штук. Периодически ставил их в упряжку и делал для разминки выезд. Однажды украли именной столярный инструмент. Юра знал, кто это сделал, но похитители уехали. Друг согласился догнать их на собаках. Расстояние сорок километров. В упряжку поставили пятнадцать собак. Друг предупредил, чтобы он крепко держался в санях. Если выпадет, то собаки не остановятся. Скорость их в первый момент достигает пятьдесят-шестьдесят километров в час, затем начинают уставать и скорость снижается. Впереди бежит вожак, он знает свою свору, ленивых во время остановки треплет.

В аэропорт приехали быстро, но самолёт уже улетел.

Срок договора был заключен на шесть месяцев, проработал год, предложили ещё остаться, но не согласился. Ему выписали бесплатный проездной документ до Ташкента. Купил пятнадцать штук рыбин – балыка, но унести не мог, взял только десять штук. Балык – это вялено-копчёная красная рыба. Рыболовецкие колхозы на берегу моря их развешивают тысячами штук и продают дёшево.

Из Ташкента приехал на Ис. Отцу привёз восемь рыбин.

Вскоре уехал в Красновишерск и поступил в предприятие «Уралалмаз» на драгу, где начальником был друг детства Владимир Алексеевич Нечкин. Драга работала в ста километрах севернее Красновишерска, в поселке Северный Колчин, на добыче ювелирных алмазов. Затем перешел на строительство новой драги, алмазной фабрики и жилья.

Там же один сезон работал на сплаве леса по реке Вишере. Работа ответственная и тяжелая. Рабочий день не нормированный, так как весенняя вода стоит не долго, и нужно успеть сплавить высококачественный лес для бумкомбината. Жили в избушках прямо на плотках. Зарплата высокая, но тяга к новым местам не оставляла его в покое.

Через пару недель поехал в Северный Колчин, где продолжала работать его девушка – будущая жена – Валя. Работать опять устроился в строительном-монтажном управлении. Валя работала на складе запасных частей. Простыла и заболела. В больнице признали сложный, неизлечимый туберкулёз лёгких. Врачи сказали, что жить ей осталось не долго, для лечения нужны дорогие лекарства. Для этого нужны деньги. Чтобы заработать их поехал в Сибирь, в Тюменскую область, на строительство города Нягань, где было открыто месторождение газа.

Сибирь. Нягань. 1965 год

Работал по двенадцать часов в день и три месяца подряд ездил к Вале, попутно возил дефицитные товары. В Нягани продавали хороший коньяк, им врачи советовали лечить больную. От старых людей узнал, что туберкулёз можно вылечить употребле-

нием собачьего жира со спиртом. У охотников купил хорошего здорового щенка, натопил полтора килограмма жиру, купил ящик чистого спирта в четушках и всё это привёз в Красновишерск. Велел её пить три раза в день по чайной ложке и заедать собачьим жиром, а таблетки, которые давали по двадцать штук в день, не принимать, это делали в тайне от врачей. Из больницы выписалась почти здоровой, пролежала в ней восемь месяцев. Свозил её в санаторий и вскоре они поженились. Уехали к ней на родину, на Украину. Там она родила дочь и сына. Валя жива до сих пор, хотя прошло уже сорок лет.

Из Нягани однажды послали в командировку в посёлок Октябрьский на Оби. Там поселили в общежитие, которое расположено в двухэтажном деревянном здании управления треста. Общежитие на двенадцать человек. Был выходной день, и местные ребята разъехались по домам. Стояли морозы, в помещении холодно, решили затопить печку, тяги нет растопить не могут. Его напарник-шофёр принёс в консервной банке бензину, поджег сверху и поставил в печь. Бензин в таком положении, оказывается, весь не вспыхивает, а горит только как свеча сверху. Решили, что труба прогреется и тяга восстановится. Дверку печки закрыли. В печке скопился газ, и внутри рвануло, дверки печи вышибло, банка с остатками бензина вылетела, горящие брызги бензина разлетелись по всему полу. Кругом запылали мелкие огоньки. Юра схватил тазик с ополосками из-под умывальника, и плеснул на пол, но от этого стало не лучше, бензин ведь легче воды и пламя продолжало гореть. Надо его глушить, но чем? Схватили висящие добрые пальто с вешалок и стали ими закрывать пламя. С трудом им это удалось.

Быстро затёрли пол этими же пальто. В этот момент зашел главный инженер треста, осмотрелся и спрашивает: - Дымом пахнет. - Да так, мы печку затапливаем. - Ну смотрите, осторожнее с огнём, здание деревянное, сухое загорит ни чем не затушишь.

Печку всё же протопили и на второй день уехали домой. Если бы появились ребята, им бы за испорченные пальто здорово, наверное, досталось.

Петропавловск-Камчатский. 1967 год

До этого события из Красновишерска ещё раз по вербовке ездил на Дальний Восток, на рыбные промыслы. Из Красновишерска их, тридцать человек завербовавшихся, привезли в Пермь. Оттуда целым эшелоном, двенадцать пассажирских вагонов, молодых людей, в большинстве своём женщин, повезли на восток. В дороге с первых дней начались пьянки и драки. Когда приехали на место, в Находку, в вагонах окна были побиты. Начальник эшелона, бывший полковник, сказал: - на фронте было легче управлять людьми, чем здесь.

Из Находки направили в распределительный пункт, посёлок Екатерининка. В нём было управление, которое обслуживало весь Дальний Восток. Здесь бывало скапливалось до десяти тысяч человек. Для наведения порядка дежурили военные патрули с автоматами.

При распределении попал в Петропавловск - Камчатский. Команда тридцать чело-

век, из них двадцать девять молодые женщины и девушки, из мужчин он один. Юру назначили старшим группы, вручив мешок с документами. Сначала привезли во Владивосток. Оттуда пароходом «Советский Союз», бывший «Адольф Гитлер» повезли в Петропавловск. Пароход пассажирский. Их поместили в одну каюту третьего класса и запретили выходить из неё. По океану плыли неделю. Матросы повадились ходить в каюту. Начались безобразия, он не мог спать. Попросил боцмана перевести куда-нибудь в другое место.

В Петропавловске-Камчатском женщин сразу направили в рыбзавод, а его оставили в городе. Работать определили в строительное управление. Жить поселили в гостинице для моряков. Учитывая специальность столяра с высоким разрядом, поручили ремонт квартир командного состава. Однажды послали в квартиру капитана корабля дальнего плавания, Героя Социалистического труда, дважды депутата Верховного Совета СССР, Ситникова, человека известного всему Тихоокеанскому флоту. Ему изготовлял и устанавливал встроенную в стены мебель. В то время импортной ещё не было, всё готовилось на местах. Старая мебель была, но изготовлена грубо, некрасиво. Юру уже изучили и порекомендовали капитану. Изделия делал из специальной берёзы и ясеня. Делал чисто и аккуратно. Хозяйева оценили его работу и поведение, полностью доверяли. Вручили ключи от квартиры и часто оставляли одного. Питался с ними за одним столом.

В пятиэтажном доме жил весь командный состав порта. Все друг друга знали, жили дружно, вместе проводили семейные вечера. Особенно часто к ним заходила соседка – жена капитана другого корабля. Юра вёл себя свободно, мог когда угодно уходить и приходиться в квартиру, старался делать не только хорошо, но и быстро. Однажды семья уехала с ночевой на природу. Вечером закончил работу, поел борща и котлет, решил помыть посуду, для этого в кастрюле на электрической плитке поставил согреть воду. В это время зашла соседка, разговорились, посмотрели, что он сделал в последние дни и разошлись. Юра забыл отключить плитку, и она горела всю ночь. Утром соседка снова зашла, ключи от квартиры у ней были. Открыла дверь, дым и жара ударили ей в лицо, ничего не видно. Она догадалась в чём дело, кинулась в кухню, отключила плитку и как потом сказала, что кастрюля и сама плитка представляли из себя один красный шар. Спасло от пожара то, что плитка стояла на большой мраморной, через весь стол, плите. Дом пятиэтажный, в нём жило не менее сотни семей. Что могло бы случиться? У капитана в квартире стоял несгораемый сейф с документами и деньгами.

Соседка открыла окна и двери, чтобы проветрить помещение. В это время появились хозяйева. Когда увидели задымлённую и закопчённую квартиру были в шоке.

Юра вспомнил о не выключенной плитке только на следующий день в обед. Было воскресенье. Бегом кинулся туда и всё смотрел на дом, не горит ли он. Забежал в квартиру, хозяйева и соседка были уже там. Упал перед капитаном на колени и чистосердечно признал свою вину.

Этот честный, порядочный человек, стал его же успокаивать, а жене наказал, чтобы она к Юре отнеслась доброжелательно и даже не намекала на его халатность.

Всё привели в порядок, хотя последствия и остались. Юра закончил ремонт, а капитан написал в строительный участок, чтобы ему за хорошую работу объявили благодарность. Всё это для него было как страшный сон. Если бы случился пожар, мог сгореть весь дом, и ему бы пришлось отбывать наказание всю оставшуюся жизнь, да и жизни не хватило бы расплатиться за тот ущерб, который, к счастью, не произошел.

Петропавловск – Камчатский закрытый город, расположен не далеко от границы. В его порту базировался Тихоокеанский подводный флот и попасть туда было очень трудно, только по вызову родственников или по найму. Ему предложили остаться на постоянное жительство, но его ждали на Урале. Тогда предложили оставить документы, и если надумает, то в любое время может вернуться к ним. Если не надумает, документы вышлют по почте.

Вернулся в Красновишерск. Женится и уехал на Украину, чтобы сохранить жене здоровье.

На Украине

Место жительства выбрали Донбасс. Там у них родилась дочь и сын. Работать пошел в строительный участок. В коллективе пятьдесят человек. Широко распространён блат, кумовство и коррупция. Все и всё воруют, покрывая друг друга. Участок хозрасчётный, работа сдельная. Строили жильё и соцкультобъекты. Из рабочих пять столяров, тоже тащили всё, что под руку попадёт. Жили и работали по принципу: - Ты мне, я тебе.

Юрий Николаевич ранее нигде ничего подобного не встречал, удивлялся такой обстановке на производстве, и решил поговорить с начальником участка, Иваном Ивановичем Волненко. Спросил его:

— Почему воруют, лодырничают и никто их не наказывает, даже замечания не дают? У нас ведь хозрасчёт, надо гнать таких из бригады!

— А кто работать будет? Здесь все так живут.

— Я буду работать.

— Один, что - ли?

— Да, один. Будешь давать мне учеников и подсобных рабочих, и я обеспечу строителей всеми необходимыми изделиями.

Начальник участка постепенно убрал всех столяров. Юра стал работать один. Делал рамы для окон, двери, заготовку на полы и потолок, плинтуса и прочее. Черновую работу выполняли подсобные рабочие. Одно время в бригаде работали уволенные в запас, в связи с сокращением армии во времена Хрущёва, два офицера – капитан и подполковник, оба заядлые пьяницы, и тоже старались тащить из цеха, что плохо лежит. Пришлось и их убрать. Лес в кубометрах брал на подотчёт, отходы выписывал себе на дрова, так как жил в домике с печным отоплением. План участком выполнялся, получали премию, жить стал хорошо, работал честно и добросовестно, это было в диковинку местным жителям. Начальник участка говорит ему:

— Юрий Николаевич, тебе надо охохлиться, стать таким же, как местные жители.

Почему, например, отходы ты бесплатно не берёшь себе? Они ведь списаны, а ты отдаёшь их мне. Строй хороший дом, а я тебе помогу. Хватит жить по чужим куреням.

Усадьбу под дом на Украине давали только три с половиной сотки, и их получить было трудно. Он построил, но не дом, а небольшой красивый флигель, размером шесть на восемь метров. Сделал это своими руками, хотя мог использовать рабочих участка. Начальник участка, занятый личными делами, самоустранился от дела, власть постепенно и неофициально перешла в руки Юрия Николаевича. Стал гонять нерадивых работников, и при случае молодым давал «тыкаля». Через восемь лет перешел в другое предприятие. Там тоже у рабочих каждый день выпивка, безделье и воровство.

Проработал год и ужаснулся: - Какое тут безобразие! До сих пор на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке ничего подобного не видел! Там бывали неурядицы, но не до такой же степени!

Семья росла, жили не плохо, но что-то не нравилось, и решил поехать в Сибирь, на строительство БАМа, о котором тогда так много говорили и писали. Хотелось посмотреть, что это за стройка, ну и подзаработать денег.

БАМ. Город Северобайкальск. 1979 год

Сел в поезд и без направления, самостоятельно поехал на Байкал на строительство нового города – Северобайкальска. Поступил в предприятие «Главленинградбамстрой». Конкурс большой, шел жесткий отбор желающих по состоянию здоровья и специальности. На строительство БАМа ехала лучшая молодежь страны. Город только начал строиться. Сейчас на берегу озера – это город-красавец, тогда там была грязь и неразбериха, как и на всякой другой стройке в период начала работ.

Многие считают, что с экологической точки зрения строить город там было не целесообразно, так как неминуемо начнется загрязнение озера. Нет слов, весь БАМ не стоит одного озера Байкал, - этой мировой жемчужины. Здесь не тронута природа, а о чистой, прозрачной воде и говорить нечего. На очень большой глубине видно дно озера. В изобилии всякой рыбы, особенно ценится омуль. На южном берегу озера он крупнее, называется Посольской. На ловлю удочкой омуля давали лицензию – не более 25-30 штук рыб. Одно время Байкал был сдан в аренду Чехословакии, они выловили омуля почти подчистую. Дело в том, что эта рыба буквально лезет на свет, например, электрической лампочки или фонаря. Этим пользуются браконьеры, воспользовались, по-видимому, и чехи. Они привезли с собой соответствующее оборудование и мелкие сети.

На удивление всем, в этом озере водится морское животное – нерпа.

Зимой жители занимаются подлёдным ловом. В выходные дни вся поверхность пруда усыпана палатками и всякого рода укрытиями, в которых сидят рыбаки.

Летом Юрий Николаевич совершил экскурсионную поездку, на ракете проплыл восемьсот километров за один день. Однажды весной с друзьями ходили на рыбалку, принесли полный мешок налимов, водится там, и щука, и окунь, и много другой речной рыбы.

Исконные жители - Бурята. Они строго следят за Байкалом. Ловят и наказывают браконьеров. Однажды бурятский суд приговорил к тюремному заключению несколько работников научно-исследовательского института.

Широко известна Байкальская Баргузинская тайга, она очень богата зверем и птицей, там водится особенно ценный соболь.

На южном берегу построен и действует бумкомбинат, выпускающий специальную гербовую, очень ценную бумагу, но приносит большой вред Байкалу. Очистные сооружения его не обеспечивают полную и качественную очистку отходов. Рыба в этом районе больная, не пригодная к употреблению.

Жил Юрий Николаевич в хорошем общежитии. Через полгода был назначен бригадиром столяров – пиломатериалщиков в лесопильном цехе. Готовили пиломатериал для строительства жилья, контор, бань, клубов и прочих социально-культурных и промышленных объектов. Потребность была невероятная. Спрос опережал изготовление.

Строительство Байкало-Амурской магистрали началось в Иркутской области. Первостроители рубили лес, прокладывали автотрассы и железнодорожное полотно, по берегу Байкала и в горах пробивали тоннели, строили жильё. Со всей страны сюда съехались квалифицированные специалисты, трудились героически, с энтузиазмом. Хулиганства, бандитизма и воровства не было. Были организованы крепкие профсоюзные, партийные и комсомольские организации, они взяли на себя соблюдение порядка и дисциплины на предприятиях. К строителям с концертами часто приезжали известные артисты.

Рабочий день в бригаде официально установлен восемь часов, но работали часто и больше, так как поступали срочные заказы, за них хорошо платили. Всё делалось добровольно, никто не принуждал и не уговаривал. Этому способствовали хорошая оплата труда материальное обеспечение, но бытовые условия не всегда удовлетворяли приехавших. Были неудобства, например, в маленькой комнате жили четыре-пять человек, было тесно, неудобно; питьевая вода в бачке сырая, стоит в коридоре; туалет на улице. Всё это было элементарное. Сначала строили временную базу. Капитально строить стали позднее, в результате были дополнительные затраты средств и времени.

Зарплата была в два-три раза выше, чем на материке и многие, живя трезво и скромно, скапливали приличную сумму денег. Юрий Николаевич львиную долю заработанных денег ежемесячно отправлял семье, оставляя себе только на пропитание.

Продуктов питания было в изобилии, одной тушенки насчитывалось двенадцать сортов. В продаже имелись такие редкие продукты, как рябчики, глухари, много всяких фруктов и овощей. В центральной части России и на Урале такого изобилия не было. Спецдежда тоже на редкость, например, меховые курточки, тёплая обувь. Но в целом пили строители много. И ещё был один большой недостаток – царила бесхозяйственность, безответственность и плохой учёт материальных ценностей. Материалы и оборудование хранились под открытым небом, порой без учёта и охраны. Ничего не берегли, оборудование ржавело, материалы гнили, а по железной дороге всё везли и везли, и всё сгружали тут же, у железнодорожных путей.

Народ на БАМ ехал молодой, здоровый, средний возраст 25-30 лет. В первые годы

отбор был особенно жестокий. Юрий Иванович имея отличное здоровье, первый раз на медицинской комиссии был забракован, врач-невропатолог определил, что у него не в порядке нервы, так как дрожат пальцы на вытянутой руке. Спасло то, что был высококвалифицированным столяром – специальность редкая.

Много было перерыто земли, вырублено и брошено леса. Прошли годы, и всё это пропало. Трудно оценить ущерб от такой бесхозяйственности.

Нормально стали заниматься, когда начались конфликты с Китаем. Граница почти рядом. Люди подтянулись, стали серьёзно относиться к делу, появился настоящий отчёт и ответственность за порученное дело.

Ещё ранее, на совещании в Кремле, учёные правительству предлагали, на подготовку, к началу строительства БАМа, отвести пять лет, чтобы на местах без аврала построить настоящее жильё, соцкультобъекты, дороги, склады; завезти туда всё необходимое для начала работ, но Брежнев привёл пример строительства во время Великой Отечественной войны, когда на голом месте быстро строились и пускались в работу сотни промышленных объектов без всякой подготовки. Сравнение неудачное, не та была обстановка, и не те люди.

Через год Юрий Николаевич получил отпуск и уехал к семье на Украину. Обратного его жена не отпустила. Работать устроился в строительный участок плотником. Прошел год, и снова потянуло в Сибирь.

БАМ. Мостостроитель. 1981 год

Попал в Якутию, город Чульман. На работу поступил в престижное предприятие – Белорусский мостостроительный отряд № 49. Организация сильная, крепкая. По всей Якутии строили сложные инженерные сооружения – мосты любого класса сложности и прочности. Отдельные объекты находились от базы, город Чульман, на расстоянии сто-двести и даже четыреста километров.

Одновременно отряд строил шесть-семь мостов. Таких отрядов на БАМе несколько. Отдельные конструкции готовились в Чульмане, наиболее сложные заказывали в Улан-Удэ и другие заводы.

На БАМе первыми идут мостостроители. Путь ещё нет, а мост через ущелье или реку уже готов и будет стоять год-два, пока к нему не подведут пути. Живут в тайге, далеко от людей. Доставка материалов, оборудования, продуктов и рабочей силы, в основном, вертолётами. Живут в вагончиках с двухъярусными кроватями, по восемь человек в одном вагончике. Условия тяжелые, туалет на улице, вода зимой в бачке замерзает, температура в вагончике к утру падает до нуля градусов. Работают зимой при температуре минус пятьдесят-шестьдесят градусов, пока выдерживает металл. Летом мошара лезет в рот, нос, глаза и уши. Рабочие специальности – монтажники, электросварщики, клепальщики. Для зачистки металла перед сваркой применяются пескоструи. На строительстве моста через реку работают водолазы. В сильно обводнённых местах летом применяются кессоны, зимой – выморозка. При закладке моста предусматривается большой запас прочности. Строилось на века.

Было очень тяжело, но люди не разбегались, не бросали работу и не уезжали домой, «на большую землю». Держала высокая зарплата и хорошее материальное обеспечение. Здесь трудящийся мог приобрести любую машину, в то время как на родине это было проблемой, большие очереди и работать на неё нужно было много лет.

Среди трудящихся велась воспитательная работа. На страже прав рабочего стоял профсоюз и партийная организация. Раз в неделю проводились политинформации, людям сообщали новости в стране и за рубежом, привозили газеты и журналы. Рабочий не чувствовал себя брошенным на произвол судьбы. Соответственно и настрой у людей был высокий, патриотический. Осужденные и зэки сюда не допускались. Бывали здесь и женщины, родились дети, семьи жили в антисанитарных условиях. Коллектив мостостройотряда восемьсот человек разных национальностей. Двести человек инженеры и техники.

Начальник отряда – Чеслав Антонович Дубко, поляк по национальности. Имеет звание – Заслуженный мостостроитель СССР – грамотный, опытный и очень строгий. Его все боялись. С ним жила жена и калека сын. При всех положительных производственных качествах Дубко был очень странный человек, не терпел возражений, был груб, и вообще, как говорили, «перегибал палку». Например, мог зайти в строящееся здание, и приказать электрикам перенести электропроводку, проложенную согласно проекта поверху, под потолком, книзу, проложить у пола. И переделали.

В бригаде плотников, где работал Юрий Николаевич, от пятнадцати до двадцати человек. Однажды Дубко зашел к ним в столярку и говорит ему приказным тоном:

— Изготовить триста табуреток. Срок две недели.

У Юры в помощниках работал пожилой человек, бывший мостостроитель, металлист по профессии, фамилия Капустяк, белорус по национальности, очень скромный и застенчивый человек. Он до смерти боялся Дубко, который мог его в любое время отправить на пенсию, но был одинокий, и ему некуда было ехать. Юрий Николаевич ответил начальнику:

— Можно сделать, но нужен сухой пиломатериал, а его у нас нет, и сушить негде.

А Капустяк добавил:

— Мы не успеем так быстро сделать триста штук.

Дубко, заложив руки за спину, строго посмотрел на него, и говорит:

— А, так ты меня не понял!

Капустяк от испуга сел на пол и, заикаясь, говорит:

— Понял, понял, Часлав Анатольевич.- Дубко, подумав, сказал:

— А ты, Капустяк, будешь табуретки делать металлические, повернулся и ушел, уверенный в том, что приказание его будет выполнено, так как ещё никто не отваживался не выполнить его, даже абсурдные приказы. Здесь, в тайге он был царь и бог. Капустяку стало плохо, схватился за сердце. Он не представлял, как из железа делать табуретки, а указание получил лично, и его надо выполнять, иначе можешь лишиться работы.

— Иди в кузницу и попроси, чтобы сварщики тебе сделали стальные ножки для двух табуреток, они сообразят как сделать, а я приготовлю из досок сиденья, подсказал Юрий Николаевич. К концу смены две табуретки были готовы, выглядели плохо.

В это время снова пришел Дубко. С собой принёс свой проект сушилки. Топка прямо под стеллажом, куда должны укладываться доски. Они от огня отделены тонким листом железа. Было ясно, что нижние доски быстро нагреются и загорят, но спорить никто не стал. Сушилку изготовили.

На следующий день, под руководством самого Дубко, заложили несколько кубометров досок и подожгли. Через четыре часа доски в сушилке запылали пламенем. Он посмотрел на своё изобретение и на табуретки, махнул рукой, выматерился, и сказал:

— Чёрт с вами, делайте, как хотите,- повернулся и ушел. С тех пор долго не появлялся в этом участке. К мнению других он не прислушивался, был груб. На разрядке руководителям участков и бригад давал команду: - Бегом!

Но в городе создал музей. В отряде всё было своё: клуб, баня, художественная самодеятельность, футбольная команда, художник. В городе была школа, где учились дети, клубы, больница, бани, детские ясли и садики.

А в тайге рабочие жили в экстремальных условиях: тесные, зимой холодные вагончики, туалеты на улице, отсутствие какого-либо развлечения, однообразная полусухая пища, летом тучи мошкары.

Люди на БАМ приехали со всей страны, коллектив многонациональный, большинство русских, но вражды, унижения и оскорбления какой-либо отдельной нации не было. Во главе был поставлен призыв: - «Сначала рельсы – потом люди!».

Главная задача – построить БАМ. Народ принимал это, как основу в их жизни.

По ходу работы мостоотряду попадались старые деревянные мосты, построенные ещё при первом строительстве БАМа в тридцатые годы. В первые годы войны рельсы были сняты и вывезены на строительство оборонительных сооружений в Сталинграде и других фронтовых городах. Деревянные мосты были так умно и прочно сделаны, что больших трудов стоило разбирать их сейчас, стыки приходилось просто выпиливать. Тогда БАМ строили заключённые, стройка была «закрытой».

В столярном участке главным специалистом был Юрий Николаевич, ему поручалась наиболее сложная и ответственная работа. Со сменщиком за день обрабатывали до четырнадцати кубометров древесины. Всё шло хорошо. Беда пришла внезапно. По своей вине и мягкотелости тяжело травмировался. Это произошло следующим образом. Зимой мастеру его цеха выделили квартиру. В конце рабочего дня в столярный участок зашли два инженерно-технические работника, друзья этого мастера, из лесопильного участка, то есть прямые руководители Манакова, и попросили его острогать несколько досок для полок в новую квартиру. Рабочий день кончился, цех нужно было закрывать, ключи сдать. Но из уважения к начальству, согласился выполнить эту небольшую просьбу. На улице минус шестьдесят градусов, занесли доски, они с мороза как стеклянные, скользкие. Стал фуговать, доска соскользнула, правая рука попала под нож электрофуганка, на каждом пальце правой руки обрезало по два фаланга. В первый момент

не почувствовал боли. И только когда увидел вместо кисти кровавую култышку, почувствовал сильную боль в руке, с ужасом осознал, что с ним случилось, обрезало пальцы руки, которая всю жизнь верой и правдой служила ему, кормила всю его семью.

В отношении техники безопасности порядок был строгий. Уже на второй день о несчастном случае, который характеризовался как тяжёлый, знали в Москве. Началось расследование. Над мастерами, уговорившими его поработать, нависла угроза привлечения к строгой административной ответственности, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ему же предстояло по инвалидности уйти, правда с хорошей пенсией, из предприятия, и всю жизнь нести клеймо инвалида, расстаться с любимой работой.

Из головы не выходила судьба мастеров, невольно чувствовал перед ними вину, не толкали ведь они его руку в нож. Долго думал, и решил – всю вину взять на себя, хотя смутно и представлял, как много будет терять денег под старость, после выхода на пенсию.

На комиссии сказал, что строгать доски взялся сам, без чьёго-либо указания и разрешения. Оформили документ на инвалидность, и предложили пойти на пенсию или на лёгкий труд. От всего отказался. Был верующий, про себя сказал: - «Господь бог, дай мне здоровья, чтобы я мог трудиться и зарабатывать деньги на содержание своей семьи».

Неизвестно, что больше помогло, богатырский организм или обращение к богу, но рука быстро стала заживать, и вскоре вышел на прежнее место работы, где и трудился ещё четыре года, удивляя товарищей по работе, и своё начальство, высокой производительностью труда и отличным качеством продукции. Позднее на пенсию, как и все, вышел шестидесяти лет, отказавшись от инвалидности, хотя и имел на руках акт о несчастном случае. Алданский ВТЭК тогда записал: - «Потеря 25 процентов профессионального и 25 процентов физического здоровья». На каждом пальце правой руки осталось по одному фалангу.

Возвращаясь назад, следует сообщить, что после отработки двух лет, привёз сюда семью, год прожили вместе и уехали обратно, так как климат после Украины отрицательно повлиял на состояние здоровья жены и детей.

На Украине продали дом, уехали в Ставрополь, там купили дом и остались жить.

После окончания работы на БАМе в 1984 году увёз домой бесплатный контейнер с имуществом: диван, посуда, бытовые приборы, электропечь, духовку, много оленьих и лосиных рогов, их раздал друзьям и знакомым. Денег не нажил, все отправлял ежемесячно домой. За семь лет заработал 80 процентов надбавок, районный коэффициент был сто процентов. Заработал не плохо, семью обеспечил всем необходимым. У монтажников, непосредственно на сборке мостов, зарплата была значительно выше.

Местное население - якуты. Народ трудолюбивый, закалённый. В условиях сурового климата веками боролся за выживание. Во время строительства БАМа многому научился у строителей. Толчком к улучшению жизни послужил простой случай. По решению регионального правительства в этот район страны в большом количестве стали завозить качественный комбикорм для скота, плёнку и стекло для устройства теплиц.

Всё это продавалось по сходной цене. Местное население и приезжие стали строить свинарники, теплицы и разрабатывать огороды. Этим стали заниматься семейные ба-мостроители, они разводили целые фермы на пятнадцать-двадцать поросят. На рынке появилось изобилие свежей свинины и овощей.

Последние годы на БАМе, по его сведениям, средств на строительство стали выдавать меньше, руководство стройки обюрократилось, зарплата упала, рабочие такого энтузиазма и патриотизма, как в первые годы, уже не проявляли.

Многие там обогатились, воровали всё, что понравится, грузили в контейнеры и везли домой японские электропилы и сварочные аппараты; электрические рубанки и дрели; паяльные лампы, японские часы; всё вплоть до мелких станков. Техника и инструменты все были импортные, только автотранспорт был отечественный.

Когда трудился в мостоотряде, пришлось поработать в Алдане, тоже строили мост. Там много приисков. Край очень богатый золотом, в старые времена, рассказывают, туда добирались даже китайские ханхузы, старатели бывало за стакан спирта отдавали стакан золота. Было негласное указание – ханхуза стрелять без суда и следствия на месте.

Последние годы

После БАМа год жил и работал на Украине, затем в Ставрополе. В 1991 году больной отец вызвал на Ис. Ехал на время, через год-два рассчитывал вернуться к семье, но отец долго болел, умер в 2001 году, нужно было решить вопрос с квартирой и домом, а затем и сам тяжело заболел. В том же девяносто первом поступил на работу в Нясьминскую газокompрессорную станцию, столяром в ремонтно-строительный цех. Столярный цех был голый, оборудование и инструменты частично разворованы, остальное разрушено и выброшено на свалку, рабочие занимались мелкой работой или вообще бездельничали.

Юрий Николаевич решил восстановить оборудование. Привлёк к этому сообразительного техника, но заядлого алкоголика, - Роберта Абакумова, который бывало неделями, а то и месяцами не выходил на работу. Юрий Николаевич скрывал его прогулы, так как кроме Абакумова восстановить станки никто больше не сможет. Из обломков собрали станки, потратив на это не мало своих денег.

Столярный участок заработал. Делали полы, рамы, двери, плинтуса и прочие изделия. Рабочие в первое время отнеслись к этому без энтузиазма, так как их стали загружать работой, а они привыкли «валять дурака». Постепенно коллектив обновился и окреп, появились опытные специалисты. Но со временем здоровье ухудшилось и пришлось сменить работу, ушел в охрану. В 1998 году вышел на пенсию. По состоянию здоровья выехать к семье в Ставропольский край не может, противопоказана смена климата.

Бурная жизнь окончилась, началось тихое, спокойное существование.

Долгожитель

В уютном просторном доме посёлка Верх-Ис меня приветливо встретила хозяйка – Васса Поликарповна - жена Антона Алексеевича Волочай. Деловая, гостеприимная женщина выглядела моложе своих шестидесяти восьми лет.

Узнав, что я хотел бы встретиться и поговорить с Антоном Алексеевичем, она разбудила, отдохавшего на койке мужа. Я ехал в Верх-Ис, и думал встречу дряхлого старика. Знал, что Антону Алексеевичу в декабре исполнится девяносто семь лет. Возраст приличный и рассчитывать на то, что встречу энергичного, жизнерадостного человека не приходится. С койки поднялся пожилой человек, но, отнюдь, не дряхлый старик.

У нас завязался оживлённый разговор. Антон Алексеевич при обычной речи иногда переспрашивал. Поэтому говорить пришлось громче обычного. Он поведал о своей жизни, которая оказалась, несмотря на многие прожитые годы, проще, чем я ожидал, в последние пятьдесят-шестьдесят протекала тихо, спокойно, без бурных страстей, острых приключений, взлётов и падений на производстве и в личной жизни.

Родился в Краснодарском крае, станице Имперетинской, в семье казака-крестьянина. Отец Алексей Иванович, в детстве беспризорный батрак по найму, работал у богатых казаков подпаском, зимой ухаживал за чужой скотиной. Повзрослев, пристал в зятя к деду Грамацкому, женившись на такой же бедной казачке, служившей у хозяина кухаркой. После женитьбы упорно взялся за крестьянскую работу. Родилось четыре сына и дочь.

Дети подрастали и с юных лет «впряглись» в работу. Родители были скуповаты, каждый нажитый рубль вкладывали в хозяйство. Главным богатством у казаков станицы считалось наличие тягловой силы – волов. Это объяснялось тем, что почва на пашне была очень тяжелая, и неудобная для пахоты. При вспашке поля, в плуг впрягалось сразу шесть волов. Лошадей держали, но не постоянно. Все перевозки грузов осуществлялись на волах, для этого были приспособлены телеги и плуг. Отец помнил, когда пахали ещё сохой.

Жили не богато, но без хлеба даже в неурожайные годы не сидели. Сеяли, в основном, пшеницу. Сельскохозяйственных машин, таких как сеялка, молотилка, веялка и прочие не имели, только плуг и две телеги.

Природа теплая, мягкая. Урожаи хлеба, фруктов и овощей, за редким исключением, были хорошие. Всё было своё и в достатке. Семья десять человек. Замужняя дочь жила отдельно, и под выселение не попала. Два сына, в том числе и самый младший – Антон, были женаты. Старшего с семьёй перед выселением родители отделили, выделив ему два вола. Антона тоже срочно женили, чтобы отделить, передав ему часть хозяйства, в надежде на то, что их раскулачивать не станут, так как хозяйство будет небольшим, и, может быть, не подпадёт под статью о раскулачивании. Но не получилось. Посчитали всё за одно целое, не приняв во внимание, что пользуются им три семьи.

Казаки в станице жили по-старинке, часов в доме не имели, баню и туалет тоже не строили – «Ходили за сарай или в лесок». - Смеётся Антон Алексеевич.

После мировой и Гражданской войны жить было трудно. В 1924 году был введён НЭП, стало легче, иногда рубили по выписке лес и везли его на продажу, излишки хлеба тоже продавали. Коров держали одну-две, четыре свиньи, овцы, куры.

Образование Антон имел неполных три класса. Третий класс окончить не успел, началась пахота и посевная компания, отец взял его водить волов на пашне, это была обязанность подростков.

Раскулачивать и выселять Волочаев пришли третьего мая 1931 года. Антону тогда было двадцать один год. Отобрали землю с посевом, сельхозинвентарь, из амбара выгребли всё зерно. Хорошей одежды и посуды не было, их разрешили взять с собой. С собой разрешили взять груз, – продуктов и одежду, по четыре пуда на человека.

В станице было шестьсот шестьдесят дворов, выселили много, точно он не знал сколько.

Поездом привезли на станцию Выя, пересадили на узкоколейку, и высадили на станции Крючковка у посёлка Верх-Ис. С тех пор проживает в этих местах, сначала в посёлке Граневое, затем в Лабазской. Позднее построил дом, в котором сейчас живёт на Верх-Ису.

Первая жена предлагала вернуться на родину, он отказался, жена уехала одна. Работать поступил матросом на паровую драгу №26, вскоре перевели кочегаром, через некоторое время машинистом.

В 1937 году по доносу был арестован и увезён в Соликамск. Его обвинили в том, что, якобы, занимался антисоветской агитацией и вредительством – умышленно разморозил трубку в паровом котле. Просидел восемнадцать месяцев и, за неимением доказательств, был отпущен, при этом получил за задержку компенсацию 3400 рублей.

В 1942 году взяли в армию. Служил рядовым, за хорошую службу было присвоено звание - ефрейтор. Воевал в составе четвёртого Украинского фронта в Чечне, Тверской, Кубанской и Донской областях. Затем первый Белорусский фронт. Освобождал Украину, Белоруссию, Польшу. Получил лёгкое ранение в ногу. Домой вернулся осенью 1945 года.

В 1949 году женился вторично. С Вассой Поликарповной прожил вот уже пятьдесят шесть лет. У них четыре сына, живут в разных местах. Один в Качканаре, второй - машинист злектровоза в Каменск-Уральском. Его приглашали в Кремль на встречу с президентом Путиным.

Один из братьев Антона Алексеевича в тридцатых годах с высылки бежал, но на родине был пойман и осуждён. Второй брат потерялся почти на глазах у людей, найти не могли. Сейчас из близких родственников, кроме своей семьи никого нет.

После армии на работу поступил в старательскую артель Петра Ивановича Иванова. В артели семь человек. Работали в четвёртом логу, затем в увале реки Ис, близ посёлка Лабазска. Богатых намывок не было, но на питание и одежду хватало. Намытую платину ежедневно после работы сдавали в золотоскупку в посёлке Верх-Ис, за металл получали боны. Артель распалась, поступил машинистом на драгу №27. Дослужился до старшего машиниста и в 1964 году вышел на пенсию. Получал 112 рублей. Затем размер её многократно менялся, теперь, как участник войны, получает свыше десяти тысяч рублей.

Вот уже свыше сорока лет занимается личным подсобным хозяйством. Много лет держал лошадь, весной жителям пахал огороды, по тридцать-сорок огородов за сезон, обеспечивал всех нуждающихся, за что жители, в основном одинокие женщины, были весьма благодарны ему. Брошенную землю припахивал себе. Садил овощи. Осенью накапывал до семисот ведер картошки, лишнюю, четыреста ведер, продавал. Имел корову, овец.

Охотой и рыбной ловлей не занимался, с детства к этому не был приучен.

До 2005 года, в возрасте девяносто шесть лет, сам косил в огороде траву. В 2006 году сделал операцию на глазах, так как совсем ослеп, поэтому жена косить не разрешила, сено только грёб. Зрение после операции частично восстановилось.

На вопрос – Болеет ли чем-нибудь? – Ответил, - иногда в спину ударит, или в боку заколет.

В чём же причина долголетия, Антон Алексеевич, при таком удовлетворительном здоровье? – Спросил я.

Четкого ответа не получил, но выяснилось, что в молодости долго курил, сейчас уже больше сорока лет не курит. Спиртные употреблял, и даже сейчас может рюмочку пропустить, но делал это умеренно.

— Не занимался ли спортом? – Опять поинтересовался я.

— Весь мой спорт был в постоянной работе со скотиной, в огороде и на покосе.

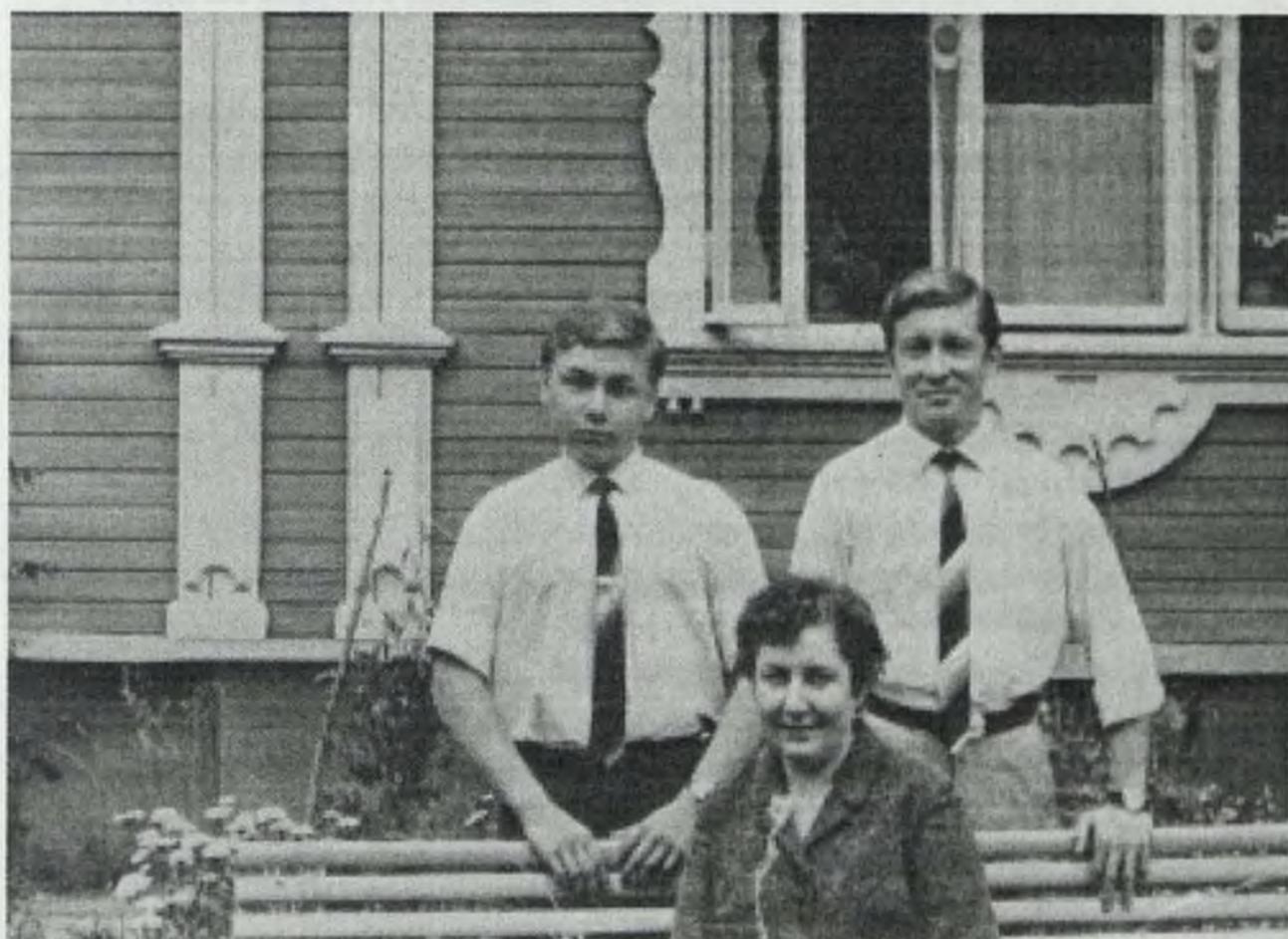
В результате этой интересной беседы напрашивается вывод такой, что причиной долголетней активной жизни является постоянная умеренная физическая нагрузка, правильное питание со своего огорода, отказ от дурных привычек, то есть от курения и от чрезмерного употребления спиртных напитков, свежий воздух, чистая вода и спокойная, умеренная, без стрессов, жизнь.

Жена его - Васса Поликарповна на производстве не работала. На целый день хватало работы по дому, в огороде, на покосе. Занималась воспитанием детей, четыре сына требовали постоянного надзора.

Жизнь этих людей может служить примером для подражания.

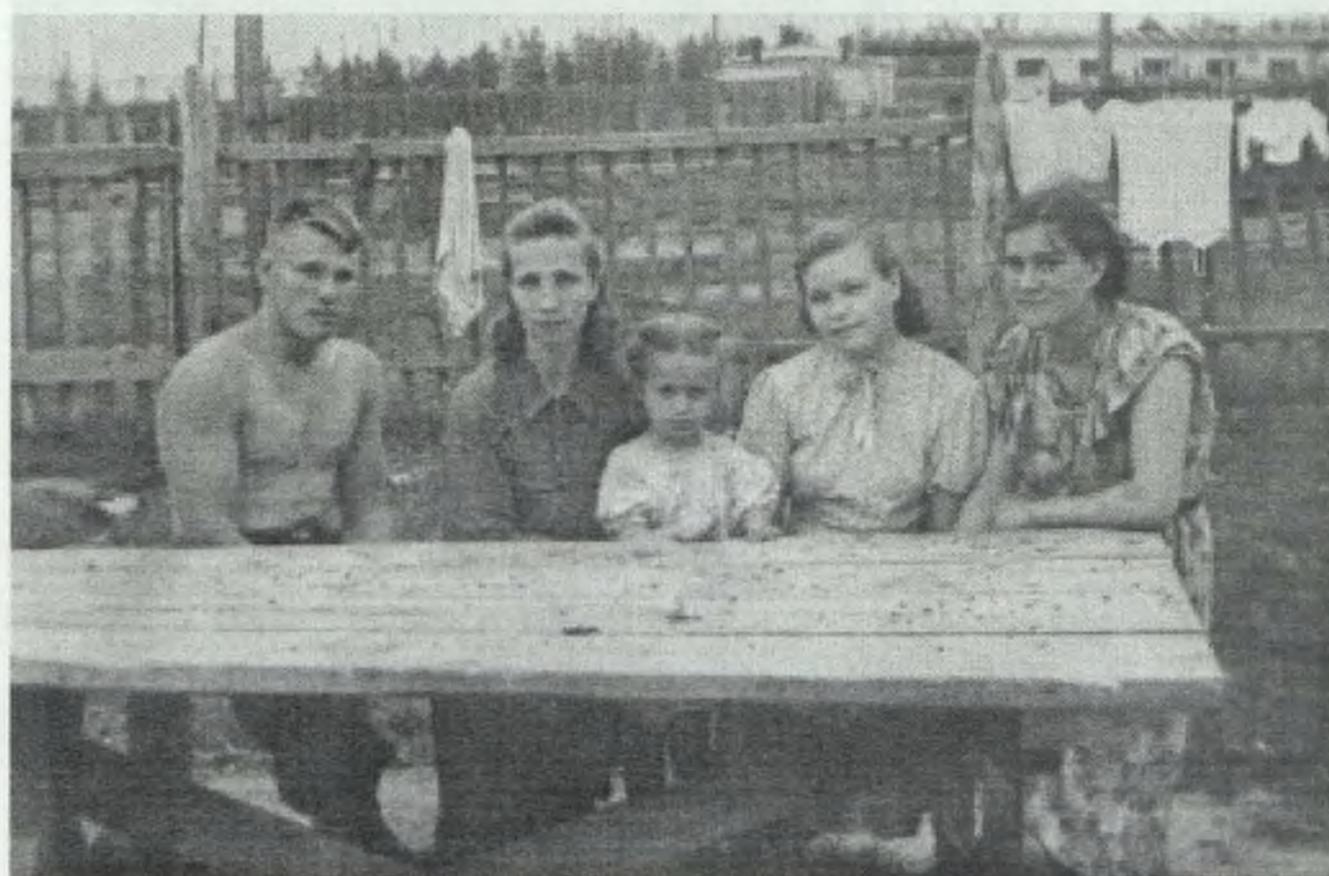
Манаков Юрий Николаевич

Лидия Васильевна, Анатолий, Юрий Манаковы

Манаковы

Оглавление

Часть 1. Искатели «фарта»-старатели.....	4
Рассказ «Старатель». Л.Мамонов.....	25
Старательские прииски и посёлки 19-начало 20 века в Исовском месторождении платины	27
Крестовоздвиженские прииски графа Шувалова.....	36
Д.Н.Мамин-Сибиряк. Платина. (Висимские старатели).....	40
Цена платины.....	55
Законы и постановления о работе приисков.....	57
Положение старателей на приисках.....	60
Исовские старатели.....	65
Рассказ И.Г.Шубина.....	73
Косьинские старатели.....	76
Кытлымские старатели.....	81
Каменушка.....	82
Хищничество и утайка металла.....	84
В годы Великой Отечественной войны.....	92
Государственная шахта.....	100
Старатели 20 века.....	104
Часть 2. О некоторых руководителях золотоплатиновой промышленности....	121
Бурдаковы.....	121
Г.К.Орджоникидзе.....	126
А. П.Серебровский.....	130
В.П.Смирнов.....	134
П.П.Попков.....	146
И.С.Ершов.....	150
А.Н.Гордеев.....	151
Ляпцевы.....	154
Е.Г.Кузнецов.....	163
Чайки.....	167
В.В.Бахеркин.....	169
В.И.Кузнецов.....	173
О некоторых других руководителях.....	176
Часть3. О жителях посёлка Ис. Манаковы.....	180
Долгожитель.....	210

За спонсорскую помощь в издании этой книги автор благодарит Генерального директора ООО «Магистраль» В.В. Огибенина, главу администрации Нижнетуринского округа В.Д. Шерстобитова, главу администрации города Лесной С.В. Щекалева, главу администрации города Качканар А.А. Калугина, начальника Лялинского ЛПУ Ю.И. Попова.

Отпечатано в Нижнетуринской типографии
Гарнитура Arial Narrow. Заказ 1160. Тираж 300.
Объем 13,5 п.л.

ГУП СО «Нижнетуринская типография»
624221 г. Нижняя Тура, ул. Скорынина 17.

